

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПАЛЕСТИНСКИЙ  
СБОРНИК

ВЫПУСК  
14 (77)

Р. Г. РЫЛОВА

ГРАММАТИКА  
СИРИЙСКОГО ЯЗЫКА  
ИЛЬИ ТИРХАНСКОГО  
XI в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

1 9 6 5

АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

# ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К  
14 ( 77 )

Р. Г. РЫЛОВА

ГРАММАТИКА  
СИРИЙСКОГО ЯЗЫКА  
ИЛИ ТИРХАНСКОГО  
XIV



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»  
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД  
1 9 6 5

Ответственный редактор  
член-корреспондент АН СССР  
Н. В. ПИГУЛЕВСКАЯ

## ВВЕДЕНИЕ

Возникновение и развитие грамматических учений на Востоке мало разработано и изучено. Ни в одном общем труде по истории языкознания<sup>1</sup> нет раздела, посвященного грамматическим исследованиям языков народов Востока. В настоящее время имеются лишь работы по истории грамматических исследований отдельных языков.<sup>2</sup>

История развития грамматики у сирийцев изучена также еще недостаточно. Единственная монография, посвященная этому вопросу, — работа Меркса,<sup>3</sup> — вышла еще в конце прошлого века. Из-за неравномерного освещения материала, т. е. наиболее полного раскрытия значения работ самых видных грамматиков и кратких сведений о грамматиках, не имевших, по его мнению, большого значения, или вообще отсутствия сведений о многих из них, труд Меркса оставляет большой простор для дальнейших исследований.

Глубокое и всестороннее знание сирийских грамматических учений на всех этапах развития, пути развития сирийской грамматики, влияние грамматик других языков представляет несомненно большой интерес и для современной науки о языке.

Сирийский язык входит в восточную группу арамейской ветви семитского языкового ствола и является литературным языком христиан северной Сирии и Месопотамии.<sup>4</sup>

<sup>1</sup> В. Томсен. История языкознания до конца XIX в. (с приложением: В. О. Шор. Краткий очерк истории лингвистических учений с эпохи Возрождения до конца XIX в.). М., 1938; С. Д. Кацнельсон. Краткий очерк языкознания. Л., 1941.

<sup>2</sup> Например: G. Flügel. Die grammatischen Schulen der Araber. Leipzig, 1862; В. Гиргас. Очерк грамматической системы арабов. СПб., 1873 (в дальнейшем: Гиргас. Очерк); M. Merx. L'Origine de la grammaire arabe, communication faite à l'institut Égyptien dans la séance du 9 janvier 1891. Le Caire, 1891; В. А. Звегинцев. История арабского языкознания. Краткий очерк. М., 1958; W. Bacher. 1) Die hebräische Sprachwissenschaft vom 10. bis zum 16. Jahrhundert. Trier, 1892; 2) Die Anfänge der hebräischen Grammatik. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft (ZDMG). Bd. 49, 1895; H. Hirschfeld. Literary history of Hebrew grammarians. London, 1926; и т. д.

<sup>3</sup> A. Merx. Historia artis grammaticae apud Syros. Leipzig, 1889 (в дальнейшем: Merx. Historia).

<sup>4</sup> С. Brockelmann. 1) Syrische Grammatik mit Paradigmen, Literatur, Chrestomathie und Glossar. Leipzig, 1955 (в дальнейшем: Brockelmann. Syrische Grammatik); 2) Das Aramäische, einschliesslich des Syrischen. Handbuch der Orientalistik, Bd. III, 2/3. Leiden, 1954, pp. 135—162; Д. Дириггер. Алфавит. Пер. с англ. М., 1963.

Он был распространен в собственно Сирии, а также в Междуречье у границ Ирана — на север до областей Закавказья. Эти области были арамеизованы в VIII—VII вв. до н. э. Впоследствии из местного диалекта арамейского языка выработался литературный язык, получивший название сирийского. Классической ступени своего развития этот язык достиг в Эдессе. Древнейшие надписи Эдессы относятся к I—II вв. н. э., документ из Эдессы 243 г. н. э., датированный по селевкидской эре, написан скорописью, которая имеет все отличительные черты сирийского письма.<sup>5</sup> Сирийский язык — язык гибкий, способный передавать глубокие и отвлеченные понятия, философские представления.

Многие ученые прошлого столетия, в том числе Ренан, Дюваль, Райт, Риссель,<sup>6</sup> считали, что сирийская литература создается только в эпоху проникновения христианства в связи с оживленным религиозным движением и первым ее памятником является перевод Библии, — так называемая Пешитта.

Литературный сирийский язык существовал еще до распространения и принятия христианства, и в это время уже имелась богатая литература. Древняя традиция передает нам сведения о поэтических произведениях сирийцев, существовавших еще в языческий период.<sup>7</sup>

Расцвет сирийской литературы относится к периоду от IV до X в. н. э., когда сирийский язык стал вытесняться арабским. Но и в дальнейшем он остается литературным языком сирийцев, а его сокровищница пополняется новыми произведениями вплоть до XVII в.

Сирийский язык был литературным языком ассирийцев, носителей живых восточноарамейских диалектов, „... расселенных по всему Ближнему Востоку — от Антиливанских гор (Сирия) до северных берегов оз. Резайе (Урмия) (Иранский Азербайджан)“.<sup>8</sup>

Историю возникновения и развития сирийской грамматической мысли следует рассматривать в некоторой связи с греческим влиянием. В западной Сирии благодаря эллинизации Ближнего Востока был широко распространен греческий язык. Как грамматические учения сирийцев испытали на себе влияние „греческого образца в элементах и основах своей системы“, — пишет Ярослав Ткач, — так и сирийский язык имеет элементы греческого языка, а именно заимствованные слова,

<sup>5</sup> Ch. C. Torrey. A syriac Parchment from Edessa of the Year 243 A. D. *Zeitschrift für Semitistik*, Bd. X, Leipzig, 1935, pp. 33—45; Ed. S a c h a u. *Edessenische Inschriften*. ZDMG, Bd. 36.

<sup>6</sup> E. Renan. *Histoire général et système compare des langues sémitiques*. Paris, 1878; R. Duval. *La littérature syriaque*. Paris, 1907 (в дальнейшем: Duval. *La littérature syriaque*); В. Райт. Краткий очерк истории сирийской литературы. Пер. с англ. К. А. Тураевой, под ред. и с доп. П. К. Коковцова. СПб., 1902 (в дальнейшем: Райт. Краткий очерк); V. Rysse. *Über den textkritischen Wert der Syrischen Übersetzungen griechischer Klassiker*. Leipzig, I, 1880.

<sup>7</sup> D. J. Tkatch. *Die arabische Übersetzung der Poetik des Aristoteles und die Grundlage der Kritik des griechischen Textes*, Bd. I. Wien und Leipzig, 1928, pp. 41a, 42a (в дальнейшем: Tkatch. *Die arabische Übersetzung der Poetik des Aristoteles*).

<sup>8</sup> К. Г. Церетели. Современный ассирийский язык. М., 1964, стр. 7.

среди которых много технических выражений, заглавные греческие гласные для обозначения сирийских гласных, „проникновение аппелятивных и глагольных обозначений для выражения общих мировых понятий и обычных потребностей языка, даже наречий и частиц для выражения логических категорий“.<sup>9</sup> Ряд греческих слов, философские и научные термины вошли в сирийский язык и были им освоены. Связь сирийского языка с греческим была настолько тесной, что некоторые сирийские памятники включают большое число греческих выражений.<sup>10</sup>

Благодаря глубокому знакомству сирийцев с произведениями греческой литературы и многочисленным переводам в словообразовании и синтаксисе сирийского языка также сказалось греческое влияние. „К сирийским словам часто присоединялись даже греческие окончания слов (как суффиксы множественного числа  $\alpha\iota$ ,  $\omicron\iota$ ,  $\alpha$ ,  $\alpha\varsigma$ ,  $\epsilon\iota\varsigma$ ), часто в неверной связи“.<sup>11</sup> Однако влияние греческого языка на сирийский не является столь значительным, чтобы можно было говорить об изменении грамматического строя и словарного состава сирийского языка под влиянием греческого. Слова, вошедшие в состав сирийского языка из греческого, способствовали обогащению словарного фонда. В остальном влияние греческого языка мало затрагивало грамматический строй и не препятствовало самостоятельному развитию сирийского языка и его грамматики. Первые упоминания о греческом языке и литературе у сирийцев относятся к III в. н. э. Мара бар Серапион (Серапион Самосатский), сириец-философ, который жил не позднее III в. н. э., в письме к сыну пишет о том, чтобы он изучал греческий язык и литературу.<sup>12</sup>

Центром их изучения была Сирийская академия, так называемая „школа персов“ в Эдессе. Древнейшие, известные нам переводы с греческого относятся к V в., — это рукопись Британского музея (Add. 12150), датированная 411 г.,<sup>13</sup> и рукопись Публичной библиотеки в Ленинграде, которая содержит церковную историю Евсевия Кесарийского, написанную в 462 г.<sup>14</sup>

Первым известным переводчиком Аристотеля считается несторианский писатель V в. Хиба (Ива Эдесский).<sup>15</sup> Имя Аристотеля и его труды по логике стали широко популярны среди сирийцев и переводились и использовались в произведениях как философских, богословских, так и грамматических.

<sup>9</sup> Tkatsch. Die arabische Übersetzung der Poetik des Aristoteles, p. 49.

<sup>10</sup> Там же, стр. 43а, 50.

<sup>11</sup> Там же, стр. 50а.

<sup>12</sup> Райт. Краткий очерк, стр. 22; Kh. Georr. Les Catégories d'Aristote dans leur versions Syro — Arabes. Beyrouth, 1948, p. 3.

<sup>13</sup> W. Wright. Catalogue of the Syriac Manuscripts in the British Museum. Parts I—III. Oxford, 1870—1872 (в дальнейшем: Wright. Catalogue of the Syriac Manuscripts in the British Museum).

<sup>14</sup> Н. В. Пигулевская. Каталог сирийских рукописей Ленинграда. Палестинский сборник, вып. 6 (69), М.—Л., 1960 (XXIV).

<sup>15</sup> Райт. Краткий очерк, стр. 35—36; Tkatsch. Die Arabische Übersetzung der Poetik des Aristoteles, p. 57, Nota 1; J. B. Fischer. The origin of tripartite

Рассуждения на грамматические темы содержатся у Аристотеля главным образом в Поэтике,<sup>16</sup> передачу сиро-арабского текста которой традиция возводит к V в. „В сиро-арабской передаче «Поэтика» часто представляла не как отдельный самостоятельный трактат, а как часть «Органона» и присоединялась к «Категориям», поэтому помещалась вместе с «Риторикой», среди логических работ Аристотеля“.<sup>17</sup> Вследствие этого сирийские грамматики обычно ссылались на изучение „Органона“ Аристотеля, а не специально „Поэтики“.

Греческое влияние отразилось в сирийской грамматике и в методе, и в теории. Если поэтика описывала философскую структуру языка, то грамматика Дионисия Фракийского, со своими детализованными формулировками и правилами, служила сирийским грамматикам теоретической основой построения их грамматик.<sup>18</sup>

Об исходных положениях первых сирийских грамматиков, содержания и форме их работ известно немного.

Одним из первых сирийских грамматиков, о котором сохранились сведения, был автор VI в. Иосиф Хуза́йа (ум. до 580 г.), родом из Ахваза или Хузистана.<sup>19</sup> О его деятельности сообщает Бар Эбрей, писатель XIII в., в своей церковной хронике и грамматике сирийского языка. По свидетельству Бар Эбрея, он „...переменил эдесский (или западный) способ чтения на восточный, который употребляют несториане, в течение же всего времени при Нарсае они обыкновенно читали так же, как и мы, западные сирийцы“.<sup>20</sup> Некоторые исследователи сирийского языка считают его основателем системы пунктуации у восточных сирийцев.<sup>21</sup> Бар Эбрей отмечает еще, что Иосиф Хуза́йа написал трактат „о словах, которые читаются одинаково, но имеют различные значения“, и ссылается на него в своей грамматике: „Знай, что многие слова в сирийском языке как западными, так и восточными [сирийцами] произносятся одинаково, как [сказали] Хунайн бар Исхак, врач, Иешу бар Нун и Иосиф Хуза́йа“.<sup>22</sup> Многие ученые<sup>23</sup> называют Иосифа

*division of speech in semitic grammar. The Jewish Quarterly Review, vol. LIII, July, № 1, 1962; vol. LIV, № 2, 1963, pp. 6—7 (в дальнейшем: Fischer. The origin of tripartite division of speech in semitic grammar).*

<sup>16</sup> Fischer. The origin of tripartite division of speech in semitic grammar, p. 132 sq.

<sup>17</sup> Там же, стр. 2, 4.

<sup>18</sup> Там же, стр. 4—5; Merx. Historia.

<sup>19</sup> См. о нем: Merx. Historia, pp. 9—28, 68, 99—102; Райт. Краткий очерк, стр. 80; A. Baumstark. Geschichte der syrischen Literatur. Bonn, 1922, p. 116 (в дальнейшем: Baumstark. Geschichte der syrischen Literatur); B. Chabot. Littérature syriaque. Paris, 1935, p. 55 (в дальнейшем: Chabot. Littérature syriaque).

<sup>20</sup> G. Barhebraeus. Chronicon ecclesiasticum. Ed. J. B. Abbeloos et Th. Lamy. Lovanii, II, 1872—1874, p. 78; Ср. Райт. Краткий очерк, стр. 80.

<sup>21</sup> Baumstark. Geschichte der syrischen Literatur, p. 116; Chabot. Littérature syriaque, p. 55.

<sup>22</sup> Oeuvres grammaticales D'Aboul Faradj dit bar Hebreus, t. II. Ed. par M. L'Abbé Martin, Paris, 1872, p. 77; ср. Райт. Краткий очерк, стр. 80.

<sup>23</sup> Chabot. Littérature syriaque, p. 55; Fischer. The origin of tripartite division of speech in semitic grammar, p. 8.

Хузайю автором первой сирийской грамматики. Имеется в виду сирийский перевод греческой грамматики Дионисия Фракийского. В рукописи, в заглавии и подписи, она приписывается Иосифу Хузайе, который, по-видимому, перевел ее с греческого на сирийский.<sup>24</sup>

Характерно, что первый, известный нам, сирийский грамматик является автором перевода греческой грамматики.

Сирийский текст грамматики Дионисия Фракийского, сохранившийся неполностью, издан Мерксом<sup>25</sup> по трем рукописям: *A*—Cod. Mus. Brit. Add. 14620 Fol. 23<sup>a</sup> (легшей в основу издания); *B*—Cod. Mus. Brit. Add. 14658 Fol. 92<sup>b</sup>; *C*—Cod. Biblioth. Reg. Berolinensis Sachau 226.

По мнению Райта,<sup>26</sup> в рукописях Add. 14620 и Add. 14658 грамматика Дионисия Фракийского представлена в переводе выдающегося ученого VI в. Сергия Решайнского (ум. в 536 г.). Это утверждение опровергается Мерксом.<sup>27</sup> Современный исследователь Фишер высказывает мысль, что Сергей Решайнский написал трактат о частях речи, который сохранился в рукописи Add. 14658, а также изложил фрагмент грамматики Дионисия Фракийского, дошедший до нас в рукописи Add. 14620.<sup>28</sup> Основными предметами занятий Сергия Решайнского были философия и медицина, но вполне возможно, что он занимался также и грамматикой.

Известно имя еще одного грамматика VI в.—Рамишо. Ишояб бар Малкон и Иоанн бар Зоби, грамматики конца XII—начала XIII в. называют его автором трактата о пунктуации.<sup>29</sup> Из рукописи Британского музея Add. 12138 явствует, что он был также автором одного слоя несторианской масоры.<sup>30</sup>

Выдающимся грамматиком VII в. является Иаков Эдесский (640—708).<sup>31</sup> Его грамматика, за исключением очень небольших частей, не дошла до нас.<sup>32</sup> Большие выдержки из нее сохранил в своей грамматике „Книга лучей“ Бар Эбрей.

---

<sup>24</sup> E. Sachau. Verzeichniss der syrischen Handschriften der Königlichen Bibliothek zu Berlin, Bd. 23, erste-zweite Abteilung. Berlin, 1899, p. 336 (в дальнейшем: Sachau. Verzeichniss der syrischen Handschriften).

<sup>25</sup> Merx. Historia, pp.  —  (Textus syriaci).

<sup>26</sup> Райт. Краткий очерк, стр. 64.

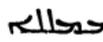
<sup>27</sup> Merx. Historia, p. 7 sq.

<sup>28</sup> Fischer. The origin of tripartite division of speech in semitic grammar, pp. 7—8.

<sup>29</sup> Baumstark. Geschichte der syrischen Literatur, p. 246.

<sup>30</sup> Wright. Catalogue of the syriac manuscripts in the British Museum, p. 105, IV, fol. 309b.

<sup>31</sup> Baumstark. Geschichte der syrischen Literatur, pp. 248—256; Райт. Краткий очерк, стр. 97—107; Merx. Historia, pp. 34—48.

<sup>32</sup> Merx. Historia, pp. 74—84 (syr.); Fragments of the  *Siach*  or Syriac grammar of Jacob of Edessa. Ed. by W. Wright, London, 1871 (в дальнейшем: Fragments of the syriac grammar of Jakob of Edessa).

Ко времени Иакова Эдесского вместо несторианской системы вокализации (точками) западными сирийцами были широко введены греческие гласные, которые писались над и под строкой. Многие считают, что эта система вокализации была введена Иаковом Эдесским и его школой. В своей грамматике Иаков Эдесский "... планировал, — пишет Райт, — дальнейшее преобразование, именно введение серии знаков гласных, которые писались бы, подобно гласным греков, на одном уровне и между согласными, и частично с целью рекомендации этой системы своему соотечественнику он составил эту *ܟܝܘܢܐ ܟܠܠܘܢܐ ܟܝܘܢܐ* [грамматику]<sup>33</sup>. Эти знаки гласных не имели успеха. Кроме грамматики, нам известен трактат Иакова Эдесского в 5 главах<sup>34</sup> об употреблении простых диакритических точек, в котором он указывает на большое значение точного соблюдения правил при расстановке диакритических точек и знаков препинания.

Иаков Эдесский является крупнейшим грамматиком древнего периода развития сирийской грамматической мысли.

Граматики IX в. Ишо бар Нун (ум. в 828 г.)<sup>35</sup> и Хонейн ибн Исхак (809—873 гг.)<sup>36</sup> известны нам трактатами по пунктуации. Трактат Ишо бар Нуна имеется в рукописях,<sup>37</sup> а в сочинении Хонейна ибн Исхака, которое называется „книга о (диакритических) точках“, сообщает Бар Эбрей и приводит выдержку из нее в своем труде „Житница тайн“.<sup>38</sup> Гофман считает, что Хонейн ибн Исхак сделал добавления к сочинению грамматика VII в. Ананишо „о различном произношении слов, которые пишутся одинаковыми буквами“. Трактат Ананишо издан Гофманом.<sup>39</sup> По мнению Нёльдеке,<sup>40</sup> у Хонейна существовал отдельный труд на эту тему, использованный позднейшим редактором сочинения Ананишо. Трактат последнего имеется в рукописях также и в других редакциях,<sup>41</sup> не учтенных Гофманом. Хонейн ибн Исхак отличался от предшествующих сирийских грамматиков тем, что писал преимущественно на арабском языке. После Хонейна ибн Исхака мы не знаем имен выдающихся сирийских грамматиков вплоть до Ильи Нисибийского и Ильи Тирханского.

<sup>33</sup> Fragments of the syriac grammar of Jacob of Edessa, p. 4.

<sup>34</sup> G. Phillips. A letter of mar Jacob, Bishop of Edessa, on syriac orthography. London, 1869; P. Martin. Jacobi epi Edesseni epistola ad georgium epum Sarugensem de orthographie syriaca, Leipzig, 1869.

<sup>35</sup> Райт. Краткий очерк, стр. 153; Duval. La littérature syriaque, p. 299.

<sup>36</sup> Райт. Краткий очерк, стр. 148—150; Fischer. The origin of tripartite division of speech in semitic grammar, pp. 11—12.

<sup>37</sup> Baumstark. Geschichte der syrischen Literatur, p. 220.

<sup>38</sup> G. Hoffmann. Bibliographische Anzeigen. ZDMG, Bd. 32, Leipzig, 1878, p. 741.

<sup>39</sup> G. Hoffmann. Opuscula Nestoriana syriace. Kiel, 1886, pp. 2—49.

<sup>40</sup> Th. Nöldeke. Anzeigen. ZDMG, Bd. 35, Leipzig, 1881, p. 494.

<sup>41</sup> Duval. La littérature syriaque, p. 300.

Илья Нисибийский (975—1046 [?] гг.)<sup>42</sup> — автор сирийско-арабского словаря и грамматики из 10 глав, которая, к сожалению, сохранилась не полностью.<sup>43</sup>

На основании краткого перечня наиболее известных имен сирийских грамматиков и их трудов, написанных до Ильи Тирханского, мы стремились показать, что изучение истории развития сирийской грамматической науки в большой степени осложняется тем, что самые ранние сирийские грамматики не дошли до нас совсем или же сохранились только частично. Имена первых сирийских грамматиков известны нам преимущественно по сведениям более поздних авторов, а с их трудами мы можем познакомиться лишь приблизительно по отдельным выдержкам и цитатам, приведенным последующими грамматиками. Кроме того, напрашивается вывод, что древнейшие грамматические сочинения сирийцев VI (Иосифа Хузайи, Рамишо, Ананишо и др.) и VII—IX вв. (Иакова Эдесского, Ишо бар Нуна, Хонейна ибн Исхака и др.) посвящены главным образом вопросам акцентуации и пунктуации, правилам произношения и чтения. Значительное место в деятельности первых сирийских грамматиков VI—VII вв. (Иосифа Хузайи, Сергия Решайнского) занимали перевод и переложение грамматики греческого языка Дионисия Фракийского, которую они всесторонне изучали и широко использовали в своих трудах (грамматика Иакова Эдесского),<sup>44</sup> как и упомянутые части трудов Аристотеля и других древнегреческих философов.

Грамматика Ильи Тирханского (ум. в 1049 г.)<sup>45</sup> совершенно отлична от дошедших до нас работ предшествующих авторов. Она является первой сирийской грамматикой, доступной нам для изучения в полном виде. Текст грамматики Ильи Тирханского опубликован Бетгеном<sup>46</sup> по древнейшей рукописи этой грамматики, описанной Захау.<sup>47</sup> По описанию

<sup>42</sup> Baumstark, Geschichte der syrischen Literatur, p. 287; Райт. Краткий очерк, стр. 168—171; Мерх. Historia, pp. 109—137.

<sup>43</sup> Мерх. Historia, pp. 112—124; A treatise on syriac grammar by Mâr(i) Eliâ of Šôbâ. Ed. and tr. from the manuscripts in the Berlin royal-library by R. J. H. Gottheil. Leipzig, 1886 (в дальнейшем: A treatise on syriac grammar by Mâr(i) Eliâ of Šôbâ).

<sup>44</sup> Следует отметить, что в целом влияние грамматики Дионисия Фракийского на развитие сирийской грамматики было не очень глубоким, потому что у более поздних авторов: Ильи Тирханского, Ильи Нисибийского, Севера бар Шако, Бар Зоби, Бар Эбрея, — оно малозаметно. Мoberg, выдающийся исследователь грамматики Бар Эбрея, предполагает, что они в большей мере использовали труды своих предшественников, оставшиеся нам не известными. См.: A. Moberg. Buch der Strahlen. Die Grössere Grammatik des Barhebräus. Leipzig, 1907, Vorrede, pp. VII, IX (в дальнейшем: Moberg. Buch der Strahlen).

<sup>45</sup> О жизни и творчестве Ильи Тирханского см.: Р. Г. Рылова. Жизнь и грамматические труды Ильи Тирханского. Палестинский сборник, вып. 7 (70), Л., 1962, стр. 162—177.

<sup>46</sup> *Ki-taw Kallâs sîach* oder Syrische Grammatik des mar Elias von Tirkhan, hrg. und übers. von Fr. Baethgen. Leipzig, 1880 (в дальнейшем: Syrische Grammatik).

<sup>47</sup> Sachau. Verzeichniss der syrischen Handschriften, 88 (Petermann 9), fol. 207<sup>b</sup>—228<sup>a</sup>.

Захау, работа состоит из 32 глав (כתיב), отчасти составленных из вопросов и ответов. Он отмечает, что последовательность листов нарушена. Грамматика написана несторианским шрифтом, хорошим четким почерком. Бетген указывает,<sup>48</sup> что при чтении рукописи он столкнулся с большими трудностями, ибо часть рукописи, содержащая текст грамматики, сильно пострадала от времени и долгого употребления. Листы искрошились, особенно сильно пострадавшие подклеены прозрачной бумагой. Многие буквы полустерлись или вообще исчезли, отсутствуют знаки чтения, отчего примеры, особенно в главах об ударениях, вообще становятся бесполезными и ненужными. Рукопись в целом написана в 1260 г., а вторая часть представляет палимпсест, во многих местах сохранивший первоначальное письмо. Несмотря на все трудности, Бетген дает хорошо читаемый текст грамматики, внося свои улучшения, поправки или просто дополняя недостающий текст отдельными словами. Издание грамматики Бетген сопровождает немецким переводом. Бетгену принадлежит заслуга введения в науку древнейшей грамматики сирийского языка, автора и название которой, а также общие сведения о ней с тех пор мы находим во всех историях сирийской литературы, начиная с конца XIX в. Эта грамматика нашла также отражение и в труде Меркса<sup>49</sup> по истории сирийских грамматических учений.

Илья Тирханский поставил себе цель создать грамматику сирийского языка по арабскому образцу. Меркс рассматривает его труд с точки зрения намерения автора и того результата, которого он достиг. Излагая содержание грамматики Ильи Тирханского по главам и сопровождая свое изложение краткими оценками, он приходит к выводу, что автор „составил труд несовершенный и путаный“ и „не достиг поставленной цели“, добавляя, однако, в заключение, что в этом нет ничего удивительного, так как рассматриваемая грамматика является первым опытом сравнения сирийского языка с арабским, автор которой заслуживает „величайшей похвалы“ за введение „нового метода в исследование свойств сирийского языка“.

Возможно, в результате этого строгого и в достаточной степени отрицательного суждения Меркса, перекочевавшего во многие сириологические работы, грамматика Ильи Тирханского до настоящего времени детально не исследовалась.

Характеристика этого грамматического сочинения XI в., данная Мерксом, представляет собою беглый обзор (стр. 154—157) содержания грамматики. Его выводы, построенные на одностороннем подходе к этому труду, как опыту сравнения сирийского языка с арабским, объясняются, на наш взгляд, недостаточной глубиной знакомства с древнейшей грамматикой сирийского языка и часто не соответствуют действительности (например, высказывания Меркса об определении грамматики у Ильи Тирханского, его интерпретация взглядов сирийского ученого на имена, глаголы и т. д.).

<sup>48</sup> Syrische Grammatik, p. 3.

<sup>49</sup> Merx. Historia, pp. 154—157.

Труд Ильи Тирханского не отличается стройностью и последовательностью изложения, и при беглом чтении основная мысль трудноуловима, так как иногда, излагая какой-нибудь вопрос в одной главе и не заканчивая его, Илья Тирханский в следующей главе переходит к другому вопросу, затем вновь возвращается к первому. Или же один и тот же вопрос он освещает с разных сторон в различных главах, не связанных друг с другом, не суммируя своих выводов. Такое построение грамматики, разумеется, затрудняло ее понимание и изучение и требовало углубленного внимания.

Предлагаемая работа посвящена рассмотрению сочинения Ильи Тирханского в целом и ставит целью объективное освещение его достижений как грамматика, а также является попыткой выяснить роль и значение этого выдающегося грамматического произведения XI в. и его место в ряду сирийской грамматической литературы.

Изложение грамматических воззрений автора состоит из следующих разделов: 1) определение термина грамматика; 2) буквы, звуки, знаки; 3) определение частей речи; 4) имя; 5) глагол; 6) употребление арабских терминов в грамматике Ильи Тирханского; 7) заключение, суммирующее основные выводы и дающее значение грамматики Ильи Тирханского.

К работе приложен перевод грамматики, сделанный на русский язык впервые, и индекс сирийских грамматических терминов, употребляемых Ильей Тирханским.

Я с радостью пользуюсь случаем выразить самую глубокую и искреннюю благодарность за полученные знания, неизменное внимание и помощь в работе своему дорогому учителю Нине Викторовне Пигулевской. Эта книга была написана под ее руководством и своим выходом в свет целиком обязана ей.

---

## ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРМИНА „ГРАММАТИКА“

Рассмотрение этого вопроса представляет большой интерес с точки зрения раскрытия *sensu* Ильи Тирханского. Следует особо отметить, что свое определение термина „грамматика“ автор поместил в предисловие к книге, в котором он изложил также причины, побудившие его заняться составлением сирийской грамматики, цели и задачи, которые он ставил перед собой. Исходя из этого, можно сделать вывод, какое большое значение придавал Илья Тирханский своему определению термина „грамматика“.

Это определение было рассмотрено Мерксом и названо „путаным и противоречивым“.<sup>1</sup> Меркс считает неточным употребление терминов **ܟܬܘܒܬܘܬܐ** — „изменение“ и **ܟܬܘܒܬܐ** — „фразовый член“.<sup>2</sup>

Вследствие того, что Илья Тирханский пытался написать грамматику сирийского языка по арабскому образцу, Меркс считает, что, когда автор в определении говорит об изменении в именах и глаголах, термин **ܟܬܘܒܬܘܬܐ** должен был бы соответствовать по значению арабскому **حركة** — „движению“ или „изменению гласных“.

Между тем термин **ܟܬܘܒܬܘܬܐ** многозначен и широко употребляется в грамматике Ильи Тирханского в самых различных значениях,<sup>3</sup> его перевод зависит от контекста, а не от общей идеи грамматики. В определении грамматики **ܟܬܘܒܬܘܬܐ** — „изменение“ употреблен в широком смысле, автор подразумевает все изменения, происходящие в именах, глаголах и синтаксических единицах при выражении мысли.

Меркс в дальнейшем не настаивает на переводе этого термина как „изменение гласных“, даже, по-видимому, склоняется к тому, чтобы перевести его как „изменение“ вообще, но в то же время механически переносит это значение в свой обзор гл. 18. Однако в этой главе Илья Тирханский употребляет термин **ܟܬܘܒܬܘܬܐ** в значении просто гласной и соединяет его со словом **ܟܬܘܒܬܐ** — „изменение“. Он высказывает мысль, что в сирийском языке в именах и глаголах не происходит никакого изменения гласных (**ܟܬܘܒܬܘܬܐ ܟܬܘܒܬܐ ܟܬܘܒܬܐ**).

<sup>1</sup> Merx. *Historia*, p. 155.

<sup>2</sup> Именно в этих значениях они употребляются Ильей Тирханским в определении.

<sup>3</sup> См.: индекс грамматических терминов, стр. 143 нашей книги.

имея в виду отсутствие в именах и глаголах изменения внутренней флексии, обычной для арабского языка. Дальше Илья Тирханский вносит еще большую ясность в свои рассуждения: „Изменения (كثرة الحركات) [слов] в сирийском языке есть, но только благодаря первым буквам [слов]“.

Меркс не понял мысли автора, он пишет: „Если имена и глаголы не подвержены изменениям (несмотря на то, что это неверно), каким образом грамматика может называться наукой об изменениях?“<sup>4</sup> Совершенно очевидно, что определение грамматики не противоречит положению Ильи Тирханского, высказанному в гл. 18, как пытался утверждать Меркс на основании неправильного понимания термина.

Значение термина *علم النحو* в определении грамматики представляется Мерксу также неясным.

Из-за того что Илья Тирханский поставил себе цель изложить сирийскую грамматику соответственно арабской грамматической системе, в которой проводится деление на три части речи, Меркс считал правомерным предположить, что, говоря в определении об изменениях в именах и глаголах, наш автор должен был бы обозначить термином *علم النحو* частицы. В грамматике Ильи Тирханского указывается семь частей речи. Частицы как часть речи он обозначает термином *كلمات*, принятым в сирийской грамматике, и нет оснований переводить *علم النحو* как частицы. В самой грамматике этот термин употребляется в значении слова, предложения.<sup>5</sup>

Дальнейший вывод Меркса, что *علم النحو* обозначает второстепенный член предложения, тоже представляется нам неверным. Правильное понимание этого термина, так же как всего определения в целом, дает его сравнение с определением грамматики средневековыми арабскими учеными.

Они делили грамматику на две части: *علم الصرف* (‘илм ас-сарф) или *علم التصريف* (‘илм ат-тасриф) — „этимологию“ и *علم النحو* (‘илм ан-нахв) — „синтаксис“.<sup>6</sup>

В определении этих двух частей грамматики у них не было единообразия. Например, ал-Фариси ал-Фесави (ум. в 987 г.) подразумевал под нахв’ом грамматику в целом и, в свою очередь, делил ее на три части: синтаксис, учение о звуках и этимологию. „Большая часть арабских грамматиков, — пишет Гиргас, — разделяет мнение Фариси касательно предмета нахв’а“.<sup>7</sup>

Определение Ильи Тирханского не дает основания думать, что оно было непосредственно взято из какой-нибудь арабской грамматики. Скорее всего оно было плодом его раздумий над тем, что является сарф’ом,

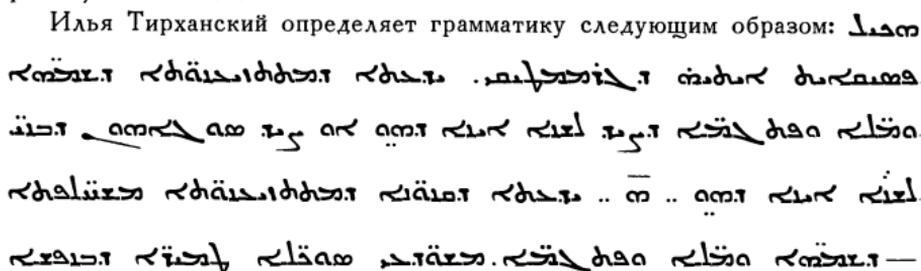
<sup>4</sup> Merx. Historia, p. 155.

<sup>5</sup> См.: индекс грамматических терминов, стр. 150 нашей книги.

<sup>6</sup> Гиргас. Очерк, стр. 33—37.

<sup>7</sup> Там же, стр. 37.

тасриф'ом и нахв'ом. Эти термины в трудах арабских грамматиков обозначали следующее: „صرف 1) изменение по флексиям; 2) склоняемость имени по типу трехпадежного склонения“;<sup>8</sup> „تصريف 1) флектирование слова (по окончаниям падежей или наклонений); 2) изменение глагола по различным формам (включая образование производных основ, лиц, времен, наклонений и т. д.)“;<sup>9</sup> „نحو — связь речи, синтаксис“.<sup>10</sup>

Илья Тирханский определяет грамматику следующим образом:  —

„Грамматика является, кратко, наукой об изменениях имен, глаголов и фразовых членов<sup>11</sup> какого-нибудь одного языка или [наукой об изменениях], касающихся многих языков, т. е. наукой о правилах различных изменений имен, глаголов и фразовых членов, обозначающих понятия, скрытые в душе человека“. Не трудно заметить связь этого определения со значениями сарф'а, тасриф'а и нахв'а.

Илья Тирханский слил воедино термины, которые у арабских грамматиков обозначали отдельные части грамматики, и дал единый термин. „Грамматика является, — писал он, — кратко, [!] наукой об изменениях имен [صرف], глаголов [تصريف] и фразовых членов [نحو]“.

При описании некоторых категорий Илья Тирханский находит их подобными арабским и приводит для сравнения термины, которыми они обозначаются в арабском языке.

Тенденция автора сравнивать оба языка в основном с терминологической стороны проявилась и в рассматриваемом нами определении термина „грамматика“.

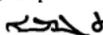
К сожалению, труды предшествующих Илье Тирханскому сирийских грамматиков не дошли до нас совсем или же дошли в небольших отрывках, которые не дают, как правило, возможности сравнивать определение нашего автора с существовавшими ранее.

Однако известно, что первые работы по сирийской грамматике были посвящены главным образом вопросам чтения и произношения.

<sup>8</sup> Б. М. Гранде. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М., 1963, стр. 571 (в дальнейшем: Гранде. Курс арабской грамматики).

<sup>9</sup> Там же, стр. 562.

<sup>10</sup> Там же, стр. 585.

<sup>11</sup> Термин  нам представляется более логичным перевести как фразовый член. См.: Ж. Марузо. Словарь лингвистических терминов. М., 1960, стр. 337: „Фразовый член. . . составляется из членов, объединенных друг с другом синтаксической связью“.

Характер этих произведений позволяет предположить, что в них бытовало первоначальное значение термина „грамматика“, восходящее еще к греческой традиции, где изучение грамматики (от слова *γράμμα* — буква) равнялось обучению чтению и произношению.

„Когда авторы классической эпохи, вплоть до Аристотеля, употребляют термин «грамматика», они имеют в виду искусство чтения и письма“.<sup>12</sup>

Илья Тирханский расширяет значение термина „грамматика“, включая в его содержание морфологию и синтаксис, выделяя на первый план эти разделы, а не вопросы акцентуации и пунктуации. Такое понимание грамматики как таковой знаменует качественно новый этап в развитии сирийской грамматической науки. Оно говорит о зрелости мысли ученого, о четком представлении им грамматики, ее содержания и значения. В первой части определение Ильи Тирханского близко к определению грамматики, принятому в современной науке: „Грамматикой называется наука о строе слова и строе предложения в отвлечении от конкретного материального значения слов и предложений, а также и самый строй слова и строй предложения, присущие данному языку“.<sup>13</sup>

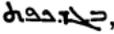
Несомненно, что определение термина „грамматика“ является очень интересным и важным моментом в изучении истории развития сирийской грамматики и места Ильи Тирханского в ряду сирийских грамматиков.



<sup>12</sup> Античные теории языка и стиля, под ред. О. М. Фрейденберг. М.—Л., 1936, стр. 10 (в дальнейшем: Античные теории языка и стиля).

<sup>13</sup> Грамматика русского языка, т. I. М., 1960, стр. 8.

## БУКВЫ, ЗВУКИ, ЗНАКИ

В изучаемой грамматике нет специальных глав, посвященных классификации звуков сирийского языка. Отдельные сведения, имеющиеся по этому вопросу, сообщаются в основном как попутный материал и могут быть суммированы по трем маленьким темам: согласные, гласные и знаки гласных. Следует подчеркнуть, что само понятие „звук“ заменяется Ильей Тирханским понятием „буква“, так как, говоря даже о разных звуках, которые могут выражаться буквами , наш автор считает их различными „произношениями“ этих букв. Согласные и гласные звуки также называются буквами: согласные „буквы“ — это те, которые произносятся „без голоса“, а гласные „буквы“ — те, которые произносятся „с голосом“.

Понятия буквы и звука смешивались всеми сирийскими грамматиками, как до, так и после Ильи Тирханского. При изложении его представлений в этом разделе сохранена терминология автора и прочих сирийских грамматиков.

### Согласные

Илья Тирханский сообщает о следующих группах букв: , , .<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Отсутствие подробной, развернутой классификации букв в грамматике Ильи Тирханского объясняется задачами, поставленными им; в его время уже существовала классификация букв, произведенная по активному речевому органу, это у Ильи бар Шинаи, автора тоже XI в.; Илья бар Шинаи различал 9 типов букв, произносимые:

- I — , , ,  гортанью и корнем языка;
- II — , ,  серединой языка и нёбом;
- III — , , когда язык в покое, а рот раскрыт;
- IV —  серединой языка и верхней частью нёба;
- V — , , ,  свистящие, образующиеся с дыханием;
- VI —  кончиком языка и верхними зубами и заканчивается нижними.
- VII — , ,  кончиком языка и верхними зубами;
- VIII —  кончиком языка над верхними зубами;
- IX — , ,  губами.

См.: A treatise on syriac grammar by Mâr(i) Eliâ of Şôbhâ.







выполнять свою смысловозначительную роль, как буквы в других языках, а полезными — потому, что они украшают язык и делают его изысканным.<sup>10</sup>

В вопросе о различии произношений букв **𐤀𐤁𐤃** сирийские грамматики подходили к решению вопроса о соответствии звука — буквы — фонемы. Граматики до Илья Тирханского и после него (Бар Зоби, Бар Эбрей), судя по их высказываниям и примерам, полагали, что обозначения **𐤀𐤁𐤃** и **𐤀𐤁𐤃** для букв **𐤀𐤁𐤃** помогают различать слова по смыслу. Илья Тирханский же видел и грамматическое значение в обозначении различного произношения этих букв. К сожалению, европейские исследователи совершенно упустили этот самый и интереснейший вопрос о соответствии букв и фонем в сирийском языке, поставленный еще древнейшими сирийскими грамматиками, правда в своеобразной форме, но не отличающийся по существу от этой важнейшей проблемы в современном языкознании. Результатом работы западных и восточных грамматиков, в котором их усилия совпали, явилась система обозначения букв **𐤀𐤁𐤃** с придыханием (**𐤀𐤁𐤃**) точкой внизу, а без придыхания (**𐤀𐤁𐤃**) — точкой наверху. Илья Тирханский предлагает считать каждый звук, обозначаемый буквами **𐤀𐤁𐤃** с соответствующими знаками, отдельной буквой и насчитывает в сирийском алфавите 30 букв (гл. 28). Эта сумма должна слагаться, по-видимому, из 22 „первоначальных“, как называет их Бар Эбрей, букв сирийского алфавита, плюс 6 букв **𐤀𐤁𐤃** со вторым произношением и плюс буква **𐤀** с третьим произношением.<sup>11</sup> К сожалению, тут возникает одно недоразумение: сумма, полученная при подсчете, составляет 29 букв, а не 30. Вряд ли правомерно объяснить это простой арифметической ошибкой, которая могла бы произойти, если бы он считал таким образом: 22 + 5 (**𐤀𐤁𐤃**) + **𐤀** с тремя произношениями. Бетген также не склонен считать это простой арифметической ошибкой. Он полагает,<sup>12</sup> что в число 30 наш автор включал следующие буквы: 22 + **𐤀𐤁𐤃** (6) с придыханием + **𐤀** с третьим „средним“ произношением, соответствующим греческому  $\pi$  + **𐤀** с третьим произношением. Но Илья Тирханский нигде не говорит, что **𐤀** имеет три произношения. Бетген, по-видимому, основывался на сведениях других сирийских источников, которые никак не отражены в исследуемой грамматике.<sup>13</sup> Здесь следует учесть, что в вопросах про-

<sup>10</sup> La grande grammaire de Barhebraeus, pp. 210—211.

<sup>11</sup> См. выше.

<sup>12</sup> Syrische grammatik, p. 51, Nota 1.

<sup>13</sup> Это заблуждение Бетгена проникло даже в нормативную грамматику сирийского языка (E. Nestle. Syriac grammar with bibliography, chrestomathy and glossary. Berlin, 1889, p. 3, Nota 1) и широко распространилось в научной литературе. Например, В. В. Баргольд в статье „О христианстве в Туркестане в домонгольский период (по поводу семиреченских надписей)“, упоминая о том, что в сирийском алфавите двадцать две буквы, пишет, ссылаясь на грамматику Нестле, что „только грамматик Илья Тирханский [Тирханский, — P. P.] насчитывает 30 (прибавляя шесть

изношения **א** и **א̇** у восточных и западных сирийцев нет единообразия. Иаков Эдесский, один из древних представителей западносирийской грамматической школы, не отмечает у **א̇** третьего произношения.<sup>14</sup> Следующие за Иаковым Эдесским западносирийские грамматики указывали на три произношения **א** и **א̇**: 1) с придыханием — **אאא** (**א** и **א̇**), 2) без придыхания, которое для **א** называлось **אאא** и обозначалось **א**, т. е. точкой в середине буквы, а для **א̇** называлось **אאא** и обозначалось точкой наверху — **א̇**, 3) твердое произношение — **אאא** для **א̇** (с точкой наверху), а для **א** третье произношение считалось соответствующим греческой  $\gamma$  и арабскому  $\epsilon$  и обозначалось точкой в середине буквы — **א̇**.<sup>15</sup> Каркафские масореты установили, что **א** и **א̇** имеют три произношения: **אאא**, **אאא** и **אאא**, которое обозначается точкой в середине **א̇** и **א**, но в их системе обозначения этих букв встречаются смешения в обозначении **אאא** и **אאа**.<sup>16</sup> У восточных сирийцев, согласно Мартену, нет очевидных фактов признания за **א̇** третьего произношения, хотя он отмечает, что восточные сирийцы, по-видимому, улавливали разницу в произношении **א̇**, передающего арабское  $\epsilon$ . В текстах представителей смешанной школы, кроме третьего произношения **א**, которое они обозначали двумя точками над буквой (**א̇̇**) и считали соответствующим греческому  $\pi$ , встречается **א̇** и **א̇** для передачи греческого  $\pi$ , и **א̇**, **א̇**.<sup>17</sup> Восточная, несторианская грамматическая традиция не приняла три произношения буквы **א̇**. Несторианский грамматик XI в. Илья Нисибийский отмечает три произношения только для **א̇**.<sup>18</sup> В грамматике Бар Эбрея также отсутствует упоминание о третьем произношении **א̇**.<sup>19</sup> Илья Тирханский в истории сирийской грамматической мысли известен первыми усилиями использовать арабскую грамматическую систему для наилучшего построения и изложения сирийской грамматики и является новатором в этой области. Тем не менее в его грамматике, начиная с предисловия и до конца, мы видим неоднократно высказываемое глубокое уважение к традиции, к авторитетам сирийской грамматической науки, постоянное присутствие традиционной сирийской грамматики. Как несторианский грамма-

придыхательных и греческие  $\gamma$  и  $\pi$ )“ (Записки Восточного отделения Русского археологического общества (ЗВОРАО), т. VIII, вып. I—II, С.-Петербург, 1893, стр. 7).

<sup>14</sup> Fragments of the syriac grammar of Jacob of Edessa.

<sup>15</sup> Martin. Syriens orientaux et occidentaux, pp. 415—418.

<sup>16</sup> Martin. Histoire de la ponctuation ou de la massore chez les Syriens. J. A., t. V, 1875, pp. 201—202 (в дальнейшем: Martin. Histoire de la ponctuation ou de la massore chez les Syriens).

<sup>17</sup> Martin. Syriens orientaux et occidentaux.

<sup>18</sup> Martin. Jacques D'Édesse et les voyelles syriennes. J. A., t. XIII, 1869, p. 479; Cod. Vat., 450, pp. 8, 9.

<sup>19</sup> La grande grammaire de Barhebraeus, p. 192.

тик, он более всего должен был следовать несторианской или восточно-сирийской традиции. Если бы под тридцатой буквой Илья Тирханский подразумевал третье произношение  $\sphericalangle$ , выделение и обозначение которого было принято, как мы выяснили, только у западных сирийцев, он бы специально оговорил это, как он сделал относительно  $\sphericalangle$ , тем более что для восточных грамматиков выделение  $\sphericalangle$  с третьим произношением было бы нововведением.

Единственным аргументом в пользу предположения Бетгена могло бы быть то, что в грамматике нашего автора имеются самые ранние для сирийской грамматической науки следы синтеза восточной и западной грамматических школ, что отмечает Сегаль в области ударений. В своем превосходном капитальном труде<sup>20</sup> она исследует все работы Ильи Тирханского об ударениях, включая гл. 29 грамматики, посвященную ударениям. Синтез западных и восточных ударений в трактате Ильи Тирханского заключается, по наблюдению Сегаль, в том, что некоторые ударения отождествляются с риторической формой, определенные ударения объединяются по группам, так, как это делается западными сирийцами. В гл. 29 своей грамматики автор дает перечень западно-сирийских ударений; комментирует их и отождествляет с соответствующими им восточносирийскими ударениями, что является важной чертой для характеристики метода работы Ильи Тирханского как ученого-грамматика и заключается в том, что автор не просто дает западносирийские и восточносирийские ударения, смешивая их без разбора, а, внося их в свою грамматику, поясняет западные ударения, стремится приблизить их и сделать понятными восточному сирийцу, для которого привычна иная система ударений. Благодаря методу работы нашего автора синтез западной и восточной грамматических систем в области ударений не может служить даже в виде косвенного доказательства в пользу предположения Бетгена относительно буквы  $\sphericalangle$ . Поскольку ни в исследуемой грамматике, ни в других источниках по истории сирийской грамматической науки нет положительных данных о том, что Илья Тирханский признавал три произношения  $\sphericalangle$ , то вопрос о тридцатой букве алфавита, по счету нашего автора, остается открытым. С таким же успехом можно предположить, что тридцатая буква, по мнению Ильи Тирханского, —  $\text{ܕ}$ . Мы упоминали выше, что в текстах представителей смешанной школы  $\text{ܕ}$  имеет еще и какое-то третье произношение, кроме произношения с  $\text{ܕܘܘܐܝ}$  и  $\text{ܕܘܘܐܘܘ}$ , обозначаемое точкой в середине буквы —  $\text{ܕ̣}$ .

II. Вторая группа букв, которую выделяет Илья Тирханский, — это  $\text{ܕܘܘܐܝܘܘܐ}$ .

„Почему, когда в конце глаголов [стоят] четыре согласные, именно

<sup>20</sup> J. B. Segal. The diacritical point and the accents in Syriac. Oxford, 1953, pp. 144—146 (в дальнейшем: Segal. The diacritical point and the accents in Syriac).

ܐܘܢܐ, над предшествующими согласными, связанными с ними, нет ܐܘܢܐ или ܐܘܢܐ, например: ܥܒܐ — «Он прошел», ܥܒܐ — «Он сказал», ܥܒܐ — «Он обрадовался», ܥܒܐ — «Он услышал», ܥܒܐ — «Он оцепенел», из-за чего во многих случаях необходимость вынудила сирийцев читать одинаково глаголы в прошедшем времени и в повелительном наклонении. Нужно знать, что эти буквы исходят из гортани, поэтому они называются гортанными (ܥܒܐܐܘܢܐ), говорящему стоит большого труда их произношение, речь затруднена, особенно когда [эти буквы] находятся в конце [слов]. Когда они в середине, при произношении их выпускают. Если им предшествует ܐܘܢܐ, человек затрудняется произносить их, например: ܥܒܐ — «он слышал», ܥܒܐ [без ܐܘܢܐ] легче для языка, то же относится к остальным [буквам]. . . . Я добавляю, что это правило относится к каждому глаголу, обозначающему действие, как бы он ни произносился, например: ܥܒܐ — «Он удивился», ܥܒܐ — «удивляющий», ܥܒܐ — «Он открыл», ܥܒܐ — «открывающий», ܥܒܐ — «Он слышал», ܥܒܐ — «слышащий», ܥܒܐ — «Он сделал», ܥܒܐ — «делающий», и ко всем словам, которые обозначают пассивность (ܥܒܐ), какие бы формы они не имели, например: ܥܒܐ — «удивленный», ܥܒܐ — «раскрытый», ܥܒܐ — «выслушанный», ܥܒܐ — «обрадованный», ܥܒܐ — «названный». Я добавлю также, что если имена, в которых букве ܐ, конечной букве сирийских имен, предшествует одна из этих четырех букв, получают сокращение, то первая согласная, присоединенная к ним, произносится с ܥܒܐ, а не с ܐܘܢܐ, например ܐܘܢܐ — «сын», [после сокращения] мы говорим ܐܘܢܐ (гл. 26).

Гортанными звуками в сирийском языке являются ܐܘܢܐ, в таком составе эту группу выделял и Илья бар Шиная. Илья Тирханский вместо ܐ включает звук ܐ. Автор выделяет эту группу с практической целью указать правильное чтение глаголов, которые имеют в качестве конечного согласного один из этих звуков. Отчасти это объясняет включение ܐ — зубного переднеязычного звука в группу гортанных. Еще яснее мотивы включения ܐ в группу гортанных при сравнении с классификацией Бар Эбрея, который гортанными называет эти же четыре буквы, но различает три „чистых“ гортанных: ܐܘܢܐ и один „нечистый“ гортанный: ܐ. Бар Эбрей объясняет это тем, что ܐ, несмотря на то что произносится кончиком языка, должен присоединяться к гортанным, так как подобно им требует ܥܒܐ над предшествующими ему буквами. Бар Эбрей считает ܐ гортанным звуком, требующим в конце глаголов ܥܒܐ, но преобладающим качеством ܐ он считает гласность и поэтому



Тирханского мы находим прямую ссылку на это положение арабских грамматиков. Он пишет в гл. 17: „Половину  $\aleph$ ,  $\alpha$ ,  $\beta$ , они [арабы] называют гласными, которые ставятся над согласными буквами“. В учении Ильи Тирханского о гласных наряду с греческим и латинским было и арабское влияние. Он впервые в истории сирийской грамматики различал гласные по количеству звука, делил их на краткие и долгие, не определяя последовательно и четко терминов „долгая“ и „краткая“ гласная, но понимая их различие.

Исходя из положения, что арабские гласные  $\aleph$ ,  $\omega$ ,  $\beta$  — долгие, а кесра, фатха, и дамма — половины гласных букв  $\aleph$ ,  $\omega$ ,  $\beta$ , Илья Тирханский утверждает, что „гласных букв три, это  $\aleph$ ,  $\alpha$ ,  $\beta$ , остальные — согласные, которые соединяются ими [гласными]... Гласные буквы изобретены, чтобы произвести из этих трех гласных [другие]: из  $\aleph$  —  $\aleph$ , [например],  $\aleph$  над  $\aleph$  [в слове]  $\aleph$  — «кто», и  $\aleph$ , [например],  $\aleph$  над  $\aleph$ ..., затем  $\aleph$  или  $\aleph$  [например],  $\aleph$  — «Он пошел». Из  $\alpha$  образуются две гласные:  $\alpha$  и другой  $\alpha$ , который называется  $\alpha$  и  $\alpha$ . Из  $\beta$  образуется одна гласная. Остальным буквам, из-за того что сами по себе они не имеют движения, предназначаются  $\alpha$  или  $\alpha$  и  $\alpha$ , которые произведены от  $\aleph$ , первой гласной буквы“ (гл. 27).

Следовательно, Илья Тирханский подразумевает, что сирийские  $\aleph$ ,  $\alpha$ ,  $\beta$ , тоже долгие.

У Ильи бар Шинаи, современника Ильи Тирханского, от которого сохранилась именно та небольшая часть его грамматики, которая содержит изложение системы алфавита, системы сирийских гласных, нет сведений, сообщающих о роли  $\aleph$ ,  $\alpha$ ,  $\beta$ , как гласных, и тем более долгих гласных. Сегаль отмечает, что именно в этом „поучительное различие“ между Илей бар Шинаи и Илей Тирханским. „Илья бар Шинаи утверждает в соответствии с общим правилом, что буквы, которые не имеют гласных, неподвижны, что, следовательно, *matres lectionis*  $\alpha$  и  $\beta$ , неподвижны (гл. II). Это положение несомненно надуманное: если бы так было в действительности, то буквы  $\aleph$ ,  $\alpha$ ,  $\beta$ , должны были бы иметь постоянно знаки гласных:  $\aleph$ ,  $\alpha$ ,  $\beta$ , и произноситься *ow*, *uw*, *eu*, и *iy*.

А Илья Тирханский с его близким знакомством с арабским языком считал буквы  $\alpha$  и  $\beta$ , чистыми гласными, а не согласными<sup>23</sup>.

Для обозначения термина „долгая“ гласная Илья Тирханский употребляет слово „тяжелая“, например: „ $\alpha$  и  $\beta$ , тяжелые [т. е. долгие гласные] в следующих примерах:  $\alpha$  — «Они встанут»,  $\alpha$  — «Они знающие»,  $\alpha$  — «Они будут поститься»,  $\alpha$  — «Они

<sup>23</sup> Segal. The diacritical point and the accents in Syriac, pp. 33—34.

сделают», **أَبْرَضُوا** — «Они оставили», **صَامُوا** — «Они постящиеся», **أَحَبُّوا** — «Они любили» (гл. 17). Для термина „краткая“ Илья Тирханский употребляет слово „легкая“, например: „Следовательно, **ا** и **ي**, не являются движущими в словах, которые были упомянуты выше [**أَبِي** — «муж», **أَبِي** — «прыгающий», **أَبِي** — «слушание», **أَبِي** — «противодействующий», **أَبِي** — «он приблизился», **أَبِي** — «он любил», **أَبِي** — «он поднял», **أَبِي** — «царь», **أَبِي** — «господин»], их можно удалить из знаков шрифта так, как **ا** в [словах]: **أَبِي** — «разделенный», **أَبِي** — стоящий, [вместо **أَبِي** и **أَبِي**] всякий раз, когда они легкие [т. е. краткие]“ (гл. 17).

Отсюда можно сделать вывод, что Илья Тирханский считает возможным гласные **ا**, **ي**, **و** заменить знаками гласных, когда в слове краткий гласный, который он называет легким (**مَلَكَلَة**). Термин **مَلَكَلَة** — легкий, т. е. краткий гласный, употребляется в грамматике всего один или два раза, обычно краткие гласные обозначаются термином **فَلْجَة** **مَلَكَلَة**.

Илья Тирханский приводит определение арабскими грамматиками гласных **ا**, **و**, **ي**, как слабых букв, которые считают так потому будто бы, что „слабость [этих букв]... не способствует никакому движению имен и глаголов, в которых они имеются наряду со всеми другими [буквами]“ (гл. 17).

Илья Тирханский возражает против этого определения, говоря: „Мне кажется, им [арабам] нужно назвать слабыми все буквы, кроме **ا**, **ي**, **و**, потому что они слышны, а те [согласные] не слышны. Следовательно, только из-за движения, которое происходит благодаря гласным, они [остальные, согласные буквы] сильные“ (гл. 17).

Илья Тирханский характеризует **ا**, **ي**, **و**, как гласные и придает им, как гласным, большое значение при вокализации сирийских слов.

Арабы же, называя **ا**, **و**, **ي** слабыми (**دروف العلة**), имели в виду их роль в слове как коренных букв, потому что они, входя в состав арабского корня, „подвергаются различным изменениям, зависящим от предшествующих или следующих за ними гласных. Хотя собственно только **wāw** и **ya** подвергаются изменению, так как они одни могут быть коренными буквами, грамматики причислили к слабым буквам также **alif**, потому что во многих случаях он заменяет их. Сибавейги (гл. 531) и другие грамматики рассматривают обыкновенно изменение **wāw** и **ya** в глаголах и производных от них именах, когда эти буквы будут первой, второй или третьей коренной“.<sup>24</sup> Таким образом, полемика Ильи Тирханского с арабскими грамматиками несостоятельна.

<sup>24</sup> Гиргас. Очерк, стр. 49.

В арабском языке „долгие гласные устойчивы, отчетливы и стремятся удержать чистый оттенок ā, ī, ū, но соседство кесры или ى может придать ā уклон ē (имāла)“;<sup>25</sup> поэтому Илья Тирханский, следуя, по-видимому, арабскому языку в изложении значения гласных ܐ, ܐ, ܐ, в сирийском языке, отмечает чистые оттенки ܐ, ܐ, ܐ, как ā, ī, ū.

1. ܐ обозначает гласную ā в следующих примерах: ܦܝܩܐ — „прыгающий“, ܦܝܪܐ — „муж“, ܦܝܫܐ — „слушание“, ܦܝܫܐ — „противодействующий“, ܦܝܫܐ — „царь“, ܦܝܫܐ — „господин“, ܦܝܫܐ — „человек“, ܦܝܫܐ — „раб“, ܦܝܫܐ — „бог“. Во всех этих примерах ܐ является конечным долгим ā. Но он также отмечает, что „каждый ܐ, которому предшествует ܐ, не произносится, как ܐ в ܦܝܩܐ — «борода», ܦܝܩܐ — «плод» (гл. 30), т. е. там, где значение ܐ как долгого ā меняется, Илья Тирханский, не объясняя оттенков звучания этого ܐ, просто отрицает его значение как долгого ā. Помимо влияния арабского языка, правилами которого в данном случае руководствовался Илья Тирханский, в сирийской грамматике того времени несторианами, возможно, не отмечались оттенки звучания гласных ܐ, ܐ, ܐ, в зависимости от положения в слове. Нельдеке, излагая употребление ܐ как гласной ā, указывает: „... каждое ā произносилось более поздними западными (!) сирийцами как ō, каждое ē иногда произносилось как i. Так, ܡܐ mā (mō); ܡܠܟܐ malkā (malkō); ܡܡܫܐ mamsē; ܢܐ nē (nī); ܦܝܪܐ pēran (pīran)“.<sup>26</sup>

Основным критерием гласности Илья Тирханский считает отсутствие дополнительной огласовки над алефом в слове. Например он пишет: „[В словах]: ܦܝܩܐ — «раб», ܦܝܫܐ — «бог» — огласованы ܡ и ܦ, а не ܐ“ (гл. 17); другими словами в той же главе: „[В словах]: ... ܦܝܩܐ — «муж», ܦܝܩܐ — «прыгающий», ܦܝܫܐ — «слушание» ... — все [буквы] движущиеся, ܐ — нет“.

Когда Илья Тирханский говорит про ܐ (в вышеприведенной цитате), что он „не движущийся“, это значит, что он не огласован, так как сам является гласной.

2. ܐ обозначает ī в конечном и срединном слоге в следующих примерах: ܦܝܩܐ — „благородный“, ܦܝܩܐ — „дремлющий“, ܦܝܩܐ — „Они знающие“, ܦܝܩܐ — „Они оставили“, ܦܝܩܐ — „Они постящиеся“, ܦܝܩܐ — „Они любили“ (гл. 17). Он указывает, что в конечном слоге ܐ является тяжелым, т. е. долгим „благодаря ударению в конце глаголов перед ܐ“ (следовало добавить — „во множественном числе“).

<sup>25</sup> Н. В. Юшманов. Грамматика литературного арабского языка. Л., 1928, стр. 12 (в дальнейшем: Юшманов. Грамматика).

<sup>26</sup> Th. Nöldekke. Kurzgefasste syrische Grammatik. Leipzig, 1898, p. 5 (в дальнейшем: Nöldekke. Kurzgefasste syrische Grammatik).

Илья Тирханский трактует „, как и ʿ, как чистый долгий звук (i).

3. ʾ обозначает ū в срединном и конечном слоге в следующих примерах: ܘܐܝܢ — „опустоши“, ܘܐܝܢܐ — „приблизься“, ܘܐܝܢܐ — „повернись“, ܘܐܝܢܐ — „выкуп“, ܘܐܝܢܐ — „встань“, ܘܐܝܢܐ — „свобода“, ܘܐܝܢܐ — „Они встанут“, ܘܐܝܢܐ — „Они будут поститься“, ܘܐܝܢܐ — „Они сделают“ (гл. 17).

Илья Тирханский считает ʾ тяжелым, т. е. долгим, как и „, в конце глаголов, перед ܐ — благодаря ударению. Он подчеркивает роль ʾ и „, как гласных, осуществляющих вокализацию в сирийском слове: „Слушателю кажется, что буквы, которые стоят перед этими ʾ и „, движутся из-за соединения слогов (ܘܐܝܢܐ) или звуков (ܘܐܝܢܐ) и последовательного расположения букв в языке, но вернее всего из-за того, что эти буквы (ʾ и „) являются гласными (ܘܐܝܢܐ) сирийцы дают им движение“ (гл. 17).

### Знаки гласных

Сирийские грамматики не занимались изучением процесса развития системы гласных, и в этом Илья Тирханский не отличается от остальных сирийских грамматиков.

Система гласных, имеющаяся в рукописях, не всегда соответствовала системе гласных грамматика того же века. „Даже у очень поздних авторов, — пишет Сегаль, — мы находим не разработанную восьмигласную систему рукописей IX в., но шести- и семигласную систему более ранних периодов“.<sup>27</sup>

Так, Илья бар Шиная (Илья Нисибийский), грамматик XI в., отмечающий семь гласных, пишет (гл. II), что арабы делят гласные на три группы, западные сирийцы — на пять, восточные — на семь.

Илья Тирханский был оригинален своей трактовкой знаков гласных как половины полных гласных ܐ, ܘ, ܝ, и тем, что считал знаки гласных без „, ʾ краткими гласными. О влиянии арабской грамматики в данном случае говорилось выше.

Но относительно самой группы кратких гласных, отмечаемых в грамматике Ильи Тирханского, именно ܐܘܝܢܐ, ܐܘܝܢܐ или ܐܘܝܢܐ, ܐܘܝܢܐ, ܐܘܝܢܐ, ܐܘܝܢܐ ܐ, ܐܘܝܢܐ ܐ или ܐܘܝܢܐ ܐ, — трудно судить, почему Илья Тирханский выбрал именно эти шесть знаков гласных. Все краткие гласные Илья Тирханский считает соотносимыми с полными гласными. ܐܘܝܢܐ (или ܐܘܝܢܐ), ܐܘܝܢܐ и ܐܘܝܢܐ — с ܐ; ܐܘܝܢܐ, ܐܘܝܢܐ ܐ или ܐܘܝܢܐ ܐ — с ܘ (гл. 27).

В гл. 27 Илья Тирханский не дает названия гласной „, но в гл. 30 в словах ܘܐܝܢܐ — „взятый“, ܘܐܝܢܐ — „кричащий“, ܘܐܝܢܐ — „прекло-

<sup>27</sup> Segal. The diacritical point and the accents in Syriac, p. 32.





## ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Илья Тирханский указывает, что в сирийском языке семь частей речи. Древние арабские грамматики насчитывают три части речи: имя, глагол, частицы. Очевидно, что в своем делении на части речи Илья Тирханский не следует арабской грамматике.

Деление на семь частей речи, видимо, существовало в древних сирийских грамматиках еще до Ильи Тирханского. Части речи, упоминаемые, по сообщению Ильи Тирханского, в грамматике Иакова Эдесского (гл. 18), не отличались, вероятно, от предлагаемых им самим, так как в противном случае он как-нибудь выразил бы свое отношение к этому вопросу. Подобная классификация, следовательно, была твердо установлена в сирийском языке и принята еще во времена Иакова Эдесского. Ее бесспорностью и очевидностью для автора исследуемой грамматики, по-видимому, объясняется та краткость, с которой Илья Тирханский говорит о частях речи. И действительно, уже в работах александрийских филологов, еще во II в. до н. э., детально разработано учение о восьми частях речи. К моменту возникновения сирийского учения о языке греческая грамматика обладала уже твердо установившейся системой частей речи. А поскольку сирийцы в грамматике много заимствовали от греков, вполне возможно, что у Иакова Эдесского было деление на семь или восемь частей речи.

Классификацию частей речи Илья Тирханский излагает только в первой части гл. 30, последней главы своей грамматики, без определения, а в гл. 12, 28 мимоходом упоминает о том, что в сирийском языке семь частей речи, не перечисляя их. В гл. 30 Илья Тирханский называет с соответствующими примерами следующие части речи: имя —  $\text{ܟܠܗ}$ , глагол —  $\text{ܟܠܗܘܢ}$ , местоимение —  $\text{ܟܠܗܘܢ ܐܠܗ}$ , прилагательное — [ $\text{ܟܠܗܘܢ ܐܠܗ}$ ] или  $\text{ܟܠܗܘܢ ܐܠܗܘܢ}$ , причастие —  $\text{ܟܠܗܘܢ ܕܠܗ}$ , предлог —  $\text{ܟܠܗܘܢ ܕܠܗܘܢ}$ , о котором замечает, что он относится к союзам, наречие —  $\text{ܟܠܗܘܢ ܕܠܗ}$  или  $\text{ܟܠܗܘܢ ܕܠܗ}$ , союзы —  $\text{ܟܠܗܘܢ}$ .

Илья Тирханский не дает последовательного определения каждой части речи, так как не ставит задачи специально исследовать части речи. Глава 30 начинается так: „Глава тридцатая, которая кратко излагает о строе слов ( $\text{ܟܠܗܘܢ ܕܠܗ}$ ) в сирийском языке“. Части речи он определяет с точки зрения их роли в предложении. „Основа предложения, — пишет он, — две части речи: имя и глагол. Имя — [носитель]

рода (كلمة), субъекта (موضوع) и материи (مادة) или сущности (كلمة); глагол — различие (تفاوت) и форма (شکل). Остальные [части речи] получают содержание (معنی) и названия от имени и глагола, существуют как [их] свойства (صفات) и случайности (تصادف), что определяется из того, как они называются, [например] ما جاء — «местоимение», [что буквально значит: «вместо имени»]“ (гл. 30).

Далее он пишет, что обе части речи заимствованы и являются наиболее полным выражением субъекта. „Ты не считай именем и глаголом каждую [часть речи], они обе — в их названиях. Они [остальные части речи] не имеют собственного существования, а состоят при субъекте (موضوع) в качестве [побочных обстоятельств]“.

Относительно имени он замечает еще, что „Имя не имеет [понятия] времени, которое [оно получает соответственно] времени глагола. Остальные [части речи] являются дополнениями (تكميل) к этим [двум]“ (гл. 30).

Из остальных частей речи он поясняет причастие — محال و جازم, утверждая, что „Каждый глагол, к которому присоединены ت و جازم, будет причастием (محال و جازم)“ (гл. 30). Судя по примерам, кроме собственно причастия, имеющего определенную форму, он относит еще к нему причастие типа جازم — „делающий“, كائن — „бывший“, جازم — „будущий“ и т. д.

Про предлоги он замечает, что „признак предлогов — присоединение пяти букв, местоимений: ا, ان, في, ه, ن“ (гл. 30),<sup>1</sup> а признаком союзов считает то, что „человек не может говорить, не связывая [ими] глаголы с именами“ (гл. 30).

Илья Тирханский дает характеристику сущности имени и глагола, о некоторых других частях речи он сообщает только, как узнать их и их признаки в предложении.

Таким образом, мы видим, что Илья Тирханский считает одни части речи главными, другие — менее важными.

Илья Тирханский выделяет в качестве основных частей речи имя и глагол и тем самым как бы приближает по количеству части речи в сирийском языке к частям речи в арабском. Интересно сравнить его определение имени и глагола с определениями, данными арабскими грамматиками.

Сибавейхи говорит: „Имена суть: رَجُلٌ (муж), فَرَسٌ (лошадь); глаголы же суть формы, взятые от звукосочетаний (выражающих) акциденты имен и видоизмененные для означения прошедшего времени, будущего, не совершившегося, или настоящего, не прекратившегося“.<sup>2</sup> Более поздний автор, который по времени близко стоит к Илье Тирханскому, Абу Али

<sup>1</sup> Илья Тирханский так называет здесь притяжательные суффиксы.

<sup>2</sup> Гиргас. Очерк, стр. 51.

ал-Фариси (ум. в 987 г.), во всем следует Сивавейхи. Он говорит об имени и глаголе следующее: „Имя есть то, о чем можно что-либо сказать, примером чего будут наши фразы: «Абдулла есть приближающийся» и «Бекр встал...». Глагол есть то, что может быть сказуемым, но не бывает подлежащим, пример: «Абдулла вышел», «Бекр отправится», «уйди», «не бей».“<sup>3</sup>

Из сравнения определений Ильи Тирханского и упомянутых арабских авторов совершенно ясно, что сирийский ученый не следовал арабским грамматикам. Определение арабов исходит из практического употребления слов, относящихся к той или иной части речи, для выражения мысли в предложении, например — глаголы для обозначения времен (определение Сивавейхи; имя он вообще не определяет, а дает только примеры, иллюстрирующие, что он подразумевает под именем), или „то, что может быть сказуемым, но не бывает подлежащим“ (определение Абу Али ал-Фариси) и т. д. А у Ильи Тирханского имя — это род, субъект и материя, а глагол — различие и форма, т. е. он оперирует в применении к частям речи терминами, которые выходят далеко за пределы предложения. Он указывает, конечно, также, что глаголы обозначают время, а имя не имеет функции времени. Следы подобного определения частей речи следует искать в античной языковой теории.

Средние века в основном восприняли грамматическую теорию, созданную древними, разрабатывая и уточняя отдельные положения в том направлении, в каком они развивались античными грамматиками. Особенно это относится к сирийской грамматике, которая еще в XI в. была сильно связана истоками своего развития с античной наукой.

Античная наука о языке в течение всего периода своего развития была тесно связана с философией. И. М. Тронский в своей статье „Проблемы языка в античной науке“ указывает: „Античная языковая теория возникает не в процессе рассмотрения каких-либо частных, мелочных проблем, а как одна из сторон основной философской проблемы, как вопрос о взаимоотношении между вещью, мыслью и словом“.<sup>4</sup>

Греческая философия, которая пришла на смену мифологическому восприятию мира, во многом сохранила представления мифологии, которые сказались и на развитии учения о языке. „Среди мифологических аспектов языка, — пишет Тронский, — должны быть особо отмечены два момента. Во-первых, язык как целое сравнительно редко привлекает к себе внимание; центр тяжести мифологической трактовки языка лежит на отдельном слове, точнее — на имени. Имя вещи мыслится неразрывно связанным с самой вещью, ее неотъемлемой частью (термин „свойство“ в силу своей абстрактности был бы здесь неуместен). Каждая вещь — единый целостный комплекс, живой носитель конкретных отношений, от которого не абстрагируются отдельные элементы, в том числе имя. Имя

<sup>3</sup> Там же, стр. 52.

<sup>4</sup> Античные теории языка и стиля, стр. 8.

не существует вне вещи, и, совершая какие-либо операции над именем, мы воздействуем на вещь, подчиняя ее нашей воле“.<sup>5</sup>

В мифологии имя целиком принадлежало вещи, а „античная наука, — пишет Тронский, — разорвала эту связь, поместила между именем и вещью мысль, но продолжала соотносить изолированное слово, как полнозначного носителя смысловых отношений, непосредственно с отдельной вещью или мыслью“.<sup>6</sup>

Эта черта античной языковой теории нашла отражение в определении имени у Ильи Тирханского. В характеристике имени у Ильи Тирханского: „Имя — [носитель] рода ( $\kappa\omicron\mu\lambda$ ), субъекта ( $\rho\upsilon\sigma\tau\ \acute{\alpha}\nu\tau\omicron\varsigma$ ) и материи ( $\kappa\lambda\alpha\sigma\iota\varsigma$ ) или сущности ( $\kappa\epsilon\kappa\alpha\lambda\omicron\varsigma$ )“, имя представляет вещь, которая характеризуется определенным родом и является определенной материей, и только в комплексе этих свойств выступает как субъект предложения, который поясняет глагол, характеризующий различие одного имени — вещи-предмета от других положением во времени.

В античной науке о языке основным признаком глагола было то, что он выражал время. Об этом говорил еще Аристотель. Илья Тирханский замечает, что „имя не имеет [понятия] времени, которое [оно получает соответственно] времени глагола“ (гл. 30), поэтому термин  $\kappa\upsilon\iota\alpha\varsigma$ , мне кажется, надо объяснить как различие, приобретаемое субъектом благодаря времени, в которое ставит его глагол своей определенной формой ( $\kappa\epsilon\theta\iota\alpha\varsigma$ ).

Другая черта античной науки о языке, которая очень ярко проявилась в характеристике частей речи у Ильи Тирханского, в частности имени и глагола, это тождество частей речи и членов предложения.

Грамматические понятия в античной науке часто сливались с логическими. Анализ логических категорий понятия и суждения у Аристотеля привел к первой попытке классификации частей речи. Исследование понятия суждения дало его расчленение на субъект и предикат. Поскольку предикат выражается глаголом, обращается внимание на глагол. Речь и предложение были синонимами. До выделения глагола считали, что всякая речь состоит из „имен“ и „речений“, затем „термин «речение» ( $\rho\acute{\eta}\mu\alpha$ ) специфицируется и начинает означать глагол как противостоящую имени часть «речи», т. е. предложения“.<sup>7</sup>

Речь и предложение, имя и субъект, глагол и предикат в античной науке не разграничиваются. „Классификация слов «по частям речи», объединяющая семантические и морфологические признаки, является основой синтаксиса, так как слово не имеет в предложении иной функции, кроме выражения своей самостоятельной семантики. Различая в суждении субъект и предикат, античная теория видит в предложении только имена и глаголы“.<sup>8</sup>

<sup>5</sup> Там же, стр. 8—9.

<sup>6</sup> Там же, стр. 23.

<sup>7</sup> Там же, стр. 22.

<sup>8</sup> Там же, стр. 24.

Предложение само по себе не является объектом исследования, о нем говорится только как о соединении имен и глаголов, из значения которых состоит смысл речи — предложения, поэтому слова, составляющие его, рассматриваются только как части речи, но не как члены предложения, выражающие синтаксические отношения.

Определение Ильи Тирханского: „Основа предложения — две части [речи]: имя и глагол. Имя — [носитель] рода (ἰσμός), субъекта (ἄνθρωπος) и материи (ἕξις) или сущности (καταβολή), глагол — различие (ἀλλοίωσις) и форма (μορφώσις)“, (гл. 30) ясно выражает эту характерную черту античной науки о языке. Субъект и предикат еще не выделяются Ильей Тирханским как главные члены предложения.

Таким образом, при определении имени и глагола в грамматике Ильи Тирханского, мы видим влияние античной языковой теории, что является характерным для всей средневековой грамматики.

---

## ИМЯ (СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ)

Имя у Ильи Тирханского соответствует имени существительному. Наиболее убедительно это подтверждают примеры на имена, приведенные Илей Тирханским при классификации частей речи: **ܠܫܡܝ** — „небо“, **ܠܝܪܥ** — „земля“, **ܠܥܠܡܝܢ** — „бог“, **ܠܝܢܫܝܢ** — „человек“, **ܠܝܪܝܥܝܢ** — „муж“, **ܠܫܘܠܝܢ** — „лошадь“, **ܠܥܠܡܝܢ** — „мир“, **ܠܝܠܝܢ** — „лев“, **ܠܚܝܘܢܝܢ** — „животное“, **ܠܚܝܘܢܝܢܝܢ** — „женщина“, **ܠܚܝܘܢܝܢܝܢܝܢ** — „девушка“, **ܠܫܝܢܝܢ** — „святой“, **ܠܥܝܢܝܢ** — „камень“, **ܠܝܚܝܢܝܢ** — „бык“, **ܠܥܝܢܝܢܝܢ** — „собака“, **ܠܝܠܝܢܝܢ** — „орел“ (гл. 6, 13, 30).

Именем существительным в русском языке называется „разряд слов, которые или обозначают предметы (человек, сестра, орел, лошадь, дерево, дом), или представляют любые явления как предметы (гроза, дружба, состязание)“.<sup>1</sup> По значению „к именам существительным относятся знаменательные слова, которые являются названиями живых существ (брат, змея, насекомое), обозначают предметы, явления и события реальной действительности (город, деревня, стена, землетрясение) или называют в качестве предметов любые действия и состояния, свойства или отношения (борьба, крик, движение, игра, сон, мужество, любовь, чистота, близость)“.<sup>2</sup> Определение имени существительного в других языках не отличается существенно от вышеприведенного.

Примеры Ильи Тирханского полностью отвечают данному определению имени существительного.<sup>3</sup> Наш автор несомненно считает „именами“ (**ܠܫܝܢܝܢ**) только имена существительные, не включая в это обозначение прилагательные.

В сирийском языке существительное и прилагательное имеют категории рода, числа и состояния. Образование этих категорий для существительного и прилагательного одинаково, поэтому обычно эти части речи рассматриваются вместе.

Илья Тирханский не излагает последовательно и систематично категорий имени существительного. Сведения о роде, числе, состоянии, о падежах разбросаны по всей грамматике в виде примеров и рассуждений на другие темы. Проанализировав и классифицировав собранный из различных разделов грамматики материал о роде, числе, состоянии

<sup>1</sup> Грамматика русского языка, т. I, стр. 20.

<sup>2</sup> Там же, стр. 101.

<sup>3</sup> Слово **ܠܫܝܢܝܢ** — „святой“ в сирийском языке часто употребляется как субстантивированное прилагательное.

имен, мы видим, что эти категории освещены на примерах слов, относящихся к имени существительному. Это еще раз подтверждает наше заключение, что под термином **كلمة**, означающем имя как часть речи, Илья Тирханский совершенно определенно понимал имя существительное.

### Форма имени

Основной формой имени Илья Тирханский считает имя с окончанием на **ā**.

Это положение он утверждает в гл. 6, 25, а в гл. 13 и 30, где приводит примеры на имя как на часть речи, все примеры имеют окончание **ā**.

Илья Тирханский не выделяет окончаний имен мужского и женского рода, т. е. не дифференцирует окончаний по родам, может быть, потому, что как в окончании мужского рода (**ā = ā**), так и в окончании женского рода (**ā = tā**) имеется **ā**. Имена с окончанием **ā** и **tā** являются формами определенного состояния единственного числа мужского (**ā**) или женского рода (**tā**).

Окончание **ā** (или **hā?**) — первоначальный определенный член имени, который потерял значение определенности, и имена с определенным членом стали нормальным типом имени.

### Род, число, состояние

Илья Тирханский отмечает для сирийского имени существительного два рода: мужской и женский, два числа: единственное и множественное: регистрирует на материале языка три состояния: неопределенное, определенное и сопряженное, но как грамматическую категорию он фактически выделяет только форму имени в сопряженном состоянии.

Термин „состояние“ применим в грамматике Ильи Тирханского только к сопряженному состоянию (**ܟܠܡܐ ܕܥܠܝܐ ܟܠܡܐ**), когда имя находится в состоянии („виде“ — **ܟܠܡܐ**) отношения, связи с другим именем.

Имя в неопределенном и определенном состояниях — две параллельные формы имени, не имеющие какого-либо грамматического значения.

Такое понимание двух форм имени (в определенном и неопределенном состояниях) вполне понятно. Еще задолго до Ильи Тирханского форма имени в неопределенном состоянии стала употребляться очень редко, а определенный член **ā** (или **hā?**) в имени в определенном состоянии потерял свое значение определенности.

Форму имени в определенном состоянии Илья Тирханский считает нормальным типом имени. Соответственно имя в неопределенном состоянии уже не воспринимается им как противоположность имени в определенном состоянии. Усеченная форма имени в неопределенном состоянии является как бы параллельной формой к имени, только значительно более облегченной, легкой и удобной для произношения.

Именно благодаря этому Илья Тирханский смог развить заимствованное из арабской грамматики понятие усечения имени на материале об-

разования в сирийском языке неопределенного и определенного состояний имени и по-новому их истолковать.

В арабском языке явление усечения имен (الترخيم) не имеет ничего общего с определенным и неопределенным состояниями и относится только к некоторым именам в звательной форме, например, вместо يَا فَاطِمَةُ в облегченной форме يَا فَاطِمَه — „О, Фатима!“.

В сирийском языке явление усечения имен Илья Тирханский считает одной из основных грамматических особенностей, которая присуща имени.

Действительно, каждое имя в сирийском языке по форме стоит в одном из трех состояний: неопределенном, определенном и сопряженном в любой фразе, в любом контексте. Поскольку грамматическое значение неопределенного состояния потерялось, Илья Тирханский объясняет существование этой формы имени тем, что она более упрощенная и облегченная, поэтому легче и удобнее для произношения (гл. 8).

Илья Тирханский сформулировал основные правила, которые необходимо помнить при усечении имен.

1. Усечению подвергаются все сирийские имена различных видов, соответственно которым усечение происходит по разным правилам (гл. 6).

2. В усеченных именах необходимо менять вокализацию (гл. 6).

3. Если конечному ܐ (= ā) предшествует одна из букв ܚܘܨܐ, то при усечении предшествующая буква получает гласную ܐܘܘܐ, а не ܐܘܝܐ (гл. 26).

4. Усечение имени не зависит от типа предложения, в котором оно находится (гл. 7).<sup>4</sup>

5. Для имен, в звуковом составе которых есть три гласных, находятся ли они в конце или в середине, Илья Тирханский отмечает особый вид усечения, отличающийся от остальных, но, стремясь к краткости изложения, отказывается делать пояснение (гл. 6).<sup>5</sup>

<sup>4</sup> Это условие продиктовано стремлением подчеркнуть отличие усечения в сирийском языке по сравнению с арабским, в котором оно существует только для некоторых имен в звательной форме и подразумевает тип звательного предложения.

<sup>5</sup> Бетген предполагает (Syrische grammatik, p. 17, Nota 3 — немецкого перевода), что Илья Тирханский имел в виду имена типа ܐܘܘܐ, ܐܘܘܐ, ܐܘܘܐ (гласные в конце имени!), которые не сокращаются, и имена типа ܐܘܘܐ, ܐܘܘܐ (гласный в середине!), которые в неопределенном состоянии имеют форму ܐܘܘܐ, ܐܘܘܐ. В гл. 6 это имя существительное приводится Илей Тирханским как один из примеров, в котором усекается окончание ā (= ܐ), поэтому предположение Бетгена несерьезно. Здесь можно было бы привести ряд других примеров и сделать другие предположения (см., например, таблицу одно- и двусложных имен с неизменяемыми гласными в: Fr. Uhlenhann. Grammatik der syrischen Sprache mit vollständigen Paradigmen,

Основные типы имен, в которых происходит усечение, Илья Тирханский перечислил в гл. 6.

1. Имена с окончанием ā (= ʿ) с предшествующим согласным звуком. Усечению подвергается ā (= ʿ). Например: ʿābā → ʿāb, ʿānā → ʿān.<sup>6</sup>

2. Имена с окончанием ā (= ʿ) с предшествующим j (= ,). Усечению подвергается j, ā остается. Например, ʿābā → ʿāb, ʿānā → ʿān.<sup>7</sup>

3. Имена с окончанием tā (= ʿh) с предшествующими w (= a) или j (= ,). Усечению подвергается tā (= ʿh).<sup>8</sup> Например, ʿhāwānā → ʿhāwān, ʿhānā → ʿhān. Илья Тирханский указывает как на исключение на сохранение ā (= ʿ) и усечение t (= h) в именах с окончанием tā (= ʿh). Например, ʿhāwānā → ʿhāwānā.

Фактически, как мы видим в табл. 1—5, Илья Тирханский дает формы имен в различных состояниях: неопределенном, сопряженном и определенном. В основной своей массе эти формы имен, например в неопределенном состоянии, редко встречающиеся, как ʿhāwān, ʿhān, ʿhānā и др.

Образование множественного числа имен Илья Тирханский также объясняет при помощи усечения имен и по образованию множественного числа делит имена на несколько типов (гл. 9).

1. Имена с окончанием ā с предшествующим согласным звуком во множественном числе принимают окончание in, ā усекается, например: ʿābān, ʿānān.<sup>9</sup>

2. Имена с окончанием tā (= ʿh) с предшествующим w (= a) принимают n, tā (= ʿh) отбрасывается, например: ʿhāwān, ʿhān.<sup>10</sup>

3. Имена с окончанием tā (= ʿh) с предшествующим j (= ,) принимают n, отбрасывается tā (= ʿh). Например, [ʿhāwān].

4. Имена с окончанием jā (= ʿ) [принимают n, отбрасывается ā (= ʿ), например: ʿhāwān, ʿhān].<sup>11</sup>

Chrestomathie und Wörterbuche. Berlin, 1857, p. 112, — в дальнейшем: Uhlmann. Grammatik der syrischen Sprache), которые в одинаковой степени могут быть правдоподобны, но по существу вопроса ничего не решают и потому излишни.

<sup>6</sup> См. в конце главы табл. 1, сопряженное и определенное состояния единственного числа.

<sup>7</sup> См. табл. 2.

<sup>8</sup> В гл. 7, где Илья Тирханский возвращается к сопряженному состоянию, он объясняет усечение tā (ʿh) в именах типа ʿhāwānā и ʿhānā тем, что w и j (a и ,), которые остаются, являются гласными (ʿhāwānā), поэтому их достаточно для произношения голосом (ʿhāwānā). См. табл. 3, неопределенное и определенное состояния единственного числа.

<sup>9</sup> См. табл. 1, неопределенное состояние множественного числа.

<sup>10</sup> См. табл. 3, неопределенное состояние множественного числа.

<sup>11</sup> См. табл. 2, неопределенное состояние множественного числа.

5. Имена во множественном числе с окончанием wātā (= רְחֹא) принимают п, отбрасывается tā (רְחֹ), например: רְחֹאֲנָא <sup>12</sup> ← רְחֹאֲנָאִים, רְחֹאֲנָא ← רְחֹאֲנָאִים, רְחֹאֲנָא ← רְחֹאֲנָאִים.

Эти формы имен множественного числа: רְחֹאֲנָא, רְחֹאֲנָאִים, רְחֹאֲנָאִים רְחֹאֲנָא, רְחֹאֲנָא, רְחֹאֲנָא, — являются формами имен множественного числа в определенном и неопределенном состояниях. В гл. 21 имена неопределенного и определенного состояний во множественном числе, именно רְחֹאֲנָאִים и רְחֹאֲנָאִים, רְחֹאֲנָאִים и רְחֹאֲנָאִים и другие, Илья Тирханский считает равноценными формами образования множественного числа, не имеющими принципиальной разницы; т. е. как в единственном числе, где одно и то же имя в разных состояниях, в представлении Ильи Тирханского, — только имя с параллельными формами, не имеющими какого-либо грамматического значения, так и во множественном числе формы имени в различных состояниях представлены как различные способы образования множественного числа.

Все это еще раз подтверждает ранее высказанное мнение, что наш автор не видел разницы между формами имен в определенном и неопределенном состояниях и не выделял их как таковые. Напротив, грамматическое значение сопряженного состояния Илья Тирханский четко понимал, обстоятельно рассмотрел и обозначил особым термином רְחֹאֲנָאִים חֹאֲנָאִים.

В гл. 4 Илья Тирханский объясняет два правила образования сопряженного состояния или, иначе, присоединения имен друг к другу.

1. При помощи связки d (= ד). Например: רְחֹאֲנָא רְחֹאֲנָאִים — „город такого-то“, רְחֹאֲנָא רְחֹאֲנָאִים — „дом такого-то“.

Конечное ā (= א) или местоименный суффикс ת при первом имени не влияет на форму образования сопряженного состояния с частицей d (= ד). Например: רְחֹאֲנָא רְחֹאֲנָאִים — „книга Моисея“, רְחֹאֲנָא רְחֹאֲנָאִים — „лагерь Израиля“, רְחֹאֲנָא רְחֹאֲנָאִים — „бог Иакова“.<sup>13</sup>

2. Благодаря усечению в первом имени конечного ā или jā (= א или י). Например: רְחֹאֲנָאִים רְחֹאֲנָאִים — „римский город“, רְחֹאֲנָא רְחֹאֲנָאִים — „дом такого-то“, רְחֹאֲנָא רְחֹאֲנָאִים — „книга Моисея“ и т. д.<sup>14</sup>

Илья Тирханский приводит формы сопряженного состояния и во множественном числе: רְחֹאֲנָאִים רְחֹאֲנָאִים — „глаза нашего господина“, רְחֹאֲנָאִים רְחֹאֲנָאִים — „ноги такого-то“, רְחֹאֲנָאִים רְחֹאֲנָאִים — „книги такого-то“, и т. д.<sup>15</sup>

Если неопределенное и определенное состояния имен для практического знания языка, т. е. чтения, перевода, разговора, не имели уже в то время большого значения, то знание видов присоединения имен в предложении было элементарной необходимостью.

<sup>12</sup> См. табл. 3, неопределенное и определенное состояния множественного числа.

<sup>13</sup> См. табл. 4.

<sup>14</sup> См. табл. 5.

<sup>15</sup> См. табл. 6.



4. **ܐܘܠܘܕܗܘܐ ܗܘܐ ܕܥܘܠܘܢܐ ܕܥܘܠܘܢܐ** — „Дрогнули и подвиглись основания гор“ (Псалмы 17, 8).

Формы глаголов в приведенных примерах: **ܥܘܠܘܢܐ**, **ܥܘܠܘܢܐ**, **ܥܘܠܘܢܐ**, **ܥܘܠܘܢܐ** и **ܐܘܠܘܕܗܘܐ** — это, во-первых, формы активных и возвратных пород, т. е., как пишет Илья Тирханский, глаголы активного или пассивного залогов; во-вторых, эти формы имеют окончание 3-го л. м. р. ед. ч., которое в перфекте одинаково с формой глагола 3-го л. ж. р. мн. ч.

Подлежащее первого предложения (**ܥܘܠܘܢܐ**) имеет форму сопряженного состояния множественного числа мужского рода.<sup>16</sup> Нельдеке относит его к разряду имен женского рода,<sup>17</sup> не имеющих окончания женского рода в единственном числе, а во множественном числе принимающих окончание или мужского, или женского рода.

Илья Тирханский, судя по вышеприведенной цитате из гл. 20, также считает **ܥܘܠܘܢܐ** именем существительным женского рода.

Глагол в сирийском языке управляется субъектом.<sup>18</sup> Соответственно подлежащему **ܥܘܠܘܢܐ** глагол **ܥܘܠܘܢܐ** в первом примере логичнее считать формой глагола 3-го л. ж. р. мн. ч. перфекта. Имя существительное во втором примере по оформлению — имя женского рода, поэтому глагол **ܥܘܠܘܢܐ** нет никаких оснований считать стоящим в мужском роде. Имя существительное в третьем примере — имя женского рода по значению, соответственно глагол **ܥܘܠܘܢܐ** мы не можем считать формой 3-го л. м. р. ед. ч., логичнее принять его за форму 3-го л. мн. ч. ж. р.

Имена существительные в четвертом примере мужского рода,<sup>19</sup> соответственно глаголы **ܥܘܠܘܢܐ** и **ܐܘܠܘܕܗܘܐ** представляют форму 3-го л. мн. ч. м. р. перфекта.

Итак, 4 примера, приведенные Илеей Тирханским, доказывающие, по его мнению, превосходство мужского рода над женским, вследствие которого в перфекте глагол мужского рода единственного числа может стоять при именах существительных женского рода множественного

<sup>16</sup> U h l e m a n n. Grammatik der syrischen Sprache, p. 113.

<sup>17</sup> N ö l d e k e. Kurzgefasste syrische Grammatik, § 84.

<sup>18</sup> Там же, § 321.

<sup>19</sup> B r o c k e l m a n n. Syrische Grammatik, § 106. Брокельман указывает, что к именам женского рода (не оформленным грамматически) относятся названия местности (поле, вади), элементы и метеорологические явления (соль, огонь). По этой классификации **ܥܘܠܘܢܐ** тоже можно было бы отнести к женскому роду, как делает это Бетген (Syrische Grammatik, p. 36 — немецкого перевода). В списке имен женского рода, грамматически не имеющих форму женского рода, данном Нельдеке (N ö l d e k e. Kurzgefasste syrische Grammatik, § 84), этих имен нет.

Может быть, эти имена действительно женского рода и Илья Тирханский правильно считает их именами женского рода, но множественное число этих имен — по типу образования множественного числа имен мужского рода, поэтому вполне закономерно, что сказуемые при них в мужском роде множественного числа, и поэтому этот пример является просто неудачным.



числа, — в мужском роде. У Нельдеке специально нигде это не подчеркивается. По-видимому, Илья Тирханский наблюдал подобные случаи с преобладающим употреблением глагольных форм мужского рода при именах собирательных и коллективных, в которых род неопределен и подразумевает лиц или животных обоего пола, хотя примеров он и не приводит.

Толчком к такого рода наблюдениям в сирийском языке со стороны Ильи Тирханского, послужило, по-видимому, знакомство с арабской грамматикой.

Одним из арабских грамматиков, сочинения которых были наиболее распространены в XI—XIII вв., был ал-Фариси ал-Фесави, с трудами которого мог познакомиться наш автор. По содержанию вопросов и расположению их в грамматике труд Ильи Тирханского довольно близок грамматике ал-Фариси.

Арабские грамматикологи считали, что первоначальная форма имени — форма в мужском роде, а обозначение женского рода появилось позднее, потому что женский род является „разветвлением“ мужского. Ал-Фариси ал-Фесави был одним из первых арабских грамматиков, кто посвятил вопросу образования женского рода в именах несколько специальных глав. Например, он пишет: „Мужской род есть коренное свойство имен, а женский род следует за ним“.<sup>21</sup> По-видимому, мысль о превосходстве мужского рода над женским Ильей Тирханским могла быть заимствована даже непосредственно из труда ал-Фариси ал-Фесави. Но заимствовав понравившуюся ему мысль, Илья Тирханский постарался обосновать ее на материале сирийского языка.

Основным явлением, пронизывающим всю систему сирийской грамматики, Илья Тирханский считает усечение. Поэтому в каждой части речи основное внимание он уделяет грамматическим категориям и формам, которые так или иначе претерпели, по его мнению, усечение. Этим объясняется, что не все категории той или иной части речи освещены им полно и систематически. Так, в имени существительном он ограничился вопросами образования числа и состояния и некоторыми замечаниями о роде.

Имеются немногочисленные сведения о местоимениях, прилагательных и других частях речи, которые в нормативных сирийских грамматиках объединяются под собирательным термином „имя“. Но Илья Тирханский, как можно судить по вышеизложенному материалу, термином „имя“ обозначал только имя существительное.

<sup>21</sup> Гиргас. Очерк, стр. 64.

Т а б л и ц а 1

Усечения имен с окончанием ā (ⲁ) с предшествующим согласным звуком

| Единственное число                          |  |  | Множественное число                         |  |  |
|---|--|--|---|--|--|
| неопределенное состояние (Status Absolutus) | сопряженное состояние (Status Constructus) | определенное состояние (Status Emphaticus) | неопределенное состояние (Status Absolutus) | сопряженное состояние (Status Constructus) | определенное состояние (Status Emphaticus) |
|   |  | ⲁⲗⲏⲁ                                       | ⲁⲗⲏⲁ  |  | ⲁⲗⲏⲁ                                       |
|   | ⲁⲗⲏ  | ⲁⲗⲏⲁ                                       | ⲁⲗⲏⲁ  |  | ⲁⲗⲏⲁ                                       |
|   | ⲁⲗⲏⲓ                                       | ⲁⲗⲏⲁ (§ 95)                                |   |  |  |
|   | ⲁⲗⲏⲥ                                       | ⲁⲗⲏⲁ                                       |   | ⲁⲗⲏⲥ                                       |  |
|   | ⲁⲗⲏⲟ                                       | ⲁⲗⲏⲁ                                       | ⲁⲗⲏⲟ  |  |  |
|   | ⲁⲗⲏⲓ                                       | ⲁⲗⲏⲁ (p. 112) (§ 97)                       |   |  |  |
|   | ⲁⲗⲏⲓ                                       | ⲁⲗⲏⲁ (p. 113) (§ 98)                       | [ⲁⲗⲏⲓ <sup>ⲧ</sup> ]                        |  |  |
| [ⲁⲗⲏ]                                       | ⲁⲗⲏ  | ⲁⲗⲏⲁ (p. 127) (§ 146)                      |   |  |  |
|   | ⲁⲗⲏⲓ                                       | ⲁⲗⲏⲁ (§ 146)                               |   |  |  |
|   | ⲁⲗⲏⲥ                                       | ⲁⲗⲏⲁ (p. 127)                              |   |  |  |
|   | ⲁⲗⲏⲟ                                       | ⲁⲗⲏⲁ                                       |   |  |  |
|   | ⲁⲗⲏⲓ                                       | ⲁⲗⲏⲁ                                       |   |  |  |
|   | ⲁⲗⲏⲟ                                       | ⲁⲗⲏⲁ (§ 146)                               |   |  |  |
|   | ⲁⲗⲏⲓ                                       | ⲁⲗⲏⲁ (p. 113) (§ 94)                       | [ⲁⲗⲏⲓ <sup>ⲧ</sup> ]                        |  |  |
|   | ⲁⲗⲏⲓ                                       | ⲁⲗⲏⲁ                                       |   |  |  |
|   | ⲁⲗⲏⲥ                                       | ⲁⲗⲏⲁ                                       |   |  |  |
|   | ⲁⲗⲏⲟ                                       | ⲁⲗⲏⲁ (p. 127)                              | ⲁⲗⲏⲟ  |  |  |
|   | ⲁⲗⲏⲓ                                       | ⲁⲗⲏⲁ                                       |   | ⲁⲗⲏⲓ                                       |  |
|   |  | ⲁⲗⲏⲁ                                       |   |  | ⲁⲗⲏⲁ                                       |

Примечание. В этой и следующих таблицах указанные в скобках параграфы (no : Nöldke. Kurzgefasste syrische Grammatik) и страницы (no : Uhlemann. Grammatik der syrischen Sprache) содержат объяснения особенностей образования различных состояний этих имен. Формы имен, заключенные в квадратные скобки, не приводятся в грамматике Ильи Тирханского, а только подразумеваются.

Т а б л и ц а 2

Усечения имен с окончанием ā (ا) с предшествующим i (ي)

| Единственное число                          |   |  | Множественное число                         |  |  |
|---|---|--|---|--|--|
| неопределенное состояние (Status Absolutus) | сопряженное состояние (Status Constructus)          | определенное состояние (Status Emphaticus) | неопределенное состояние (Status Absolutus) | сопряженное состояние (Status Constructus) | определенное состояние (Status Emphaticus) |
| ا.ا.ا                                       | ا.ا.<br>ا.ا.<br>ا.ا.<br>ا.ا.<br>ا.ا.ا (ж. р. § 101) | ا.ا.<br>ا.ا.<br>ا.ا.ا (ж. р. § 101)        | ا.ا.<br>ا.ا.<br>ا.ا.ا<br>[ا.ا.ا] (§ 146)    |  |  |
|   | ا.ا.ا (и) вторичная форма, § 146)                   | ا.ا.ا (§ 146)                              |   |  |  |

Т а б л и ц а 3

Усечения имен с окончанием tā (ا), с предшествующими w (و) или j (ي)

| Единственное число                          |  |  | Множественное число                         |  |  |
|---|--|--|---|--|--|
| неопределенное состояние (Status Absolutus) | сопряженное состояние (Status Constructus) | определенное состояние (Status Emphaticus) | неопределенное состояние (Status Absolutus) | сопряженное состояние (Status Constructus) | определенное состояние (Status Emphaticus) |
| ا   | ا  | ا (§§ 98, 146, p. 127)                     | ا   |  |  |
| [ا.ا]                                       | [ا.ا.ا]                                    | ا.ا.а (§ 76)                               |   |  |  |
| ا.ا.ا                                       | ا.ا.ا                                      | ا.а.а (§ 76)                               | ا.а.а                                       | [ا.а.а]                                    | а.а.а                                      |
| ا.а.а                                       | а.а.а                                      | а.а.а (§ 76)                               | а.а.а                                       | [а.а.а]                                    | а.а.а                                      |
| ا.а.а                                       | а.а.а                                      | а.а.а (§ 75)                               |   | [а.а.а]                                    |  |
| ا.а.а                                       | [а.а.а]                                    | а.а.а (§ 75)                               |   |  |  |
| а.а.а                                       | [а.а.а<br>или<br>а.а.а]                    | а.а.а (§§ 75, 101, 146)                    |   |  |  |
| а.а.а                                       | а.а.а                                      | а.а.а (p. 114)                             |   |  |  |
| а.а.а                                       | [а.а.а]                                    | а.а.а (p. 106)                             |   |  |  |
|   |  |  | а.а.а                                       | [а.а.а]                                    | а.а.а                                      |
|   |  |  | а.а.а                                       | [а.а.а]                                    | а.а.а                                      |
|   |  |  | а.а.а                                       | [а.а.а]                                    | а.а.а                                      |

Таблица 4

Сопряженное состояние с частицей  $\text{ל}$

- (Гл. 8)  $\text{קָנַח לְשֶׁמֶשׁ}$  — город солнца  
 (Гл. 4)  $\text{סֵפֶר לְמֹשֶׁה}$  — книга Моисея  
 $\text{מַחֲנֵה לְיִשְׂרָאֵל}$  — лагерь Израиля  
 $\text{אֱלֹהֵי יַעֲקֹב}$  — Бог Иакова  
 $\text{עִיר לְכָל־שֵׁם}$  — город такого-то  
 $\text{בַּיִת לְכָל־שֵׁם}$  — дом такого-то

Таблица 5

Сопряженное состояние в сочетании с именами

Единственное число

- (Гл. 4)  $\text{עִיר רֹמִים}$  — город римлян  
 $\text{בַּיִת לְכָל־שֵׁם}$  — дом такого-то  
 $\text{סֵפֶר מֹשֶׁה}$  — книга Моисея  
 $\text{מַחֲנֵה יִשְׂרָאֵל}$  — лагерь Израиля  
 $\text{יָד יַעֲקֹב}$  — рука Иакова  
 $\text{רֶגֶל יוֹסֵף}$  — нога Иосифа  
 $\text{אֱלֹהֵי אֱלֹהִים}$  — Бог богов (Псалмы 49, 1)  
 $\text{הַגָּדֹל מֵכָל־פַּרְעֹהִים}$  — величайший из фараонов  
 $\text{עִיר קֳדְשֵׁי}$  — город святости  
 $\text{עַבְד מֶלֶךְ}$  — раб царя  
 $\text{מֶלֶךְ מְלָכִים}$  — царь царей  
 (Гл. 7)  $\text{אֵל מִן־הַשָּׁמַיִם}$  — доверенный  
 $\text{אִישׁ מִן־הַשָּׁמַיִם}$  — осуждающий, обвиняющий человек  
 $\text{עִיר שֶׁמֶשׁ}$  — город солнца  
 $\text{מֵאֵת הַיְיָ}$  — явление нашего господа  
 $\text{עֵדוּת הַיְיָ}$  — свидетельство правды  
 $\text{תְּפִלָּתְךָ הַיְיָ}$  — просьба твоего почитателя

Множественное число

- (Гл. 4)  $\text{עֵינֵי הַיְיָ}$  — глаза нашего господина  
 $\text{רַגְלֵי הַיְיָ}$  — ноги такого-то  
 $\text{סֵפֶר הַיְיָ}$  — книги такого-то

## ГЛАГОЛ

В грамматике Ильи Тирханского много места и внимания уделено второй главной части речи сирийского языка — глаголу. Его сведения о глаголе по методу и порядку изложения достаточно бессистемны и разбросаны. Однако по содержанию глагол — наиболее подробно и полно освещенный раздел изучаемой грамматики. Весь материал о глаголе, имеющийся у Ильи Тирханского, рассматривается нами в том порядке, в каком категории глагола изложены в грамматике Нельдеке.<sup>1</sup>

В труде Ильи Тирханского освещены следующие разделы этой большой темы: 1) время; 2) лицо, род, число; 3) наклонение; 4) породы.

Поскольку почти весь материал по глаголу, имеющийся в грамматике нашего автора, поясняется на примерах глаголов, относящихся к типу сильных или правильных, в нашем изложении отсутствует отдельная характеристика сильных глаголов. Изложению сведений Ильи Тирханского об отдельных группах глаголов посвящены пять разделов: 5) глаголы с гортанными и *i* (эти глаголы относятся к сильным, но имеют некоторые особенности, благодаря которым автор выделил их в отдельную группу); 6) глаголы с третьим *ʿ*; 7) глаголы с первым *ʿ*, „ *ʿ*; 8) глаголы с третьим *ʿ*; 9) глаголы со средним *ʿ* и *ʿ* и удвоенные. Если мы сравним названия указанных разделов с разделами, имеющимися по глаголу в грамматике Нельдеке, мы увидим, что перечни названий разделов по группам глаголов почти идентичны. Это свидетельствует о полноте сведений нашего автора. Илья Тирханский опустил только характеристику глаголов со средним *ʿ*, по-видимому потому, что их спряжение несложно и мало отличается от спряжения сильного глагола. Некоторые группы, имеющие общие формы спряжения, он рассматривал вместе, например глаголы с первым *ʿ*, „ *ʿ*; и мы в нашем изложении сохранили подобные группировки.

Выделяются в самостоятельную группу (десятая „форма“ произношения повелительного наклонения, гл. 15) глаголы с двумя слабыми коренными и даются следующие примеры:

*ʿlʿlʿ* (Aphel от глагола *ʿlʿ* или *ʿl*) и *ʿlʿlʿ* (в породе Peal, в которой этот глагол, по сведениям Нельдеке, не употребляется). Примеры даны в 3-м л. мн. ч. м. р. повел. накл. с объектными суффиксами:

<sup>1</sup> Nöldeke. Kurzgefasste syrische Grammatik.

,*ṣaṣṭāṣ* и ,*ṣaṣṭāw*, ,*ṣaṣṭāṣ* и ,*ṣaṣṭāw*. Илья Тирханский не дает других форм и сведений об этих глаголах, поэтому мы сочли возможным не посвящать им особый раздел и ограничиться сообщением об их выделении автором.

То же самое нужно сказать о четырехбуквенных глаголах, которые он выделяет как 6-ю форму произношения повелительного наклонения, в единственном числе *ṣiṣi* и *ṣiṣi*, во множественном числе с объектными суффиксами: ,*ṣaṣiṣi*, ,*ṣaṣiṣi*, ,*ṣaṣiṣi*, ,*ṣaṣiṣi*.

Неправильные глаголы с неустойчивым спряжением в зависимости от состава корневых букв Илья Тирханский относит к различным группам: глагол *ṣṣṣ*, так же как *ṣiṣ*, и к группе глаголов с первым *ṣ*, и к группе глаголов с третьим *ṣ*, а *ṣṣṣ* — к группе с первым *ṣ*. Почти для каждой выделенной им группы глаголов он дает формы 3-го л. м. р. мн. ч. повел. накл. с присоединением объектных суффиксов. Присоединение объектных суффиксов в этом лице и числе Илья Тирханский считает обязательным для выражения повелительного наклонения. Эти формы отмечены нами для каждой группы глаголов в соответствующих разделах, поэтому снимается необходимость специального раздела, посвященного рассмотрению глаголов с объектными суффиксами.

### Время

В грамматике Ильи Тирханского совершенно ясно и четко указываются три времени: настоящее — *ṣṣṣ ṣṣṣ* (гл. 5, 25, 26, 27, 28), прошедшее время — *(ṣṣṣ) ṣṣṣ* (гл. 5, 15, 20, 25, 26, 28, 30), будущее время — *ṣṣṣ ṣṣṣ* (гл. 5, 25, 28). Формы выражения этих времен, весьма многообразные и сложные,<sup>2</sup> не анализируются нашим автором, но исходя из попутных замечаний при изложении других грамматических вопросов, можно заключить, что настоящее время, по его мнению, выражается причастием действительного залога (гл. 5, 26, 27, 30), будущее время — формами имперфекта (гл. 5, 30), а прошедшее время — формами перфекта (гл. 5, 15, 20, 25, 26, 30). Эти замечания носят следующий характер, например, он пишет: „Знай, что усечение является обычным для гласных букв и больше относится также к глаголам в настоящем времени (*ṣṣṣ ṣṣṣ*). Например [в глаголах] *ṣṣṣ* — «Он бросил», *ṣṣṣ* — «Он сделал», *ṣṣṣ* — «Он велел освободить» [усекается *ṣ*, при образовании причастий действительного залога] — *ṣṣṣ* — «Бросающий», *ṣṣṣ* — «Делающий» и *ṣṣṣ* — «Освобождающий»“ (гл. 5). Эти причастия Илья Тирханский считает формами настоящего времени.

Еще яснее взгляд Ильи Тирханского на причастие действительного залога как на форму выражения настоящего времени проявляется в гл. 27,

<sup>2</sup> Там же, стр. 193—211.

в которой он утверждает, что в настоящем времени „никогда не смешиваются лица, ни в единственном, ни во множественном числе, так же как ни в женском, ни в мужском роде. Глаголы двух остальных времен имеют общие формы“.

Действительно, 3-е л. м. р. ед. ч. и 3-е л. ж. р. мн. ч. в перфекте совпадают по форме, точнее — по грамматическому оформлению. В имперфекте грамматически одинаково оформлены 3-е л. ж. р. и 2-е л. м. р. ед. ч., 3-е л. м. р. ед. ч. и 1-е л. мн. ч.

В гл. 27 Илья Тирханский приводит формы настоящего времени во всех лицах:

|                | [Единственное число]               | [Множественное число]  |
|----------------|------------------------------------|------------------------|
| [1-е л. м. р.] | 1. $\text{ܘܒܪܝܢܐ}$                 | 2. $\text{ܘܒܪܝܢܝܢ}$    |
| [ж. р.]        | 11. $\text{ܘܒܪܝܢܐ}$                | 12. $\text{ܘܒܪܝܢܝܢ}^3$ |
| [2-е л. м. р.] | 3. $\text{ܘܒܪܝܢܐ}$                 | 4. $\text{ܘܒܪܝܢܝܢ}$    |
| [ж. р.]        | 5. $\text{ܘܒܪܝܢܐ} [\text{ܘܒܪܝܢܐ}]$ | 6. $\text{ܘܒܪܝܢܝܢ}$    |
| [3-е л. м. р.] | 7. $\text{ܘܒܪܝܢܐ}$                 | 8. $\text{ܘܒܪܝܢܝܢ}$    |
| [ж. р.]        | 9. $\text{ܘܒܪܝܢܐ}$                 | 10. $\text{ܘܒܪܝܢܝܢ}$   |

Автор грамматики дает эти формы в последовательности, начиная с 1-го л. и ставит рядом формы единственного и множественного числа. Основой этих форм являются причастия действительного залога мужского и женского рода, которые в единственном числе Илья Тирханский считает формами 3-го л. Во 2-м л. к этим причастиям присоединяются личные местоимения 2-го л., в 1-м л. — личное местоимение 1-го л. Для 1-го л. женского рода единственного и множественного числа формы причастия с местоимением добавлены в конце перечня форм. Во множественном числе основой служат формы множественного числа причастий мужского и женского рода в абсолютном состоянии. В гл. 5 Илья Тирханский объясняет образование лиц в настоящем времени усечением, явлением, которое он считает характерным для образования многих форм в сирийском языке. Он пишет: „Отбрасывание гласной относится только к глаголам в настоящем времени. Например, в [форме]  $\text{ܘܒܪܝܢܐ}$  — «Ты открываешь», с  $\text{ܘܒܪܝܢܐ}$  над  $\text{ܐܝ}$ , мы отбрасываем одну из гласных [гласный  $\text{ܐ} + \text{ܝ}$  местоимения] и произносим  $\text{ܘܒܪܝܢܐ}$ , т. е. без  $\text{ܘܒܪܝܢܐ}$  над  $\text{ܐܝ}$ . Также  $\text{ܘܒܪܝܢܐ}$  — «Ты наполняешь» →

$\text{ܘܒܪܝܢܐ}$ ,  $\text{ܘܒܪܝܢܐ}$  — «Ты благословляешь» →  $\text{ܘܒܪܝܢܐ}$ , [где] гласная

отбрасывается от  $\text{ܝ}$ . [Это правило относится и к глаголам] 2-го л. ж. р. ед. ч., например, [вместо]  $\text{ܘܒܪܝܢܐ}$  — «Ты [ж. р.] открываешь» мы говорим  $\text{ܘܒܪܝܢܐ}$ , [вместо]  $\text{ܘܒܪܝܢܐ}$  — «Ты [ж. р.] наполняешь» →

<sup>3</sup> Syrische Grammatik, p. 48 — немецкого перевода. Исправление Бетгена.

ܡܚܒܪܝܢܐ, [вместо] ,ܕܢܐ ܡܚܒܪܝܢܐ — «Ты [ж. р.] благословляешь» → ,ܡܚܒܪܝܢܐ“ (гл. 5).

О причастиях действительного залога мужского и женского рода с личными местоимениями как формах выражения настоящего времени из нормативных грамматик сирийского языка говорится только в грамматике Костаза.<sup>4</sup> Он совершенно справедливо назвал соединение причастия с личными местоимениями всех лиц квазиспряжением, поскольку под спряжением глагола мы имеем обыкновенно в виду изменение гласных внутри слова, в случае же так называемого спряжения причастия действительного залога основа, т. е. причастие мужского или женского рода, остается неизменной, меняются только личные местоимения в зависимости от лица. Илье Тирханскому было известно понятие спряжения глагола, которое он обозначает термином ܡܚܒܪܝܢܐ. Он употреблен в гл. 18 и 24 и контекст позволяет утверждать, что понятие спряжения глагола Ильи Тирханского соответствует нашему. Поэтому не случайно, что по отношению к приведенным формам настоящего времени не употреблен термин „спряжение“. Это свидетельствует о том, что автор видел разницу между спряжением глагола в прошедшем и будущем времени и так называемым спряжением причастия. Приведем спряжение причастия сильного глагола, данное в грамматике Костаза:

| Единственное число            | Множественное число |
|-------------------------------|---------------------|
| 3-е л. м. р. ܡܚܒܪܝܢܐ          | ܡܚܒܪܝܢܐ             |
| ж. р. ܡܚܒܪܝܢܐ                 | ܡܚܒܪܝܢܐ             |
| 2-е л. м. р. ܡܚܒܪܝܢܐ, ܡܚܒܪܝܢܐ | ܡܚܒܪܝܢܐ, ܡܚܒܪܝܢܐ    |
| ж. р. ܡܚܒܪܝܢܐ, ܡܚܒܪܝܢܐ        | ܡܚܒܪܝܢܐ, ܡܚܒܪܝܢܐ    |
| 1-е л. м. р. ܡܚܒܪܝܢܐ, ܡܚܒܪܝܢܐ | ܡܚܒܪܝܢܐ, ܡܚܒܪܝܢܐ    |
| ж. р. ܡܚܒܪܝܢܐ, ܡܚܒܪܝܢܐ        | ܡܚܒܪܝܢܐ, ܡܚܒܪܝܢܐ    |

Как мы видим, Костаз приводит наряду с полными формами, т. е. причастиями с личными местоимениями, стяженные формы, которые, как он считает, образовались благодаря частому, постоянному употреблению. Формы причастий с личными местоимениями, которые дает Илья Тирханский, в основном занимают промежуточное положение между полными и стяженными формами Костаза. Так, форма 2-го л. ед. ч. ж. р. является „неполной“, так как утратила один ܢ, но и не краткой, так как второй ܢ с ܡ еще остались. И в 1-м л. ж. р. ед. ч. форма ܡܚܒܪܝܢܐ не является ни краткой (ܡܚܒܪܝܢܐ), ни полной (ܡܚܒܪܝܢܐ ܡܚܒܪܝܢܐ).

<sup>4</sup> L. Costaz, Grammaire Syriacque. Beyrouth, 1955.

Во множественном числе во 2-м л. м. р. Илья Тирханский дает стяженную форму, а в женском роде — полную. В 1-м л. мн. ч. в мужском роде — стяженная форма, а в женском — средняя между стяженной и полной:  $\text{ܚܒܘܬܐ}$ . Издатель грамматики Бетген, видимо не учтя того обстоятельства, что и в остальных формах квазиспряжения нет последовательности, поставил в тексте  $\text{ܚܒܘܬܐ}$ , т. е. стяженную форму вместо  $\text{ܚܒܘܬܐ}$ , имеющуюся в рукописи. По всей вероятности, формы, которые дает Костаз в своей грамматике, более позднего употребления.

До грамматики Костаза другие европейские исследователи сирийского языка отмечали употребление как собственно причастия, так и причастия в соединении его с личными местоимениями для выражения настоящего времени,<sup>5</sup> но не давали четкой и ясной формулировки его употребления; тем более не было попытки привести так называемое спряжение причастия в стройную систему. Причиной этого была, по-видимому, общая традиция семитского языкознания отрицать у семитских народов деление действия по времени на настоящее, прошедшее и будущее. Например, Юшманов писал в грамматике арабского языка: „Вместо тройного деления действия или состояния по соотношению по времени на прошедшее, настоящее и будущее семит пользуется двойным делением по законченности на совершенное и несовершенное“,<sup>6</sup> т. е. деление действия „по законченности на совершенное и несовершенное“ Юшманов считает особенностью семитского грамматического сознания. Так считали все европейские исследователи семитских языков, благодаря чему и появилось во всех нормативных грамматиках семитских языков, так же как и в сирийском, деление на совершенное и несовершенное время. Благодаря этой тенденции в сирийском не выделялись формы, выражающие настоящее время. Вопрос о существовании в сирийском языке разделения действия по времени на настоящее, прошедшее и будущее не изучался, несмотря на то, что в сирийских грамматиках имеется материал для его разработки.

Термины, обозначающие настоящее, прошедшее и будущее время, встречаются еще у Иакова Эдесского, так же как и у современников Ильи Тирханского (Ильи бар Собхи), и у его преемников (Иоанна бар Зоби и Бар Эбрея). Из древнейших сирийских грамматиков наиболее полно этот вопрос освещается у Ильи Тирханского.

Формами глагола, выражающими будущее время, Илья Тирханский называет имперфект, например:  $\text{ܐܝܕܘܢܐ}$  — „Я войду“,  $\text{ܐܝܦܘܢܐ}$  — „Я пойду“ (гл. 5).

Формами глагола, выражающими прошедшее время, Илья Тирханский называет перфект, например:  $\text{ܚܒܘܬܐ}$  и  $\text{ܚܒܘܬܐ}$  — „Они сделали“,  $\text{ܚܒܘܬܐ}$  и  $\text{ܚܒܘܬܐ}$  — „Они провозгласили“ (гл. 5), и т. п.

<sup>5</sup> См., например: N ö l d e k e. Kurzgefasste syrische Grammatik, pp. 202—209.

<sup>6</sup> Юшманов. Грамматика, стр. 29—30.

### Лицо, род, число

Илья Тирханский отмечает в глаголах два рода: мужской и женский, два числа: единственное и множественное, три лица: первое, второе и третье. Он не посвящает специального раздела для изложения образования этих категорий в сирийском глаголе в определенной системе.

Глагол, имеющий грамматические показатели, предстает для Ильи Тирханского в одном аспекте — имеющим форму.

Составив таблицу форм, которые дает нам автор, без объяснения или с объяснением их образования, мы получим спряжение по лицам основных классов глаголов, правильных и неправильных.

С извлечением показателей лица, рода, числа мы получим следующую (весьма неполную) картину спряжения глагола по временам и лицам, общую для всей системы глагола грамматики Ильи Тирханского:

#### Единственное число

|                  | Перфект<br>(прошедшее время) | Имперфект<br>(будущее время) |
|------------------|------------------------------|------------------------------|
| 3-е л. м. р. —   | —                            | — 1                          |
| ж. р. [?]        |                              | , — 2                        |
| 2-е л. м. р. [?] | [?]                          | [?]                          |
| ж. р. [?]        | [?]                          | [?]                          |
| 1-е л.           | 3<br>2 —                     | — 2                          |

#### Множественное число

|              |          |     |
|--------------|----------|-----|
| 3-е л. м. р. | 1 —; 2 — | — 1 |
| ж. р.        | , —; 2 — | [?] |
| 2-е л. м. р. | [?]      | [?] |
| ж. р.        | [?]      | [?] |
| 1-е л.       | 2 —; 2 — | — 1 |

Парадигма спряжения глагола в перфекте и имперфекте, как мы видим, неполная. Это объясняется тем, что спряжение глагола в перфекте и имперфекте не интересовало специально Илью Тирханского, эти формы даны в основном при изложении явления усечения в сирийском языке. О так называемом спряжении в настоящем времени говорилось выше.

### Наклонение

Илья Тирханский называет в своей грамматике два наклонения: изъявительное и повелительное. Значение их обычное, соответствующее общепринятому определению. Изъявительным наклонением он называет формы перфекта, которые считает формами выражения прошедшего времени.





ными суффиксами, по свидетельству Ильи Тирханского, имеется в библии и, таким образом, не представляет ничего нового для сирийской грамматики. Илья Тирханский сам стремится это показать. Оригинальная же мысль Ильи Тирханского состоит в том, что для пояснения повелительного наклонения, форма которого в этом лице и числе одинакова с перфектом, необходимо присоединение объектного суффикса. Но в сирийском языке для форм повелительного наклонения, по-видимому, преобладает употребление без объектных суффиксов, что объясняется Илеей Тирханским рациональным развитием языка, благодаря которому язык избегает тяжести (ܕܝܘܒܐ) и долготы (ܕܝܘܒܐܝܐ), стремится к простоте и легкости, которая достигается усечением удлиненных форм. „Для того, — пишет наш автор, — чтобы не удлинять глагол, сирийские грамматики предоставили понимать, обозначает ли глагол прошедшее время или стоит в повелительном наклонении, из [общей] связи предложения и из того, что присоединено в начале, а что в конце“ (гл. 15).

### Породы

Илья Тирханский дает сведения о спряжении различных глаголов правильных и неправильных, в следующих породах: Peal, Ethpeel, Pael, Ethpaal и Aphel. Признаки, определяющие породу и образующие ее, — именно префиксы или превербы (ܐ, ܕܐ) — Илья Тирханский соединяет в группу букв ܕܘܒܐܝܐ, которые называет активными.<sup>11</sup>

Говоря о породе глагола, Илья Тирханский называет ее формой (ܕܘܒܐܝܐ). Например, он пишет: „Каждый глагол в изъявительном наклонении, который имеет эту форму, например: ܕܘܒܐܝܐ — «Он отправил прочь», ܕܘܒܐܝܐ — «Он разгневал», ܕܘܒܐܝܐ — «Он сделал», ܕܘܒܐܝܐ — «Он родил», в повелительном наклонении имеет ту же самую [форму], но с ударением, которое мы ставим над ܕܘܒܐܝܐ [например, в слове] ܕܘܒܐܝܐ — «Он родил»“ (гл. 25). Приведенные в цитате примеры глаголов в породе Aphel, в которой 3-е л. м. р. ед. ч. перфекта одинаково по форме с повелительным наклонением в этом же лице и числе.

Все породы, кроме Etpahal, представлены в парадигмах спряжения глагола, состоящего из трех согласных и называемого обычно правильным. По парадигме правильного глагола можно видеть, какие вопросы в системе глагола вызвали интерес Ильи Тирханского. Особенности спряжения неправильных глаголов отмечаются автором в каждом отдельном глаголе.

а) Peal. В гл. 23 Илья Тирханский пишет о том, что форма глагола в женском роде множественного числа, так же как в мужском роде единственного числа, не одинакова в изъявительном и повелительном наклонениях. Приводятся следующие примеры: ܕܘܒܐܝܐ — „он сделал“ —

<sup>11</sup> См. выше, стр. 24.

в изъявительном, и  $\overset{\epsilon}{\text{حَبِّ}} — „сделай“ — в повелительном наклонениях в мужском роде единственного числа. Для женского рода приведены следующие примеры:  $\text{حَبِّ} \text{نِقْلَ} — „Сделали женщины“ и  $\text{حَبِّ} \text{بِالْمَرْءِ} — „Сделайте, девушки“. Когда Илья Тирханский отмечает одинаковость форм изъявительного и повелительного наклонений и стремится их дифференцировать, он имеет в виду субъектные показатели. В данной главе речь идет о различии форм изъявительного и повелительного наклонений, благодаря неодинаковой гласной над второй коренной.$$$

Как известно,<sup>12</sup> в породе Peal в переходных глаголах гласная второй коренной в перфекте — а, в имперфекте и повелительном наклонении и или е. Глагол  $\text{حَبِّ}$ , приведенный Ильей Тирханским в качестве примера, — переходный глагол в породе Peal 3-го л. м. р. ед. ч. перфекта, т. е. прошедшего времени, что для нашего автора идентично изъявительному наклонению, а  $\overset{\epsilon}{\text{حَبِّ}}$  — форма повелительного наклонения этой породы 3-го л. м. р. ед. ч. Для мужского рода Илья Тирханский берет глагол в 3-м л. ед. ч., т. е. без субъектных показателей, что особенно подчеркивает суть различия между двумя наклонениями, которое хотел показать Илья Тирханский. Для женского рода принципиальным отличием этих двух наклонений в породе Peal также является гласная над второй коренной: „а“ в изъявительном и „е“ в повелительном. Илья Тирханский взял для сравнения формы, разные по субъектным показателям, по-видимому для того, чтобы подчеркнуть, что  $\overset{y}{\text{حَبِّ}}$  — форма 3-го л. ж. р. мн. ч. только перфекта, две другие формы которого по субъектным показателям:  $\overset{y}{\text{حَبِّ}}$  и  $\overset{y}{\text{حَبِّ}}$  — одинаковы с формами повелительного наклонения. Илья Тирханский хотел, таким образом, для женского рода выявить различие изъявительного и повелительного наклонений Peal и по гласной над второй коренной, и по субъектным показателям, но форма  $\overset{\epsilon}{\text{حَبِّ}}$  характерна для повелительного наклонения только гласной е.

Таким образом, излагая отличие форм глагола в 3-м л. м. и ж. р. ед. и мн. ч. в изъявительном и повелительном наклонениях, Илья Тирханский дает особенности спряжения глаголов в породе Peal.

В гл. 15 Илья Тирханский приводит формы повелительного наклонения. Он пишет: „Следует знать, что глагол в повелительном наклонении имеет много форм по своему произношению“. Далее следуют примеры. Фактически здесь даны формы повелительного наклонения неправильных глаголов, имеющих свои особенности, вперемежку с формами правильных глаголов в разных породах. Под рубрикой „7-я форма“ произношения повелительного наклонения Илья Тирханский приводит глаголы в породе Peal: „Седьмая [форма]: [глаголы]  $\text{سَمِّ} — «скажи»,$

<sup>12</sup> См.: Nöld e k e. Kurzgefasste syrische Grammatik, § 160, p. 102.



ܐܘܢܝܢ — «Я женюсь», ܐܘܢܝܢ — «Я сравню» и в подобных им, третья согласная, как правило, произносится твердо“ (гл. 30). Буквы ܐ, ܐ, ܐ, ܐ являются вторыми коренными буквами в глаголах ܐܘܢܝܢ, ܐܘܢܝܢ, ܐܘܢܝܢ в форме 1-го л. имперфекта Peal, с префиксом е. Илья Тирханский называет их третьими буквами, считая по направлению чтения сирийского слова. Известно,<sup>16</sup> что буквы ܐܘܢܝܢ в качестве 2-й коренной глаголов в имперфекте и инфинитиве произносятся твердо. Префиксальные буквы ܐܘܢܝܢ, называемые Ильей Тирханским активными, не влияют, конечно, на твердое или мягкое произношение букв ܐܘܢܝܢ, автор привлек их для определения форм имперфекта и инфинитива. В этой же главе Илья Тирханский специально оговаривает значение букв ܐܘܢܝܢ. Он пишет: „Знай, о господин мой, что каждый глагол из трех букв, одна из которых ܐܘܢܝܢ, не произносится ни мягко, ни твердо“

(гл. 30), т. е. наш автор совершенно ясно представляет себе их конкретное значение при спряжении глагола в имперфекте и образовании инфинитива (ܐܘܢܝܢ — префиксы, определяющие лицо глагола, ܐ — префикс, образующий инфинитив). Подводя итоги данных Ильи Тирханского о породе Peal, можно сказать, что основные моменты, характеризующие особенности глаголов в этой породе, отмечены, а именно: основные гласные переходных глаголов в перфекте, повелительном наклонении (отсюда и в имперфекте); основная гласная этой породы для глаголов с гортанными; особенности глаголов, которые в имперфекте и повелительном наклонении в качестве основной гласной имеют а или е во множественном числе мужского рода повелительного наклонения; произношение глаголов, имеющих в качестве второй коренной одну из букв ܐܘܢܝܢ (в 1-м л. ед. ч. имперфекта), а также определены субъектные показатели 3-го л. ж. р. мн. ч. перфекта и 1-го л. ед. ч. имперфекта в этой породе.

б) Ethreel. Для этой породы Илья Тирханский отмечает известную<sup>17</sup> перестановку в повелительном наклонении гласной со второй коренной на первую и изменение ее с е на а. Он пишет: „Да будет тебе известно, что каждый глагол, который произносится с ܐܘܢܝܢ внизу в изъявительном наклонении, в форме повелительного наклонения изменяет [гласную] на ܐܘܢܝܢ, например: ܐܘܢܝܢ — «Он отдыхает», ܐܘܢܝܢ — «отдыхай», ܐܘܢܝܢ — «Он согнулся», ܐܘܢܝܢ — «сгибайся», ܐܘܢܝܢ — «Он был посажен», ܐܘܢܝܢ — «садись», ܐܘܢܝܢ — «Он наклонился», ܐܘܢܝܢ — «наклонись», ܐܘܢܝܢ — «он доверился», ܐܘܢܝܢ — «доверься», и остальные, подобные этим“ (гл. 24).

<sup>16</sup> Там же, § 161, стр. 103.

<sup>17</sup> Там же, § 162, стр. 103.

Это правило Илья Тирханский подтверждает примерами из библии, чтение которых закреплено традицией. Примеры следующие:  $\text{קָרַע מִן הַבַּיִת}$  — „Отряси с себя прах“ (Исайя 52, 2),  $\text{אֶפְרָיִם}$  — „опояшься“ (Деяния апостолов 12, 8), и др.

в) Pael. Илья Тирханский излагает особенности породы Pael в сопоставлении с Real, он отмечает, что в породе Pael нет различия форм изъявительного и повелительного наклонений по гласной над второй коренной, как в Real. Отмечая гласную а над второй коренной для перфекта Real и гласную е над второй коренной для повелительного наклонения Pael, Илья Тирханский приводит примеры глаголов в породе Pael (в 3-м л. м. р. ед. ч.) и указывает, что формы этих глаголов в перфекте и повелительном наклонении одинаковы. Для изъявительного наклонения примеры следующие:  $\text{כִּי יִשְׁבַּח אֱלֹהֵינוּ}$  — „тот, который освятил бога“,  $\text{כִּי יִשְׁבַּח אֱלֹהֵינוּ}$  — „Прославил Самуил господа“. Для того чтобы в предложении с глаголом породы Pael в повелительном наклонении было бы ясно его значение, Илья Тирханский предлагает построить предложения со звательной частицей  $\text{אֵל:$   $\text{אֵל}$   $\text{כִּי יִשְׁבַּח אֱלֹהֵינוּ}$  ...  $\text{כִּי יִשְׁבַּח אֱלֹהֵינוּ}$  — „О, человек, прославь Христа, благослови господа“. Понятно, что в конструкцию звательного предложения не могут войти все глаголы повелительного наклонения в породе Pael, для оформления и определения глагола в повелительном наклонении конструкция звательного предложения является частным случаем, одинаково присущим глаголам во всех породах. Интересные суждения Илья Тирханский высказывает о субъектных показателях 3-го л. ж. р. мн. ч. на примерах глаголов в породе Pael. Здесь нам приходится говорить о субъектных показателях в различных временах и наклонениях. Дело в том, что грамматические явления, которые Илья Тирханский считает общими для системы сирийского глагола, — например явление усечения, сходство и различие форм изъявительного и повелительного наклонений, — он разбирает на примерах глаголов во всех породах. Поскольку каждая глагольная порода имеет особенности спряжения, хотя субъектные показатели во всех породах одинаковы, Илья Тирханский, подробно разбирая названные выше проблемы, стремится, по-видимому, внушить своему читателю, что эти грамматические явления общи для всех глаголов в любой породе. Особенности спряжения глагола в породе Pael, указываемые Ильей Тирханским, переплетаются с трактовкой общих грамматических явлений.

В гл. 23 для 3-го л. ж. р. мн. ч. перфекта Pael Илья Тирханский отмечает как основную форму  $\text{כִּי יִשְׁבַּח}$ ,  $\text{כִּי יִשְׁבַּח}$ ,  $\text{כִּי יִשְׁבַּח}$  с объектным суффиксом 1-го л.  $\text{כִּי יִשְׁבַּח}$ ,  $\text{כִּי יִשְׁבַּח}$ , а для того же лица и числа повелительного наклонения —  $\text{כִּי יִשְׁבַּח}$ ,  $\text{כִּי יִשְׁבַּח}$ . Он утверждает, что: „В изъявительном наклонении [имеются] две формы, а в повелительном наклонении одна

форма, и достаточно". Следовательно, из последовательности его рассуждений можно заключить, что две формы изъявительного наклонения — это **لَا تَأْكُلُوا** и **لَا تَأْكُلْنَ**, одна форма повелительного наклонения —

**تَأْكُلُوا**. Но следует заметить, что субъектный показатель **أَنْتُمْ** относится также к формам перфекта в этом лице и числе, а объектные суффиксы могут присоединяться также к глаголам в повелительном наклонении, и Илья Тирханский сам, главным образом в гл. 15, на примере различных типов глаголов и различных пород стремится показать, что к форме множественного числа мужского рода собственно повелительного наклонения с удлинненным окончанием **ūp** присоединяется объектный суффикс. Илья Тирханский пишет о так называемой 5-й форме произношения глаголов в повелительном наклонении, которая включает глаголы в породе **Pael**, что множественному числу в мужском роде соответствуют формы **تَأْكُلُوا**, **تَأْكُلِينَ**, **تَأْكُلُوا**, а не **أَكْلُوا**, **أَكْلِينَ** или же **تَأْكُلُوا**, **تَأْكُلِينَ**. Он указывает, что то же характерно для женского рода множественного числа повелительного наклонения. Правда, примеров глаголов в 3-м л. ж. р. мн. ч. повел. накл. с объектными суффиксами Илья Тирханский не дает. Повидимому, для женского рода множественного числа повелительного наклонения более обычной формой Илья Тирханский считает все же форму **تَأْكُلُوا**, т. е. без объектных суффиксов. Может быть, при объяснении такого противоречия нашего автора следует исходить не из его грамматических суждений, а из мировоззрения эпохи, в которой он жил.

Глагол в форме повелительного наклонения с объектным суффиксом действительно выступает в более акцентированной форме, с большим активным значением. Понятия женского и мужского рода являлись, повидимому, менее отвлеченными, чем в наше время, и женский род ассоциировался у Ильи Тирханского с женщинами, которые не играли в то время активной роли в жизни общества. Одинаковость глагольных форм 3-го л. ж. р. мн. ч. в перфекте (**أَكَلْنَ**) с 3-м л. м. р. ед. ч. Илья Тирханский объясняет именно ничтожностью женского рода (женщин) по сравнению с мужским родом (мужчинами). Он пишет: „Глагол в единственном числе мужского рода может обозначать множественное число женского рода, например: **سَمِعْنَا نِسَاءً** — «Услышали женщины», **سَمِعْنَا**

**نِسَاءً** — «Говорили женщины», **سَمِعْنَا** — «И почтили (женщины)». Нам не требуется [буква] **نَا** [в конце глаголов во множественном числе 3-го л. ж. р.], как пишут другие, [мы пишем] **نَا** [без ,] из-за ничтожного значения женского рода“ (гл. 25).

В то же время наш автор отмечает, что собственно форма 3-го л. ж. р. мн. ч. перфекта с субъектным показателем **أَنْتُمْ**, а глагол в этом лице и числе без субъектного показателя, как вышеприведенное **تَأْكُلُوا**, является его краткой формой. Он пишет: „у [сирийцев] есть специальная форма [для 3-го л. ж. р. мн. ч.]: **فَعَلْنَا** — «Они сделали», **فَعَلْنَا** —

«Они слушали». Кратко мы говорим **ܘܚܝܒܘܢ**, **ܘܚܝܒܘܢ** (гл. 25). Форму 3-го л. ж. р. мн. ч.: **ܘܚܝܒܘܢ** Илья Тирханский считает полученной в результате усечения удлиненной. Он пишет: „[Усечение] происходит еще у глаголов в прошедшем времени... во всех глаголах множественного числа женского рода изъявительного наклонения: ... **ܘܚܝܒܘܢ** и **ܘܚܝܒܘܢ**“ (гл. 5). Следует заметить, что явление усечения автор грамматики указывает также для глаголов в 3-м л. м. р. мн. ч. изъяв. и повел. накл., например форму **ܘܚܝܒܘܢ** он считает полученной в результате усечения формы **ܘܚܝܒܘܢ**. Для 3-го л. ж. р. мн. ч. форму **ܘܚܝܒܘܢ** в породе Pael Илья Тирханский считает краткой, форму **ܘܚܝܒܘܢ** — появившейся в результате усечения удлиненной формы **ܘܚܝܒܘܢ**.

Таким образом, мы видим, что Илья Тирханский отчетливо представляет себе соотношение параллельных форм глагола 3-го л. ж. р. мн. ч., и его рассуждения о ничтожности женского рода по сравнению с мужским не вытекают, разумеется, из грамматических явлений.

Выше мы излагали положение автора грамматики, высказанное им в гл. 23, о том, что для 3-го л. ж. р. мн. ч. перфекта существуют две формы — **ܘܚܝܒܘܢ** и **ܘܚܝܒܘܢ**, а в повелительном наклонении этого же лица и числа одна форма — **ܘܚܝܒܘܢ**. В гл. 25, как уже было сказано, Илья Тирханский „специальной“ формой глагола в 3-м л. ж. р. мн. ч. считает глагол с окончанием **ܘܚܝܒܘܢ** in (**ܘܚܝܒܘܢ**).

В своей попытке разграничить сходные формы изъявительного и повелительного наклонений при помощи выражения глаголов в повелительном наклонении с объектными суффиксами Илья Тирханский не смог указать на это отличие и для глаголов женского рода в силу „ничтожности“ женского рода по сравнению с мужским и потому пытался „закрепить“ за глаголом в форме повелительного наклонения в женском роде одну из форм — с окончанием **ܘܚܝܒܘܢ**. Но фактическое наличие в сирийском языке этой формы и в перфекте, и в повелительном наклонении не могло быть обойдено молчанием, в результате чего в гл. 25 Илья Тирханский все же пишет, что окончание **ܘܚܝܒܘܢ** — „специальная“ форма 3-го л. ж. р. мн. ч. перфекта. Так грамматическая система языка, соприкасаясь с мировоззрением эпохи, не укладывается в рамки теорий, полученных в результате логических размышлений, а не наблюдений действительного состояния языка.

г) Ethpaal. Как известно, в породе Ethpaal гласные в изъявительном и повелительном наклонениях одинаковы. Илья Тирханский отмечает это, сопоставляя глаголы в Ethpaal с формами глаголов в Ethpeel. Он пишет: „Те глаголы, которые произносятся не с **ܘܚܝܒܘܢ**, в изъявительном и повелительном наклонениях читаются одинаково, например: **ܘܚܝܒܘܢ** — «Он изменился», **ܘܚܝܒܘܢ** — «Он был несчастным», **ܘܚܝܒܘܢ** — «Он наслаждался», **ܘܚܝܒܘܢ** — «Он томился», **ܘܚܝܒܘܢ** — «Он намазал ровно», **ܘܚܝܒܘܢ** — «Он жадно захватил» (гл. 24).

д) Aphel. В пятой, последней породе сирийского глагола, о которой имеются сведения у Илья Тирханского, отмечается ее характерная особенность: префикс א — и излагается образование 3-го л. м. р. ед. ч. буд. вр., т. е. имперфекта, и форм глагола в настоящем времени, т. е. причастий действительного залога мужского рода. Продолжая мысль (в гл. 5), что в будущем времени глаголы, которые имеют в начале א, א, א, подвергаются усечению, Илья Тирханский перечисляет, когда именно эти буквы претерпевают усечение. Одновременно с неправильными глаголами он называет правильные в породе Aphel, указывая, например, что в форме אִיר (3-го л. м. р. ед. ч. перфекта) в будущем времени выпадает א (= а) (при образовании 3-го л. м. р. ед. ч. буд. вр., т. е. имперфекта) или, как он пишет, א подвергается усечению и получается אִי (присоединяется префикс א). В этой же главе Илья Тирханский пишет про образование причастий в породе Aphel, называя их глаголами настоящего времени, именно: „Знай, что усечение является обычным для гласных букв и больше относится к глаголам в настоящем времени (אִיר אִיר). Например [в глаголах] אִיר — «он бросил», אִיר — «он сделал» и אִיר — «он велел освободить» [усекается א при образовании причастий действительного залога] — אִיר — «бросающий», אִיר — «делающий» и אִיר — «освобождающий». Это первый вид усечения — уничтожение буквы“.

Выпадение придыхательного звука א при присоединении префикса א Илья Тирханский называет „уничтожением буквы“. Его термин очень ясно показывает, что буква א выпадает, т. е. уничтожается. Замечание об усечении א в формах настоящего времени фактически дает представление об образовании причастия в породе Aphel.

Формы глаголов единственного и множественного числа повелительного наклонения Илья Тирханский разбирает и в породе Aphel. Он указывает совпадение глаголов в 3-м л. ед. ч. м. р. изъяв. и повел. накл. по форме, но отмечает, что в повелительном наклонении глаголы породы Aphel имеют над א ударение אִיר, которое никогда не ставится в изъявительном наклонении (гл. 25). Графически это ударение в приведенных примерах никак не обозначено. Глаголы множественного числа повелительного наклонения породы Aphel Илья Тирханский дает с объектными местоимениями 3-го л. м. и ж. р., так же как в других породах. Например: אִיר אִיר и אִיר אִיר (гл. 15).

### Глаголы с гортанными א и א

В гл. 24 Илья Тирханский выделяет группу глаголов с третьей гортанной א и א. Известно,<sup>18</sup> что гортанные (א, א, א) и א в качестве третьей коренной, замыкая слог, изменяют гласную е в а. Таким обра-

<sup>18</sup> Там же, § 170; Brockelmann. Syrische Grammatik, § 186.

зом, в глаголах с третьей гортанной или **ġ** в Ethpeel и Ethpaal гласная над второй коренной будет а, то же и в повелительном наклонении Ethpeel. Автор исследуемой грамматики, рассматривая и сопоставляя глаголы в породах Ethpeel и Ethpaal, предостерегает от применения правил, относящихся к этим породам, к глаголам, имеющим в качестве третьей коренной гортанную или **ġ**. Он пишет: „эти буквы [سحی — по приведенным примерам глаголов] не примыкают к остальным, потому что, когда они стоят в конце глаголов, согласная, которая предшествует им, не может произноситься с كحی. Поэтому мы не говорим سحیك, سحیكك, سحیكك и изменяем [гласную] в повелительном наклонении: سحیكك — «будь выслушанным», كحیكك — «будь дрожащим», سحیكك — «будь радостным»“ (гл. 24). В последующей, 26-й главе Илья Тирханский уточняет группу букв, которые он называет гортанными, и перечисляет их, именно: سحی;<sup>19</sup> шире разъясняет вопрос о глаголах, имеющих в качестве третьей гортанной одну из этих букв. Группу этих глаголов, по сообщению Ильи Тирханского, выделял еще Хонейн [ибн Исхак], отмечая их особенности главным образом в формах, выражающих настоящее время. Формой глагола в настоящем времени наш автор, как об этом писалось выше, считает причастие; следовательно, Хонейн ибн Исхак отмечал особенности чтения этих глаголов в причастиях. Иаков Эдесский, как сообщает Илья Тирханский, рассматривал особенности этих глаголов не только в причастиях, но и в других формах, но только активного залога. Илья Тирханский считает, что в любой форме глагол с таким составом корня перед سحی обязательно будет иметь гласную а. Он пишет: „Я добавляю, что это правило относится к каждому глаголу, обозначающему действие, как бы он ни произносился, например: كحیك — «Он удивился», كحیكك — «удивляющий», سحیك — «Он открыл», سحیكك — «открывающий», كحیك — «Он слышал», كحیكك — «слышащий», كحیك — «Он сделал», كحیكك — «делающий»,<sup>20</sup> и ко всем словам, которые обозначают пассивность (كحی), какие бы формы они ни имели, например: كحیكك — «удивленный», سحیكك — «раскрытый», سحیكك — «выслушанный», سحیكك — «обрадованный», كحیكк — «названный»“ (гл. 26). Как можно судить по примерам, он берет глаголы в породе Pael (в перфекте) и причастия Pael и Ethpaal. В гл. 24 Илья Тирханский выяснил гласные в глаголах с третьей гортанной или **ġ** в породе Ethpeel (в перфекте). Он распространяет правило относительно чтения слов с буквами سحی также и на имена, но примеров на это нет. Илья Тирханский рассматривает группу глаголов с гортанными и **ġ**

<sup>19</sup> Буква **ġ** не является гортанной. См. об этом выше, стр. 22.

<sup>20</sup> Два последних примера сюда не относятся.

в связи с решением вопроса о совпадении и различии форм изъявительного и повелительного наклонений. Главу 26 он начинает так: „Почему, когда в конце глаголов [стоят] четыре согласные, именно  $\text{ܘܢܝܢܐ}$ , над предшествующими согласными, связанными с ними, нет  $\text{ܟܘܢܝܢܐ}$  или  $\text{ܟܘܢܝܢܐ}$ , например: [в глаголах]  $\text{ܚܒܝܢܐ}$  — «Он прошел»,  $\text{ܘܟܘܢܝܢܐ}$  — «Он сказал»,  $\text{ܘܟܘܢܝܢܐ}$  — «Он обрадовался»,  $\text{ܘܟܘܢܝܢܐ}$  — «Он услышал»,  $\text{ܘܟܘܢܝܢܐ}$  — «Он оцепенел», из-за чего во многих случаях необходимость вынудила сирийцев читать иногда одинаково глаголы в прошедшем времени и в повелительном наклонении“.

Действительно, как отмечал Илья Тирханский в гл. 23, в тех породах, например в Ethreel, в которых изъявительное и повелительное наклонения различаются по гласной над второй коренной, в глаголах с третьей гортанной или  $\text{ܝ}$  различия уже не будет. Разрешению вопроса сходства и различия форм изъявительного и повелительного наклонений мы обязаны выделением группы глаголов с третьей коренной гортанной или  $\text{ܝ}$ .

### Неправильные глаголы

#### Глаголы с третьим $\text{ܟ}$

Илья Тирханский выделяет очень немногочисленную группу глаголов с третьим  $\text{ܟ}$ , который в Pael и Ethraal функционирует еще как гортанный. Это единичные глаголы, такие, как  $\text{ܟܘܢܝܢܐ}$ ,  $\text{ܟܘܢܝܢܐ}$ . Он приводит их в форме повелительного наклонения как примеры восьмой формы произношения повелительного наклонения: „Восьмая [форма]:  $\text{ܟܘܢܝܢܐ}$  — «пачкай»,  $\text{ܟܘܢܝܢܐ}$  — «утешь»,  $\text{ܟܘܢܝܢܐ}$ ,  $\text{ܟܘܢܝܢܐ}$ ,  $\text{ܟܘܢܝܢܐ}$ ,  $\text{ܟܘܢܝܢܐ}$ , и нужно еще читать  $\text{ܟܘܢܝܢܐ}$  и  $\text{ܟܘܢܝܢܐ}$ , потому что первые [формы] одинаковы и в изъявительном ( $\text{ܟܘܢܝܢܐ}$ ) и в повелительном ( $\text{ܟܘܢܝܢܐ}$ ) наклонениях“ (гл. 15).

Илья Тирханский предлагает читать эти глаголы в изъявительном и повелительном наклонениях одинаково с гласной а — петаха над первой и второй коренной и возражает против некоего учителя чтения, который читал глагол в повелительном наклонении  $\text{ܟܘܢܝܢܐ}$  — с  $\text{ܐ}$  над  $\text{ܝ}$ , чтобы отличить эту форму от изъявительного наклонения. Опираясь на Библию (книгу пророка Исайи), в которой есть форма повелительного наклонения  $\text{ܟܘܢܝܢܐ}$ , Илья Тирханский по аналогии и форму повелительного наклонения от глагола  $\text{ܟܘܢܝܢܐ}$  предлагает читать  $\text{ܟܘܢܝܢܐ}$ . Сам же он считает нужным для отличия изъявительного наклонения от повелительного читать эти глаголы в повелительном наклонении  $\text{ܟܘܢܝܢܐ}$  и  $\text{ܟܘܢܝܢܐ}$ . Возражения Ильи Тирханского некоему учи-

телю чтения закономерны. Для этих глаголов не характерны этимологические написания отдельных форм, кроме того, почти все глаголы с третьим  $\aleph$ , первоначально спрягавшиеся по типу глаголов с третьим гортанным  $\aleph$ , сливаются по своему спряжению с глаголами с третьим  $\aleph$ ; поэтому встречаются некоторые формы глаголов с третьим  $\aleph$  в качестве гортанного звука, образованные по аналогии с формами глаголов с третьим  $\aleph$ .

На фоне картины слияния спряжения глаголов с третьим  $\aleph$  и с третьим  $\aleph$ , выделение Ильей Тирханским небольшой группы глаголов, сохранивших спряжение с третьим  $\aleph$  в качестве гортанной, имеет большое значение для характеристики грамматики, показывает глубину знаний и скрупулезность ученого.

### Глаголы с первыми $\aleph$ , $\aleph$ , $\aleph$

Илья Тирханский объединяет в гл. 5 глаголы с первыми  $\aleph$ ,  $\aleph$ ,  $\aleph$  по общему признаку усечения этих букв в известных формах.

#### Глаголы с первым $\aleph$

Основное отличие глаголов с первым  $\aleph$  от правильных глаголов состоит в том, что  $\aleph$  ассимилируется со второй коренной в несовершенном времени *Peal*, а также и *Ettaphal*. Илья Тирханский в качестве примера усечения  $\aleph$  в этих глаголах дает глаголы в 3-м л. м. р. ед. ч. несов. вр. *Peal*. Он пишет, что вследствие усечения  $\aleph$  в глаголах  $\aleph$ ,  $\aleph$ ,  $\aleph$  получаются формы  $\aleph$ ,  $\aleph$ ,  $\aleph$ , т. е. он имеет в виду, что если бы  $\aleph$  не ассимилировался, то в несовершенном времени эти глаголы должны были бы звучать:  $\aleph$ ,  $\aleph$ ,  $\aleph$ , поэтому формы  $\aleph$ ,  $\aleph$ ,  $\aleph$  он считает усеченными. В данном случае он называет усечением процесс ассимиляции. Интересен подбор глаголов для примеров.  $\aleph$  относится к небольшому числу глаголов, которые и в перфекте и имперфекте (так же и в повелительном наклонении) в качестве основной гласной имеют а.  $\aleph$  также относится к тем немногочисленным глаголам, которые в перфекте произносятся с е над второй коренной.

$\aleph$  имеет в имперфекте (и повелительном наклонении) е над второй коренной:  $\aleph$ .<sup>21</sup>

Таким образом, за исключением глаголов, в которых в имперфекте после второй коренной идет гласная а ( $\aleph$ ), Илья Тирханский дал в примерах основные типы этих глаголов, характеризующиеся средней гласной. Он указывает, что в повелительном наклонении в этих глаголах  $\aleph$

<sup>21</sup>  $\aleph$  упоминается Нёльдеке в числе 4 глаголов, имеющих эту особенность. См.: Nöld e k e. Kurzgefasste Syrische Grammatik, § 173, „B“.

также сокращается и глагол имеет следующие формы:  $\text{māq}$ ,  $\text{ā}$ ,  $\text{w}$ . В форме повелительного наклонения автор грамматики дал глагол со средней гласной  $\text{ā}$  ( $\hat{\text{a}}$ ) —  $\text{māq}$ , соответственно и в имперфекте  $\text{māq}$ .<sup>ε</sup> Таким образом, для представления о глаголах с первым  $\text{m}$  мы имеем в грамматике Ильи Тирханского формы в несовершенном времени  $\text{Peal}$  для всех типов по основной гласной и формы повелительного наклонения.

#### Глаголы с первым $\text{m}$

Следуя основному признаку сходства трех групп глаголов: с первыми  $\text{m}$ ,  $\text{r}$ ,  $\text{s}$ , заключающемуся в усечении этих начальных букв глаголов в определенных формах, Илья Тирханский дает формы глаголов с первым  $\text{m}$ , в которых  $\text{m}$ , по его мнению, усекается. Во-первых, в форме глагола в 1-м л. ед. ч. имперфекта  $\text{Peal}$ , именно  $\text{māq}$ ,  $\text{ā}$ ,  $\text{w}$ . Действительно, субъектный показатель 1-го л. ед. ч. имперфекта — префикс  $\text{m}$ . По мысли автора грамматики, 1-е л. глагола с первым  $\text{m}$ , например  $\text{māq}$ , должно бы быть с двумя  $\text{m}$  —  $\text{māq}$ , в форме же 1-го л. имперфекта остается один  $\text{m}$ ; Илья Тирханский утверждает, что один  $\text{m}$  в 1-м л. имперфекта этих глаголов усекается. Интересны сами примеры, приведенные здесь Ильей Тирханским. Глаголы  $\text{ā}$  и  $\text{w}$  со средней гласной  $\text{ā}$ . Число этих глаголов очень немногочисленно. Для них характерно то, что в несовершенном времени  $\text{Peal}$  гласная  $\text{ē}$  префикса с коренным  $\text{m}$  дает  $\text{i}$ , чтение этих примеров будет следующим:

$\text{māq}$ ,  $\text{ā}$ ,  $\text{w}$ .

Из этих глаголов  $\text{māq}$  и  $\text{ā}$  — неправильные глаголы, неправильные в том смысле, что их спряжение не входит в рамки спряжения определенных типов глаголов. Во-вторых, Илья Тирханский отмечает усечение первого коренного  $\text{m}$  в форме 3-го л. ед. ч. м. р. повел. накл.:  $\text{mā}$  и  $\text{ā}$ . Эти два глагола имеют краткие формы повелительного наклонения с выпадением первого коренного  $\text{m}$ . Подобные краткие формы повелительного наклонения не являются характерными для группы глаголов с первым  $\text{m}$ . Следует заметить, что в гл. 15, в которой автор грамматики выделяет основные типы глаголов по форме их произношения в повелительном наклонении, нет группы глаголов, в которую входили бы только глаголы с первым  $\text{m}$ . Глагол  $\text{māq}$  объединен с группой сильных глаголов (седьмая форма произношения), а глагол  $\text{māq}$  — с глаголом  $\text{māq}$ , оба в породе  $\text{Aphel}$  (третья форма произношения). В гл. 26 глагол  $\text{māq}$  благодаря конечному  $\text{i}$  и гласной  $\text{ā}$  над средней коренной входит в группу глаголов с третьим гортанным и  $\text{i}$ . В целом ряде глав (15, 25, 26) глагол  $\text{māq}$  ставится в один ряд с сильными глаголами в формах, совпадающих с формами правильного глагола. Можно думать, что Илья Тирханский не задавался широкой целью ха-

характеристики группы глаголов с первым  $\aleph$ . Как мы видели, он отмечал в основном только особенности некоторых глаголов с первым  $\aleph$ , имеющих практически индивидуальное спряжение.

#### Глаголы с первым ,

Илья Тирханский указывает, что эти глаголы, во-первых, теряют первый коренной , в будущем времени (т. е. в имперфекте), в 3-м л. ед. ч. (м. р.) и в 1-м л. мн. ч.; например:  $\text{ܘܢܝܢ} \rightarrow \text{ܘܢܝܢ}$ ,  $\text{ܘܢܝܢ} \rightarrow \text{ܘܢܝܢ}$ ,  $\text{ܘܢܝܢ} \rightarrow \text{ܘܢܝܢ}$ ,  $\text{ܘܢܝܢ} \rightarrow \text{ܘܢܝܢ}$ ; во-вторых — в форме повелительного наклонения (мужского рода единственного числа); например:  $\text{ܘܢܝܢ} \rightarrow \text{ܘܢܝܢ}$ ,  $\text{ܘܢܝܢ} \rightarrow \text{ܘܢܝܢ}$ .

Примеры глаголов, приведенные нашим автором, наиболее часты для этой группы. Других особенностей спряжения этой группы глаголов он не отмечает.

Рассмотрев сведения, имеющиеся в исследуемой грамматике о глаголах с первыми  $\aleph$ ,  $\aleph$ ,  $\aleph$ , можно сделать вывод, что Илья Тирханский не ставил себе задачи характеризовать каждую группу этих глаголов в отдельности. Он объединяет их в одну группу по сходству образования форм в имперфекте и повелительном наклонении, которые отмечает, правда не детально, но, по его мнению, вполне достаточно для ознакомления с этой группой глаголов.

Действительно, многие формы<sup>22</sup> этих глаголов образуются по типу образования соответствующих форм сильного глагола. В самой группе этих глаголов есть другие сходные по образованию формы, не упомянутые Ильей Тирханским. Все это, по мнению нашего автора, объединяет глаголы с первыми  $\aleph$ ,  $\aleph$ ,  $\aleph$  в одну группу.

#### Глаголы с третьим ,

Эту группу глаголов Илья Тирханский также особо выделяет в гл. 15 как девятую форму произношения повелительного наклонения. Это „выделение“ заключается в том, что перечисляются примеры глаголов с третьим , в форме повелительного наклонения множественного числа. В грамматике имеются отдельные указания об особенностях спряжения группы глаголов с третьим ,. Эти указания представляются очень интересными, так как особенности спряжения глаголов с третьим , наиболее сильно по сравнению с остальными неправильными глаголами отличаются их от правильных.

Илья Тирханский отмечает различие субъектных показателей 1-го л. ед. ч. перфекта и для глаголов этой группы в зависимости от породы, именно *Peal* и *Aphel*. Он пишет: „Почему мы снимаем , в глаголах 1-го л., если в конце глаголов стоит  $\aleph$ , например:  $\text{ܘܢܝܢ}$  — «Он считал»,

<sup>22</sup> Nöld e k e. Kurzgefasste syrische Grammatik, §§ 173—175.

ⲛⲉⲗⲉ — «Он тянул» или ⲛⲉⲱ — «Он видел»? — Для того, чтобы было отличие от глаголов, которые имеют на конце , , например: ⲃⲉⲗⲉⲛ — «Я освободил», ⲃⲉⲱⲓⲛ — «Я бросил», ⲃⲉⲃⲉⲛ — «Я принес». В глаголах ⲃⲉⲗⲉ, ⲃⲉⲱⲱ мы присоединяем , взамен гласной ⲛ, [так как] ⲛⲉⲗⲉⲗⲉ или ⲛⲉⲗⲉⲓ есть полугласная“ (гл. 25).

По написанию или составу букв личное окончание 1-го л. и в Peal (ⲃⲉⲱⲱ, ⲃⲉⲗⲉ), и в Aphel (ⲃⲉⲱⲓⲛ, ⲃⲉⲃⲉⲛ, ⲃⲉⲗⲉⲛ) одно и то же: ⲃⲉ — чтение же различно: ⲃⲉⲗⲉ, ⲃⲉⲱⲱ (Peal) и ⲃⲉⲗⲉⲛ, ⲃⲉⲃⲉⲛ, ⲃⲉⲱⲓⲛ (Aphel).

В 1-м л. Peal , с гласной е образует дифтонг еі, поэтому Илья Тирханский называет его ослабленным, а сам процесс образования 1-го л. в глаголах с третьим , (в породе Peal) — ослаблением конечного , . В породе Aphel конечный , подавляет гласную е, и в 1-м л. ед. ч. образуется долгая гласная і (ⲃⲉ). Когда автор грамматики пишет, что , ослабляется в глаголах ⲛⲉⲗⲉ и других (т. е. в Peal) для того, „чтобы было отличие от глаголов, которые имеют на конце ,“, он хочет подчеркнуть именно различие образования 1-го л. ед. ч. перфекта в зависимости от породы. Образование 1-го л. мн. ч. перфекта в глаголах с третьим , происходит иначе, чем в правильных глаголах. Во-первых, глаголы с третьим , принимают только один из двух субъектных показателей 1-го л. мн. ч. — ⲛⲉⲗⲉ, который с коренным , образует долгий слог ip во всех породах, кроме Peal. Илья Тирханский, указывая образование 1-го л. мн. ч. в этих глаголах, отмечает появление , в окончании 1-го л. в отличие от правильного глагола. Он не употребляет названия пород, не называет, в форме какого лица стоит глагол, а дает глагольную форму описательно, следующим образом: „Когда ⲃⲉⲗⲉ в начале слова, а за ним согласная, не имеющая гласной, слово произносится с ⲓⲃⲉ, например: ⲛⲉⲗⲉⲗⲉⲗⲉ — «Мы умножили», ⲛⲉⲗⲉⲗⲉⲗⲉⲗⲉ — «Мы открыли», ⲛⲉⲗⲉⲗⲉⲗⲉⲗⲉⲗⲉ — «Мы выбрали», ⲛⲉⲗⲉⲗⲉⲗⲉⲗⲉⲗⲉⲗⲉ — «Мы отказали», ⲛⲉⲗⲉⲗⲉⲗⲉⲗⲉⲗⲉⲗⲉⲗⲉ — «Мы выпили», ⲛⲉⲗⲉⲗⲉⲗⲉⲗⲉⲗⲉⲗⲉⲗⲉⲗⲉⲗⲉⲗⲉ — «Мы отвернулись», ⲛⲉⲗⲉⲗⲉⲗⲉⲗⲉⲗⲉⲗⲉⲗⲉⲗⲉⲗⲉⲗⲉⲗⲉⲗⲉⲗⲉⲗⲉ — «Мы отстранились» (гл. 30). Приведенные примеры — глаголы с третьим , в 1-м л. мн. ч. в породах Ethpeel, Ethpaal и Aphel. Для глаголов с третьим , Илья Тирханский отмечает в образовании 3-го л. м. р. мн. ч. перфекта дифтонг āu в отличие от правильного глагола, в котором показатель 3-го л. м. р. мн. ч. — ū в открытом слоге. Он пишет: „[В глаголах] ⲛⲉⲗⲉⲗⲉ — «Он считал», ⲛⲉⲗⲉⲗⲉⲗⲉ — «Он развязал», ⲛⲉⲗⲉⲗⲉ — «Он видел», ⲃⲉ — ясный слог, не такой, как в остальных глаголах ... Мы произносим [глаголы] с ⲛⲉⲗⲉⲗⲉⲗⲉ — ⲃⲉⲗⲉ, ⲃⲉⲱⲱ, в единственном числе — ⲛⲉⲗⲉⲗⲉ, ⲛⲉⲗⲉⲗⲉ, чтобы отличить эти глаголы, которые следуют с ⲃⲉⲗⲉ, от других, которые следуют с остальными буквами“ (гл. 25). Ясно произносимыми слогами



Илья Тирханский отмечает это, и задается вопросом, почему так происходит. Отвечая в целом правильно — что эти глаголы в единственном числе имеют  $\aleph$  на конце ( $\aleph^3$ ), — он проводит аналогию с именами с  $\aleph$  на конце, которые во множественном числе якобы тоже имеют окончание  $\dot{\aleph}$ . Его примеры:  $\aleph\dot{\aleph}$  →  $\aleph\dot{\aleph}\dot{\aleph}$ ,  $\aleph\dot{\aleph}$  →  $\aleph\dot{\aleph}\dot{\aleph}$ ,  $\aleph\dot{\aleph}\aleph$  →  $\aleph\dot{\aleph}\dot{\aleph}\aleph$ . Но  $\aleph\dot{\aleph}$ ,  $\aleph\dot{\aleph}\aleph$ ,  $\aleph\dot{\aleph}\aleph$  — сами по себе формы множественного числа, снабженные  $\dot{\aleph}$  — различительными точками множественного числа, а  $\aleph\dot{\aleph}\dot{\aleph}$ ,  $\aleph\dot{\aleph}\dot{\aleph}\aleph$ ,  $\aleph\dot{\aleph}\dot{\aleph}$  — множественные числа этих имен в соединении с притяжательным местоимением  $\dot{\aleph}$  — „их“. Таким образом, Илья Тирханский разрывает притяжательное местоимение  $\dot{\aleph}$  и сопоставляет совершенно не параллельные формы, с одной стороны —  $\aleph\dot{\aleph}$ ,  $\aleph\dot{\aleph}\aleph$ ,  $\aleph\dot{\aleph}\aleph$ , во множественном числе  $\aleph\dot{\aleph}\dot{\aleph}$ ,  $\aleph\dot{\aleph}\dot{\aleph}\aleph$ ,  $\aleph\dot{\aleph}\dot{\aleph}$ , и с другой —  $\aleph\dot{\aleph}\dot{\aleph}$ ,  $\aleph\dot{\aleph}\dot{\aleph}\aleph$ ,  $\aleph\dot{\aleph}\dot{\aleph}$  с притяжательным местоимением множественного числа  $\dot{\aleph}\dot{\aleph}$ ,  $\dot{\aleph}\dot{\aleph}\aleph$ ,  $\dot{\aleph}\dot{\aleph}\aleph$ , хотя указание автора грамматики об образовании 3-го л. м. р. мн. ч. этих глаголов в несовершенном виде абсолютно верно и важно. Илья Тирханский отмечает особенности образования множественного числа активных причастий мужского рода: „И знай, о читатель, что в каждом глаголе, на конце которого , или  $\aleph$  , скрывается, как в  $\aleph\dot{\aleph}$  — «Он выбирает» →  $\aleph\dot{\aleph}$ ,  $\aleph\dot{\aleph}$  — «Он открывает» →  $\aleph\dot{\aleph}$ ,  $\aleph\dot{\aleph}$  — «Он хочет» →  $\aleph\dot{\aleph}$ ,  $\aleph\dot{\aleph}$  — «Он грешит» →  $\aleph\dot{\aleph}$ “ (гл. 30). Представленные примеры — причастия активного залога множественного числа мужского рода:  $\aleph\dot{\aleph}$ ,  $\aleph\dot{\aleph}$ ,  $\aleph\dot{\aleph}$ . Здесь гласная е в соединении с окончанием множественного числа  $i(n)$  дает дифтонг  $ei$ , т. е. , окончания множественного числа с предыдущей гласной е активного причастия дает дифтонг  $ei$ . Так же, как было отмечено в объяснении образования 1-го л. ед. ч. перфекта  $\aleph\dot{\aleph}$ , если графическое , не произносится как  $i$ , а является частью дифтонга, то, по мнению Ильи Тирханского, , — ослабленный; так и во множественном числе активных причастий мужского рода:  $\aleph\dot{\aleph}$ ,  $\aleph\dot{\aleph}$ ,  $\aleph\dot{\aleph}$  — он считает , скрытым или умалчиваемым. Автор грамматики отмечает это, так как в правильном глаголе окончание активного причастия мужского рода во множественном числе читается как  $in$ . Илья Тирханский дает объяснение формы активного причастия с энклитическим местоимением 1-го л. и приводит примеры. Он пишет: „Когда [формы, подобные]  $\aleph\dot{\aleph}$  — «радующий»,  $\aleph\dot{\aleph}$  — «освобождающий»,  $\aleph\dot{\aleph}$  — «добывающий», мы произносим во множественном числе, мы затемняем  $\aleph\dot{\aleph}$  так, что глагол уподобляется глаголу единственного числа, [например]:  $\aleph\dot{\aleph}$  — «мы развязываем»,  $\aleph\dot{\aleph}$  — «мы видим»,  $\aleph\dot{\aleph}$  — «мы клянемся», что то же самое,

когда мы говорим  $\text{سأكون}$ ,  $\text{سأكون}$ , и т. д.“ (гл. 25). Причастие активного залога в соединении с местоимением Илья Тирханский считает формой глагола в настоящем времени. Примеры, приведенные им, являются причастиями мужского рода во множественном числе в соединении с энклитическим местоимением 1-го л. множественного числа  $\text{نا}$  и должны быть огласованы следующим образом:  $\text{سأكوننا}$ ,  $\text{سأكوننا}$ ,  $\text{سأكوننا}$ .

Илья Тирханский приводит еще формы причастий глаголов с третьим, в породе Arhel в качестве примеров образования причастий присоединением префикса  $\text{m}$  и подавлением начального  $\text{r}$ , именно от глаголов  $\text{رأى}$ ,  $\text{رأى}$ ,  $\text{رأى}$ , причастия —  $\text{مأى}$ ,  $\text{مأى}$ ,  $\text{مأى}$  (гл. 5). Вся глава посвящена вопросу усечения гласных букв и  $\text{m}$  в различных формах правильных и неправильных глаголов,  $\text{مأى}$  и  $\text{مأى}$  характеризуются как причастия Arhel и не рассматриваются с точки зрения особенности корня, что ясно видно хотя бы из зрительного сравнения с рядом стоящим причастием  $\text{مأى}$  от правильного глагола  $\text{رأى}$ , т. е. окончание  $\text{ر}^3$  отличает  $\text{مأى}$  и  $\text{مأى}$  от  $\text{مأى}$ , имеющего нулевое окончание.

3-е л. мн. ч. ж. р. повелительного наклонения для этой группы глаголов может иметь две формы: окончание  $\text{مى}$  и  $\text{مى}$ , чтение которых одинаково; неправильный глагол  $\text{رأى}$  в этом лице и числе имеет такие же окончания:  $\text{مى}$  и  $\text{مى}$ . Илья Тирханский считал, что в этих формах, читается как  $\text{ر}$ . Он сделал такой вывод либо потому, что неправильный глагол с конечным  $\text{r}$  ( $\text{رأى}$ ) может иметь в 3-м л. мн. ч. ж. р. повел. накл. окончание  $\text{مى}$  (наряду с  $\text{مى}$ ), либо потому, что вторая коренная читается с гласной  $\bar{a}$  —  $\text{ze}k\bar{a}p\bar{a}$ , несмотря на то, что за ней следует  $\text{r}$ . Он пишет: „В каждом слове, которое в женском роде [имеет формы], подобные  $\text{مأى}$  — «приходите»,  $\text{سأكون}$  — «смотрите»,  $\text{مأى}$  — «зовите», и во всех словах такого вида  $\text{ra}$  читается как  $\text{ra}$ “ (гл. 30). Основной целью его было, конечно, указать на трудно читаемую без знания спряжения этих глаголов форму и как можно доступнее объяснить ее чтение. Нельдеке отмечает для этих глаголов в повелительном наклонении множественного числа окончание женского рода  $\text{مى}$ , например  $\text{مأى}$  вместо  $\text{مى}$ . Илья Тирханский приводит другую, не зафиксированную Нельдеке редкую форму повелительного наклонения мужского рода множественного числа:  $\text{مأى}$  ( $\text{مأى}$ ), в результате усечения которой, он считает, получается форма  $\text{مأى}$  (гл. 5).

Глаголы со средними **а** и **я**, и удвоенные

Эти группы глаголов первоначально были очень близки и имеют много общих форм спряжения,<sup>23</sup> что послужило для Илья Тирханского основанием рассматривать эти группы вместе; поэтому и мы не сочли нужным разделять и рассматривать их порознь в разделе „Неправильные глаголы“. Однако это не значит, что Илья Тирханский смешивал их в одну группу. Совершенно очевидно это из гл. 15, где, приводя различные „формы“ произношения повелительного наклонения, в „первой форме“ он указывает глагол **آَٓٓ**, в 3-м л. ед. ч. м. р. **آَٓٓ** — „суди“, во множественном числе **آَٓٓٓ** с объектным суффиксом **آَٓٓٓٓ** и **آَٓٓٓٓٓ**, который относится к группе глаголов со средним **а** и **я**, а во „второй форме“ — удвоенный глагол **آَٓٓٓ**, в 3-м л. ед. ч. м. р. **آَٓٓٓ**, во множественном числе **آَٓٓٓٓ**, с объектным суффиксом 3-го л. м. р. ед. ч. **آَٓٓٓٓ** и **آَٓٓٓٓٓ**, хотя именно по форме образования повелительного наклонения единственного и множественного числа они совершенно одинаковы. Указывая, что объектный суффикс 3-го л. ед. ч. ж. р. также может присоединяться к глаголу в повелительном наклонении, Илья Тирханский приводит в качестве примеров **آَٓٓٓٓ** и **آَٓٓٓٓٓ**, не разделяя их как разные формы произношения повелительного наклонения. Это вполне оправдано, так как является только дополнением к вышеизложенному правилу о присоединении к любой форме повелительного наклонения объектного суффикса 3-го л. м. р. ед. ч.

Илья Тирханский видит особенности спряжения, роднящие эти группы глаголов, в том, что для этих глаголов характерно появление так называемых „слабых согласных“: **ك**, **ا** и **ي**, и называет этот процесс „разделением“ (**كٓٓٓٓٓ**) этих глаголов, иначе говоря — разделением основных коренных, остающихся постоянно в корне. Формы 3-го л. ед. ч. м. р. повел. накл. этих глаголов одинаковы, и он приводит их как примеры разделения корня, именно: **آَٓٓٓ** — „смотри“, **آَٓٓٓ** — „встань“ (относятся к группе глаголов со средним **а** и **я**), **آَٓٓٓ** — „побрызгай“, **آَٓٓٓ** — „грабь“ (удвоенные глаголы). Более того, он прямо указывает, что появление „слабых“ согласных при спряжении этих глаголов объясняется особенностью состава коренных. В гл. 24, которая в основном посвящена спряжению этих глаголов, он пишет: „[Мы говорим] **آَٓٓٓٓ** — «Он встанет», и **آَٓٓٓٓ** — «Он будет грабить», чтобы показать, что корни (**كٓٓٓٓٓ**) [этих 2 глаголов], так же как сами глаголы, отличаются от остальных [глаголов]“. Объединяя эти глаголы по одинаковой форме образования 3-го л. ед. ч. м. р. имперфекта (**آَٓٓٓ** и **آَٓٓٓ**), Илья Тирханский спешит подчеркнуть, что во множественном числе их спряжение в имперфекте

<sup>23</sup> Там же, § 178.

все же различно: „При спряжении [форма]  $\text{ܘܢܝܢܐ}$  из-за [своей] тяжеловесности подвергается сокращению, [сокращается]  $\text{ܘܢܝܢ}$ , [в форме же]  $\text{ܘܢܝܢܐ}$  в этом  $\text{ܘܢܝܢܐ}$  нет тяжеловесности и [не происходит] затруднения [при произношении]“ (гл. 24). Для объяснения различного спряжения этих глаголов во множественном числе имперфекта, образующегося благодаря выпадению в удвоенном глаголе  $\text{ܘܢܝܢܐ}$  слабой согласной  $\text{ܢ}$ , Илья Тирханский приводит явление усечения, господствующего, по его мнению, в сирийском языке. При рассмотрении глаголов со средним  $\text{ܢ}$  и  $\text{ܢܝܢ}$ , и удвоенных он находит общее — по формальным признакам спряжения, не учитывая основного отличия — по составу корня.  $\text{ܢܝܢ}$ , появляющийся в 3-м л. ед. ч. м. р. имперфекта, во множественном числе в удвоенных глаголах пропадает благодаря особенностям корня. В формах удвоенного глагола, образованных с префиксами, удваивается первая коренная, значит в форме  $\text{ܘܢܝܢܐ}$  (3-е л. ед. ч. м. р. несов. вида) удваивается  $\text{ܢܝܢ}$ . В этом отличие форм  $\text{ܘܢܝܢܐ}$  и  $\text{ܘܢܝܢܐ}$ . Благодаря субъектному показателю 3-го л. мн. ч. эта форма удлиняется, ударение перемещается на последний слог, в результате чего  $\text{ܢ}$  после первой коренной мог легко выпасть, тем более что в языке существовали аналогичные формы несовершенного вида в глаголах с первым  $\text{ܢܝܢ}$ , которые легко были приняты и для удвоенных глаголов. Конкретного объяснения происхождения формы  $\text{ܘܢܝܢܐ}$  вместо  $\text{ܘܢܝܢܐ}$  в грамматиках сирийского языка мы не встретили. Поскольку мы не занимаемся исследованием фонетических законов развития сирийского языка, наше объяснение может быть не совсем точным. Во всяком случае, хотя Илья Тирханский не объяснил конкретного различия глаголов  $\text{ܘܢܝܢܐ}$  и  $\text{ܘܢܝܢܐ}$  по составу корня, все же он уловил неодинаковое фонетическое звучание форм  $\text{ܘܢܝܢܐ}$  и  $\text{ܘܢܝܢܐ}$ , окончательно разделившее эти формы во множественном числе, и его объяснение формы  $\text{ܘܢܝܢܐ}$  как результата стремления языка избегать „тяжести“ и „затруднения“ близко к истине. Илья Тирханский отмечает момент „разделения“ этих глаголов, удвоенных и с средним  $\text{ܢ}$  и  $\text{ܢܝܢ}$ , при образовании причастий, формы которых одинаковы для этих групп глаголов. Он пишет: „Еще о глаголе, который читается с  $\text{ܘܢܝܢܐ}$  в изъявительном наклонении. В том, что он образуется по [примеру глаголов]  $\text{ܘܢܝܢܐ}$  — «он встал»,  $\text{ܘܢܝܢܐ}$  — «он грабил», нет никакого недостатка. Причина та, что  $\text{ܢܝܢܐ}$  более гласная буква чем  $\text{ܢܝܢܐ}$ , поэтому мы говорим не  $\text{ܘܢܝܢܐ}$ , а  $\text{ܘܢܝܢܐ}$ . Всякий раз, как [встречается]  $\text{ܘܢܝܢܐ}$ , мы находим повод разделить [глагол алефом] и разделяем его без всякого труда и усилия. Всякий раз, когда это разделение невозможно, мы не запрещаем [оставлять глагол без изменения], если [в этом] нет ущерба“ (гл. 24).

В глаголах со средним  $\text{ܢ}$  и  $\text{ܢܝܢ}$ , в причастиях может появиться и  $\text{ܢܝܢܐ}$ , в удвоенных же глаголах всюду „разделяющим“ является  $\text{ܢܝܢܐ}$ , по-види-

тому, поэтому Илья Тирханский объясняет появление  $\aleph$  в качестве разделяющего для тех и других глаголов его „большой гласностью“. А по существу он предлагает запомнить формы, имеющие разделяющий  $\aleph$  и не имеющие его. Указывая на одинаковое образование активных причастий этих двух групп глаголов, Илья Тирханский отмечает при этом вторую форму активных причастий, которую могут иметь удвоенные глаголы, называя ее сокращенной формой, именно форму без „разделяющего“  $\aleph$ . Примеры следующие:  $\text{كلم}$ ,  $\text{كلم}$ ,  $\text{كلم}$ . Нельдеке отмечает,<sup>24</sup> что вставной, разделяющий  $\aleph$  для произношения не имеет никакого значения. Илья Тирханский указывает, что древние сирийские грамматики Иаков Эдесский и Хонейн ибн Исхак писали активные причастия удвоенного глагола всегда с  $\aleph$ , приводит конкретные примеры:  $\text{كلم}$ ,  $\text{كلم}$ ,  $\text{كلم}$ ,  $\text{كلم}$ ,  $\text{كلم}$  — и на этом основании считает, что более правильными являются формы с вставным  $\aleph$ . Все приведенные примеры на то или иное написание и чтение — удвоенные глаголы. Совершенно очевидно, что Илья Тирханский хотел отметить эту особенность для удвоенных глаголов, хотя он нигде об этом не говорит и самих терминов „удвоенные глаголы“ или „глаголы со средним  $\aleph$  и“, в его грамматике нет. Эти глаголы — с составом корня ( $\text{كلم}$ ), отличающимся от других, и их особенности, которые он считал наиболее важными, он постарался отметить.



<sup>24</sup> Там же, § 178 „В“.

## ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРАБСКИХ ТЕРМИНОВ В ГРАММАТИКЕ ИЛЬИ ТИРХАНСКОГО

Грамматика Ильи Тирханского стала известна в науке как первая сирийская грамматика, написанная под влиянием арабской грамматической системы. Это мнение напрашивается само собой, без специального исследования, так как автор прямо указывает в своем предисловии, что хотя для написания грамматики он изучил сначала сирийский и арамейские языки, „логику“ Аристотеля, „выяснил [всё] о правилах греческого языка“, „более всего... — пишет он, — согласовывал [свои исследования] с [грамматикой] арабского языка, богатого этим искусством“.

Однако грамматика Ильи Тирханского не была детально изучена вообще, а в частности и с точки зрения зависимости от арабских грамматиков.

Каждое грамматическое понятие имеет свой термин, выраженный или определенным словом, или, реже, описательно, но так же точно, поэтому общее представление о том или ином языке, о разработанности грамматики, о категориях, понятиях языка может дать его грамматическая терминология. Изучение того, как влияние арабской терминологии отразилось в терминологии Ильи Тирханского, может способствовать выяснению результатов влияния всей арабской грамматической системы на систему изучаемой грамматики.

Илья Тирханский, поскольку целью его было написать грамматику сирийского языка, которая бы по точности, разработанности и полноте приблизилась к арабской, в отдельных случаях указывает на категории, идентичные, по его мнению, в сирийской и арабской грамматиках, приводя термины, какими они обозначаются в арабском и в сирийском языках.

Рассмотрим, насколько верны параллели, проведенные Ильей Тирханским.

Большинство глав его грамматики построено в форме вопросов и ответов. В главах со ссылками на арабскую грамматику термин, идентичный, по мнению Ильи Тирханского, сирийскому, дается рядом с сирийским в самом вопросе. Например, глава первая: „Какими признаками (ܟܬܝܘܬܐ) мы обозначаем деятеля, ܟܬܝܘܬܐ или ܟܝܘܬܐ, в сирийском языке, ибо в грамматике арабского языка имеется раздел (ܦܝܘܫ) о признаках деятелей (ܟܝܘܬܐ) и объектов действия (ܟܝܘܬܐܝܘܬܐ), т. е. [по-арабски] ܦܝܘܫ [فَاعِل] и ܟܝܘܬܐ [مَفْعُول]“? Или глава четвертая: „Вопрос: по каким правилам, в сравнении с арабами, сирийцы присоединяют имена

друг к другу?“ Глава пятая: „Вопрос: есть ли в сирийском языке усечение (قصص) глаголов, которое арабы называют الجزم [الجزم], и если есть, к каким глаголам относится и как [происходит]?“ И так далее. В 14 главах из 30 (по изданию Бетгена) есть указания Ильи Тирханского на параллели с арабской грамматикой или краткие упоминания явлений, свойственных и арабскому, и сирийскому языкам.

Илья Тирханский называет следующие термины арабской грамматики: <sup>1</sup>جُمْلَةٌ — „предложение“; فَاعِلٌ — „1) субъект действия, 2) подлежащее глагольного предложения“; مَفْعُولٌ — „1) объект действия, 2) объектное дополнение“, اِضَافَةٌ — „1) присоединение (одного имени к другому, т. е. определение имени при помощи последующего имени в родительном падеже), 2) сопряженное сочетание“; حَالٌ — „обстоятельство образа действия“; مَعْرِفَةٌ — „имя определенное“; نَكْرَةٌ — „имя неопределенное“; نَعْتٌ — „прилагательное“; ظُرُوفُ الزَّمَانِ وَ الْمَكَانِ — „наречия времени и места“; حُرُوفٌ — „частицы“; جَزْمٌ — „1) отсутствие конечного гласного, 2) усеченное наклонение“; تَرْخِيمٌ — „1) облегчение слова путем опускания его гласного окончания и нунации, 2) отсечение конца слова при обращении“; خَبْرٌ — „сказуемое именного предложения“.

Все эти термины относятся в основном к области синтаксиса и морфологии.

Арабскому термину جُمْلَةٌ — „предложение“ Илья Тирханский приравняет сирийские جملتك, جملتك, جملتك (законченная речь). В значении „предложение“ часто в его грамматике употребляются также термины جملتك и جملتك.

Само понятие предложения Ильей Тирханским не определяется, но даются примеры: جملتك معك لالهك — „Сказал Иисус своим ученикам“, جملتك حنك لالهك — „Сказал господь Моисею“.

В арабской грамматике, как в современной, так и в древней, классической, слово جُمْلَةٌ — собирательный термин, некое предложение.

По месту подлежащего, сказуемого и обстоятельственных выражений, по составу, отношению к выражаемому ими суждению предложения делятся средневековыми арабскими грамматиками на именные

<sup>1</sup> Определения терминов даны по словарю арабских грамматических терминов и оборотов, составленному Б. М. Гранде (Курс арабской грамматики), с учетом тех их значений, которые имел в виду Илья Тирханский.

(جُمْلَةٌ ظَرْفِيَّةٌ), глагольные (جُمْلَةٌ فَعْلِيَّةٌ), обстоятельственные (جُمْلَةٌ اِسْمِيَّةٌ),  
 бóльшие (جُمْلَةٌ كُبْرَى) и мéньшие (جُمْلَةٌ صَغْرَى), атрибутивные (جُمْلَةٌ خَبْرِيَّةٌ)  
 и желательные (جُمْلَةٌ اِنْشَائِيَّةٌ), выражающие вопрос, повеление, желание  
 и т. д.<sup>2</sup>

Илья Тирханский не разделяет предложение на вышеназванные виды, все многочисленные термины, обозначающие предложение: **كَلِمَاتٌ**, **جُمْلَةٌ**, **كَلِمَاتٌ**, **جُمْلَةٌ** и **كَلِمَاتٌ** — имеют только значение **جُمْلَةٌ**. Но он дает свое деление предложений на виды и каждый вид называет своим термином. По его мнению, в сирийском языке 5 видов предложений: **كَلِمَاتٌ** — „повествовательное“, **كَلِمَاتٌ** — „звательное“, **كَلِمَاتٌ** — „повелительное“, **كَلِمَاتٌ** — „вопросительное“, **كَلِمَاتٌ** — „желательное“. Меркс считает, что „учение о 5 видах предложения в гл. 7 взято у Аристотеля“.<sup>3</sup> Подобное утверждение нам кажется неверным. Ссылки на Аристотеля, встречающиеся в некоторых местах грамматики сирийского ученого, являются традиционными. Если даже предположить знакомство Ильи Тирханского с произведениями Аристотеля, следует заметить, что у последнего не было четкого учения о 5 видах предложения.<sup>4</sup> Можно предположить, что эти термины не встречаются в других сирийских грамматиках и обозначение и выделение этих типов предложения принадлежит Илье Тирханскому, что подтверждается также и тем, что все вышеупомянутые термины пяти видов сирийского предложения не отмечены в индексе Моберга.<sup>5</sup> По-видимому, это деление сделано под влиянием вида арабского желательного предложения — **جُمْلَةٌ اِنْشَائِيَّةٌ** — и представляет буквальный перевод вопроса — **كَلِمَاتٌ**, желанья — **كَلِمَاتٌ**, повеления — **كَلِمَاتٌ**, призыва — **كَلِمَاتٌ**, повествования — **كَلِمَاتٌ**.

Арабскому термину **فَاعِلٌ** Илья Тирханский приравнивает сирийские термины **كَلِمَاتٌ** и **كَلِمَاتٌ**, обозначающие деятеля, а термину **خَبْرٌ** и **كَلِمَاتٌ**, обозначающие сказуемое. Между тем, в арабском языке подлежащее (**مُسْتَدِرُّ اِلَيْهِ**) и сказуемое (**مُسْتَدِرٌّ**) различаются и имеют определенные термины соответственно типу предложения. Таким образом, **فَاعِلٌ** — не просто подлежащее, а подлежащее глагольного пред-

<sup>2</sup> Гиргас. Очерк, стр. 79—82. Перечисленные виды предложений не исчерпывают сложного учения арабских грамматиков о предложении, они даны в качестве примеров.

<sup>3</sup> Merx. Historia, p. 157.

<sup>4</sup> Античные теории языка и стиля, стр. 60—64.

<sup>5</sup> Moberg. Buch der Strahlen. Zur Terminologie.

ложения, а **خبر** — сказуемое именного предложения. В сирийском языке именное и глагольное предложения не были выделены и определены, и термины, обозначающие подлежащее: **ܘܫܘܬ ܐܦܬ**, **ܕܚܘܒܐ**, **ܕܚܘܒܐ**, так же как и сказуемое: **ܕܚܘܒܐ** и **ܕܚܘܒܐ**, — не различаются по виду предложения.

О сказуемых **ܕܚܘܒܐ** и **ܕܚܘܒܐ**, которые Илья Тирханский считает синонимами арабского **خبر**, он говорит в гл. 13 наряду с именем качества **ܕܚܘܒܐ**, которое приравнивает к арабскому **حال**, и прилагательным **ܕܚܘܒܐ**, которое приравнивает к арабскому **نعته**. В многочисленных примерах — предложениях с вышеупомянутыми понятиями он делает ударение на то, что акцентуация предложения зависит от места вышеупомянутых понятий как членов предложения.

Когда прилагательное (**ܕܚܘܒܐ**), сказуемое (**ܕܚܘܒܐ**), имя качества (**ܕܚܘܒܐ**) стоят в начале предложения, Илья Тирханский предлагает читать предложение с ударением **ܕܚܘܒܐ**, а когда они стоят в конце предложения, а имя в начале, — с ударением **ܕܚܘܒܐ**. Сказуемым Илья Тирханский считает **ܕܚܘܒܐ** в предложении **ܕܚܘܒܐ ܕܚܘܒܐ** — „пророчествующий — Исая“, **ܕܚܘܒܐ** в предложении **ܕܚܘܒܐ ܕܚܘܒܐ** — „поющий псалмы — Давид“. В этих предложениях сказуемое выражено причастием, т. е. является именным сказуемым.

В примерах предложений с ударениями **ܕܚܘܒܐ** и **ܕܚܘܒܐ** Илья Тирханский выделяет прилагательное, имя качества иногда неверно, и обращает внимание на их место в предложении. Мы же можем отметить, что почти во всех приведенных примерах **ܕܚܘܒܐ** и **ܕܚܘܒܐ** являются или частью именного составного сказуемого, или самостоятельно выраженным сказуемым. Предложения с именем в начале предложения, например, таковы: **ܕܚܘܒܐ ܕܚܘܒܐ ܕܚܘܒܐ** — „Моисей — мягко правящий“, **ܕܚܘܒܐ ܕܚܘܒܐ** — именное составное сказуемое; **ܕܚܘܒܐ ܕܚܘܒܐ ܕܚܘܒܐ** — „Иеремия — священник“, **ܕܚܘܒܐ ܕܚܘܒܐ** — именное составное сказуемое, выраженное именем существительным (а не прилагательным) **ܕܚܘܒܐ** и глаголом-связкой. В предложении с именем в конце: **ܕܚܘܒܐ ܕܚܘܒܐ ܕܚܘܒܐ** — „Божество — это дух“; **ܕܚܘܒܐ**, которое Илья Тирханский называет **ܕܚܘܒܐ** — „прилагательным“, самостоятельно является именным сказуемым. В остальных примерах с именем в конце предложения **ܕܚܘܒܐ** и **ܕܚܘܒܐ** являются частями именного составного сказуемого, например **ܕܚܘܒܐ** в предложении **ܕܚܘܒܐ ܕܚܘܒܐ ܕܚܘܒܐ ܕܚܘܒܐ** — „Кротким был Моисей“. Здесь нет необходимости приводить много примеров, они приблизительно все одинаковы. Следует сказать, что из 23 предложений, приведенных в гл. 13, в 14 предложениях (именно в тех, где имя ставится либо в начале, либо в конце) прилагательное, сказуемое и имя качества являются или самостоятельными именными сказуемыми, или частью именного составного сказуемого.

Следует также обратить внимание на то, что Илья Тирханский подчеркивает в вышеупомянутых 14 предложениях не место прилагательного, сказуемого и имени качества, а место имени, в категорию которого он их включает и которое во всех этих предложениях является подлежащим, относит ли его Илья Тирханский в конец или в начало предложения.

Меркс<sup>6</sup> считает, что Илья Тирханский не находит в сирийском языке категорий, соответствующих арабским *حال*, *خبر*, *نعت*, поэтому он будто бы привлекает акценты, показывающие соотношение их как частей предложения. Нам кажется неверным утверждение, что Илья Тирханский не находит этих грамматических категорий в сирийском языке.

Примеры, подобранные Илей Тирханским, в частности примеры именных предложений и предложений с именным сказуемым, разобранные нами, позволяют утверждать, что Илья Тирханский учитывал значение термина *خبر* именно как сказуемого именного предложения, поэтому приводил примеры предложений с именем подлежащим в начале. Кроме того, Меркс считает, что в гл. 19 Илья Тирханский вовсе отрицает именные предложения и этим себе противоречит. С нашей точки зрения, никакого противоречия нет, ибо Илья Тирханский не отрицает именных предложений. Он пишет в гл. 19: „Имеет ли определяющее прилагательное (*ܩܘܠܘܢܐ*) или наречие (*ܩܘܠܘܢܐ*) какой-нибудь вполне законченный смысл (*ܩܘܠܘܢܐ*) без сказуемого или глагола, указывающего на время? Никогда, если действие не раскрывается словом, соответствующим [глаголу] по силе и значению“. Следует заметить, что сказуемое и глагол приравняются здесь друг к другу по значению, а не по употреблению, т. е. отмечается, что сказуемое может быть выражено не только глаголом.

Илья Тирханский считает, что мысль не может быть выражена в предложении без глагола, т. е. без сказуемого, в роли которого может выступать любое слово, „соответствующее [глаголу] по силе и значению“. По своему содержанию гл. 19 является как бы продолжением 13-й. Главу 19 автор грамматики заключает следующими словами: „Так же соединяется мысль, если глагол предшествует имени и определяющему прилагательному, как например: *ܩܘܠܘܢܐ ܩܘܠܘܢܐ ܩܘܠܘܢܐ* — «Свидетельствовали мужи праведные», — далее следуют примеры с глаголом в начале предложения. Илья Тирханский не только не отрицает наличие именного предложения в сирийском языке, но признает также существование глагольного предложения, но ни у него, ни у более поздних грамматиков наличие этих предложений не было узаконено, описано, эти типы предложений не получили определений и не были так четко разработаны, как в арабском языке.

Илья Тирханский пытался также выделить, хотя и без определения, именное сказуемое, простое и составное, и даже дал один тип именного

<sup>6</sup> Merx. Historia, p. 156.

сказуемого, обозначив его определенным термином: *ܟܠܗ ܕܢܝܫܐ* — „общее сказуемое“. Илья Тирханский не определяет этот термин, но поясняет его примерами: *ܕܠܗ ܕܢܝܫܐ ܕܠܗ* — „Всякий человек лжив“ (К римлянам 3, 4), *ܕܠܗ ܕܢܝܫܐ ܕܠܗ ܕܢܝܫܐ* — „Каждый христианин сильный человек“, *ܕܠܗ ܕܢܝܫܐ ܕܠܗ ܕܢܝܫܐ* — „Всякому мужу глава Христос“ (I Коринфянам 11, 3). В этих предложениях *ܕܠܗ*, *ܕܠܗ*, *ܕܠܗ* — общее сказуемое, или, как можно еще сказать, — обобщающее сказуемое.

В современном русском языке отмечается подобная конструкция предложения, когда сказуемое выражено именем существительным в именительном падеже, а именно: „В простом именном сказуемом в предложении со значением настоящего времени имя существительное в именительном падеже обычно обозначает устойчивый признак предмета или постоянно присущую предмету качественную характеристику“, <sup>7</sup> например: „Человек — кузнец своему счастью; Это был закон балтийского отряда: комиссар и политрук — замена командира в бою“. <sup>8</sup>

В примерах Ильи Тирханского „устойчивый признак предмета или постоянно присущая предмету качественная характеристика“ имени существительного усилены в подлежащем местоимением „каждый“. Термин „общее сказуемое“ почему-то отсутствует в комментированном индексе сирийской грамматической терминологии Моберга, <sup>9</sup> хотя при составлении своего индекса Моберг использовал наряду со всеми известными сирийскими грамматиками и труд Ильи Тирханского. Этого термина нет и в словаре П. Смита. <sup>10</sup> По-видимому, термин „общее сказуемое“ редко встречается или имеется только у Ильи Тирханского. Напрашивается вывод, что понятие и термин „общее сказуемое“ впервые в сирийскую грамматику введены Илеей Тирханским. Правда, автор исследуемой грамматики не обосновал детально выделение общего сказуемого, его значение и средства выражения, но сам факт обозначения этого типа сказуемого и определения его специальным термином говорит о тонком понимании Илеей Тирханским явлений языка. А то, что Илья Тирханский использует при выделении сказуемого в именном предложении и именного сказуемого акценты, говорит о том, что эти понятия не были еще выделены в сирийском языке в особые категории и Илья Тирханский не смог найти более четких и определенных средств в сирийском языке для их выделения.

Арабский термин *مفعول* Илья Тирханский считает идентичным по значению сирийским *ܕܠܗ ܕܢܝܫܐ* и *ܕܠܗ ܕܢܝܫܐ*, обозначающим объекты действия. На это он указывает в той же главе, где говорит о деятеле, *ܕܠܗ ܕܢܝܫܐ* или *ܕܠܗ ܕܢܝܫܐ*, и приравнивает его к арабскому подлежащему гла-

<sup>7</sup> Грамматика русского языка, т. II, ч. 1, стр. 415.

<sup>8</sup> Там же, стр. 416.

<sup>9</sup> Moberg. Buch der Strahlen. Zur Terminologie.

<sup>10</sup> Smith. A Syriac dictionary.

гольного предложения — *فاعل*. Деятель и объект действия рассматриваются рядом и противопоставляются так, что на них акцентируется внимание читателя как на главных членах предложения. Таким образом, очевидно, что в грамматике Ильи Тирханского главные члены предложения не отделены четко от второстепенных. Может быть, это объясняется формой терминов, их образованием в языке, как в арабском, так и в сирийском, а именно: *كاتب* и *كاتبو*, *كتاب* и *كتابو*, *فاعل* и *مفعول*.

В значении объекта действия, т. е. объектного дополнения, в грамматике употребляются еще термины *كتاب* и *كاتب*. Меркс<sup>11</sup> замечает в виде упрека автору грамматики, что, приравнивая *فاعل* и *مفعول* к сирийским терминам *كتاب* и *كاتبو*, *كاتب* и *كاتبو*, Илья Тирханский пренебрегает терминами *كاتب* и *كاتب*, которые использует Север Себохт, представитель греческого направления в сирийской грамматической науке. Однако это не может ставиться нашему автору в вину, так как *كاتب* и *كاتب* образованы от одного корня и в общем имеют одно и то же значение. Форма слова *كاتب* обычна для сирийских имен действия и более подходит для обозначения действующего лица. Термин *كاتب* употребляется в грамматике Ильи Тирханского (гл. 24) в значении пассивности, но не идентифицируется со значением *مفعول*. *فاعل* и *مفعول* вообще в арабском языке не являются выражениями актива и пассива. Объектами действия, *كاتبو* или *كتابو*, Илья Тирханский считает слова *خبز* — „хлеб“, *كاس* — „этот хлеб“ и *كاس* — „эта чаша“ в следующих предложениях: *خبز كاس* — „Ябалаха ест хлеб“, *كاس كاس* — „... всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию“ (I Коринфянам 11, 26).

Объект действия или объектное дополнение — *مفعول*, бывает в арабском языке нескольких видов: абсолютный объект — *المفعول المطلق*, прямой объект — *المفعول به*, объект места и времени действия — *المفعول فيه*, а также объект сосуда — *الظرف*, объект причины или повода — *المفعول له* или *لاجله*, объект соучастия в действии — *المفعول معه*.<sup>12</sup> В грамматике Ильи Тирханского не выработаны виды объектного дополнения. Термины, обозначающие этот член предложения — *كتاب*, *كاتبو*, *كاتب* и *كاتب*, значат только объектное дополнение (*مفعول*).

Рассматривая соответствие сирийских терминов *كاتب*, *كتاب* и *كاتبو*, *كتابو* арабским терминам *فاعل* и *مفعول*, являющимся

<sup>11</sup> Merx. Historia, p. 154 sq.

<sup>12</sup> Приведенные виды объектных дополнений не исчерпывают всего материала, имеющегося по этому вопросу в средневековой арабской грамматической литературе, так как это не входило в наши задачи.

по формам своего образования, а не по значению противопоставлением актива и пассива, Илья Тирханский собственно забывает о значении **فاعِل** как подлежащего в глагольном предложении и берет его в значении просто деятеля.

Термином **كشور**, который приравнивается Ильей Тирханским к арабскому термину **إِصَافَةٌ** — „присоединение“, обозначаются буквы **ك**, **ش**, **و**, управляющие именами и глаголами и имеющие большое значение в сирийском языке. При помощи этих букв выражаются падежи, связываются предложения и т. д., поэтому **كشور** обозначает еще падеж, отсюда буквы **ك**, **ش**, **و** обозначаются также терминами **كشور** — „связка“, **كشور** — „падеж“, **كشور** — „падеж“. Буквы **ك**, **ش**, **و** обозначаются еще термином **كشور** **كشور** — „начальные буквы“.

Определяемое с определением в родительном падеже выражается через **ش**, поэтому **كشور** у Ильи Тирханского имеет еще значение родительного падежа. На основании последнего значения он и приравнивает этот термин арабскому **إِصَافَةٌ**, обозначающему присоединение.

Древние арабские грамматики называли присоединением „отношение двух имен, из которых второе в родительном падеже дополняет первое“,<sup>13</sup> и различали два вида присоединения: словесное, или не чистое — **الإضافة اللفظية أو غير المحضة**, и смысловое, или чистое — **الإضافة المعنوية أو المحضة**. Смысловое выражает принадлежность, форму или назначение дополняемого имени, например: **غلام ذير** — „раб Зейда“; словесное присоединение выражает отношение между действующим лицом и объектом: **ضارب ذير** — „бивший Зейда“, между именем лица, подверженного действию, и его объектом, заменяющим действителя, и между прилагательным отглагольным и его действителем как **حسن الوجه** — „прекрасный лицом“.<sup>14</sup>

Илья Тирханский также различает два вида присоединения. Первый вид, например **كشور ك** — „город такого-то“, **كشور ك** — „дом такого-то“, т. е. при помощи частицы **ك**, второй вид: **كشور ك** — „римский город“, **كشور ك** — „такой-то дом“, **كشور ك** — „книга Моисея“, т. е. без частицы **ك**, когда определяемое имя ставится в сопряженном состоянии. Виды **إِصَافَةٌ** у арабов имеют иное значение, чем виды **كشور** у Ильи Тирханского. Арабские грамматики различали несколько видов присоединения по их значениям, а Илья Тирханский различает два вида (способа) присоединения, имея в виду сопряженное состояние. Значение **كشور** как сочетания определяемого с определением в родительном падеже, т. е. как одного способа выражения со-

<sup>13</sup> Гиргас. Очерк, стр. 93.

<sup>14</sup> Там же, стр. 94.

пряженного состояния, отвечает значению إضافة<sup>٤</sup>, но последнее значительно шире.

Арабскому смысловому присоединению, выражающему принадлежность, соответствует в грамматике Илья Тирханского  $\text{בַּיִת} \text{הַבְּנוּי} \text{לְיִשְׂרָאֵל}$  — термин, выражающий притяжательность при помощи  $\text{ל}$ , например:  $\text{בְּנוֹת} \text{הַבַּיִת}$  — „дом бога“,  $\text{מֵלֵךְ} \text{הַבְּנוּי} \text{לְיִשְׂרָאֵל}$  — „учитель ученика“ и т. д., но Илья Тирханский не отмечает это как вид  $\text{בְּנוּי}$ .

Буквы  $\text{ב}$ ,  $\text{ל}$ ,  $\text{ל}$  могут выражать также и другие отношения имен друг к другу, соответствующие остальным значениям смыслового и словесного присоединения (إضافة<sup>٤</sup>), но Илья Тирханский говорит о соответствии  $\text{בְּנוּי}$  и إضافة<sup>٤</sup> только в значении родительного падежа.

$\text{בְּנוּי}$  — „качество“, синоним  $\text{בְּנוּיָא}$ , Илья Тирханский считает соответствующим арабскому термину  $\text{حَال}$ . Оно выражается в его грамматике наречием и именем с предлогом  $\text{ב}$ . Илья Тирханский приводит следующие примеры:  $\text{בְּנוּיָא} \text{בְּנוּיָא}$  — „славно“,  $\text{בְּנוּיָא} \text{בְּנוּיָא}$  — „мягко“,  $\text{בְּנוּיָא} \text{בְּנוּיָא}$  — „правильно“,  $\text{בְּנוּיָא} \text{בְּנוּיָא}$  — „справедливо“,  $\text{בְּנוּיָא} \text{בְּנוּיָא}$  — „верно“,  $\text{בְּנוּיָא} \text{בְּנוּיָא}$  — „праведно“.

Арабские грамматики термином  $\text{حَال}$  обозначали настоящее время, обстоятельство, состояние.

Илья Тирханский, видимо, знал  $\text{حَال}$  в значении обстоятельства, качественного определения того, как совершается действие. Древние арабские грамматики определяли обстоятельство —  $\text{حَال}$  следующим образом: „Обстоятельственное выражение состояния ( $\text{الحال}$ ) есть отглагольное имя, поставленное в винит. падеже для выражения состояния действителя или объекта, прим.:  $\text{جاءَ} \text{ذير} \text{راكبًا}$  — «Зейд приехал верхом»<sup>15</sup>. Очевидно, что только одно значение  $\text{حَال}$  соответствует значению сирийских терминов  $\text{בְּנוּי}$  или  $\text{בְּנוּיָא}$ .

Арабские термины  $\text{معرفة}$  — определенное и  $\text{نكرة}$  — неопределенное имена соответствуют, по мнению Илья Тирханского, по значению сирийским терминам  $\text{בְּנוּיָא}$ ,  $\text{בְּנוּיָא}$  и  $\text{בְּנוּיָא}$ . Илья Тирханский считает имя определенным ( $\text{בְּנוּיָא}$  или  $\text{בְּנוּיָא}$ ), когда к нему присоединено указательное или суффиксное местоимение, например:  $\text{בְּנוּיָא} \text{בְּנוּיָא}$  — „на эту гору“,  $\text{בְּנוּיָא} \text{בְּנוּיָא}$  — „на эту крышу“,  $\text{בְּנוּיָא} \text{בְּנוּיָא}$  — „в этот дом“ и  $\text{בְּנוּיָא} \text{בְּנוּיָא}$  — „Он расстелил (ее-(определенную)) одежду“,  $\text{בְּנוּיָא} \text{בְּנוּיָא}$  — „Он разрубил (его-(определенный)) ствол дерева“.

Арабские грамматики считали определенными ( $\text{معرفة}$ ) личные местоимения, относительные, указательные, имена собственные, имена с опре-

<sup>15</sup> Там же, стр. 91.

деленным членом и присоединением вышеупомянутых классов имен в родительном падеже. В сирийском языке существовал, как и в арабском, определенный член, который в соединении с формой имени ставил имя в определенном состоянии, но постепенно он потерял свою определенность, и теперь имя с определенным членом является в сирийском языке нормальным типом имени. Если бы определенный член в сирийском языке не утратил значения определенности, можно было бы сказать, что определенность имен в сирийском и арабском языках выражается одинаково — при помощи определенных артиклей, которые в обоих языках грамматически различно оформлены.

Арабский термин *النعته* Илья Тирханский считает соответствующим по значению сирийскому *ܢܥܬܐ*. В грамматике Юшманова<sup>16</sup> термин *النعته* — прилагательное, синоним его *الصفة*. Прилагательное может играть в предложении роль приложения и может быть или „настоящим“ (*حقيقي*), или „причинным“ (*سببي*). Например, в предложении *الرفقاء المرضى* — „больные товарищи“ прилагательное *المرضى* — „настоящее“, а в предложении *لقيت الرفقاء المريضة رؤوسهم* — „Я встретил товарищей, у которых болит голова“, *المريضة* — „причинное“ прилагательное. Древние арабские грамматики собственно прилагательное называли *صفة*: „Так как прилагательные имена выражают свойство или качество существительных, то они называются *صفة*, т. е. описаниями“,<sup>17</sup> но также выделяли способность прилагательного быть приложением и называли его определительным приложением, обозначая термином *الصفة* — „описание“ или *النعته* — „эпитет“, которое „выражает качество или свойство определяемого им имени... Оно бывает двоякого рода: а) действительно определительное (*حقيقي*), когда грамматически и логически относится к определяемому им имени, как *جاءني رجل حسن* — „Ко мне пришел прекрасный муж“, и б) определительное причинное (*سببي*), когда грамматически оно относится к предшествующему определяемому, а логически определяет последующее имя, как: *جاءني رجل حسن ابوه* — „Ко мне пришел муж, отец которого прекрасен“. Здесь *حسن* (— „прекрасный“) грамматически относится к *رجل* (— „муж“), но логически определяет последующее имя *ابوه* (— „отец его“), которое собственно есть причина (*سبب*) придания определительного слова первому имени“.<sup>18</sup>

По существу и у древних арабских грамматиков *صفة* и *نعته* значат одно и то же понятие прилагательного, поэтому в грамматике Юшма-

<sup>16</sup> Юшманов. Грамматика, стр. 107.

<sup>17</sup> Гиригас. Очерк, стр. 61.

<sup>18</sup> Там же, стр. 96.

нова *صفة* и *سمة* являются синонимами. Действительно, если судить также по примерам, определительное приложение — это в грамматике Юшманова прилагательное настоящее, а определительное причинное приложение — прилагательное причинное.

Прилагательное как часть речи было выделено греками значительно позднее, чем остальные главные части речи. То же самое было, видимо, у сирийцев. Илья Тирханский отмечает, что понятия прилагательного (*ܟܠܝܦܐܘܐ*), так же как сказуемого (*ܟܠܦܐܘܐ* или *ܟܠܡܘܨܚܐ*), и имени качества (*ܟܠܐܘܐ*) известны сирийцам и не нуждаются в определении. Этим утверждением, а также указанием на существование тех же понятий в арабском языке Илья Тирханский стремится подчеркнуть высокую степень развития сирийской грамматики, так же как и арабской. Определяя отдельные слова как прилагательные, он в подтверждение своих слов ссылается на Аристотеля: „*ܟܠܡܐ* — «священник», *ܟܠܡܠܚ* — «мягкий» и остальные, [подобные им], — определяющие прилагательные, согласно Аристотелю“ (гл. 13).

Аристотелю принадлежит учение о делении на три части речи, но прилагательное, как часть речи, было выделено греками значительно позднее, так что подобная ссылка на Аристотеля неосновательна. Авторитетом Аристотеля Илья Тирханский, видимо, хотел поддержать выделение прилагательного как части речи. Термин *ܟܠܝܦܐܘܐ* в значении прилагательного употребляется впервые Илей Тирханским. В индексе Моберга в этом значении он отмечается только в грамматике нашего автора. Это еще раз подтверждает, что категория прилагательного является новой для сирийской грамматики и впервые вводится Илей Тирханским. У Ильи Тирханского нет еще четкого отграничения значения прилагательного от имени существительного. Судя по примерам, он ясно представляет себе, что прилагательное обозначает качество предмета, и если даже в предложении качество предмета выражено существительным, Илья Тирханский определяет его как прилагательное. Это создает некоторую путаницу в рассуждениях Ильи Тирханского об этой категории.

В гл. 13 он включает и прилагательное, и имя качества в категорию имени. Это верно с точки зрения противопоставления этой группы категорий глаголу при уяснении разницы между именным и глагольным предложением, но благодаря этому вносится путаница при определении, к какой категории относится то или иное слово.

Следствием этих двух причин является определение слова *ܟܠܐܘܐ* — „дух“ в предложении *ܟܠܟܝܢܐ ܝܗܘܐ ܟܠܐܘܐ* — „Божество есть дух“ как определяющего прилагательного, в то время как *ܟܠܐܘܐ* — существительное, которое в данном предложении является именным сказуемым. То же самое в предложениях *ܟܠܝܦܐܘܐ ܟܠܡܠܚ ܟܠܡܐ* — „Иеремия был священником“, *ܟܠܡܐ* является именной частью, выраженной существительным, именного составного сказуемого, *ܟܠܐܘܐ ܝܗܘܐ ܟܠܡܠܚ* — „Давид был

пророком“, где **ܒܚܝܢ** Илья Тирханский называет определяющим прилагательным, в то время как это слово — существительное, являющееся именной частью именного составного сказуемого. Меркс<sup>19</sup> справедливо указывает на эту путаницу категорий у Ильи Тирханского. Оправданием может служить то, что эти категории (именного предложения, именного сказуемого, прилагательного) не были выделены в сирийской грамматике и исследованы до Ильи Тирханского. Заслугой его является стремление найти их место в сирийской грамматике при помощи наиболее специфического явления для сирийского языка — акцентуации, хотя это было не очень удачно. Илья Тирханский сам сознает путанность своих рассуждений и делает к гл. 13 добавление, поясняя конкретными примерами что он называет именем прилагательным, именем качества, сказуемым. Примеры на прилагательные следующие: **ܚܘܨܐ** — „правильный“ **ܚܘܨܐܢܐ** — „справедливый“, **ܚܘܨܐܢܐ** — „превосходный“, **ܚܘܨܐܢܐ** — „хороший“, **ܚܘܨܐܢܐ** — „нечестный“, **ܚܘܨܐܢܐ** — „мудрый“, **ܚܘܨܐܢܐ** — „глупый“, **ܚܘܨܐܢܐ** — „праведный“, **ܚܘܨܐܢܐ** — „лживый“. Что понимается под прилагательными в современном русском языке? Имена прилагательные в русском языке обозначают качество предметов непосредственно (свежий человек) или же по отношению к другим предметам (сестрина книга). Илья Тирханский под прилагательными понимает слова, обозначающие качество предметов непосредственно, не подразделяя их на виды, которые мы имеем в русском языке, а именно качественные, относительные, притяжательные. Но мы видим, что Илья Тирханский четко и определенно выделяет эту часть речи и верно понимает ее значение, хотя иногда допускает ошибки.

В 30-й, последней главе своей грамматики при перечислении семи частей речи Илья Тирханский обозначает прилагательное терминами **ܚܘܨܐܢܐ** или **ܚܘܨܐܢܐܢܐ**. Это место в тексте рукописи повреждено. Термина **ܚܘܨܐܢܐ** нет в тексте, но, судя по предыдущим главам (13, 19), прилагательное может быть обозначено только **ܚܘܨܐܢܐ**; **ܚܘܨܐܢܐܢܐ** является „синонимом и более древним термином“<sup>20</sup> сирийского причастия — **ܚܘܨܐܢܐܢܐ**. Термин **ܚܘܨܐܢܐܢܐ** обозначает еще предикативное прилагательное. Термин **ܚܘܨܐܢܐܢܐ** в грамматике Ильи Тирханского (гл. 16) равнозначен термину **ܚܘܨܐܢܐܢܐ** и в значении предикативного прилагательного, которым он называет глагол с частицей **ܐ**, например **ܚܘܨܐܢܐܢܐ** — „тот, который делает“ или „делающий“, что является причастием.

Причастие Илья Тирханский выделяет отдельно как пятую часть речи, использует для его обозначения термин **ܚܘܨܐܢܐܢܐ** и относит туда как собственно причастия (**ܚܘܨܐܢܐܢܐ** — „проходящий“, **ܚܘܨܐܢܐܢܐ** — „начинающий“ и т. д.), так и предикативные прилагательные (**ܚܘܨܐܢܐܢܐ** — „делающий“, **ܚܘܨܐܢܐܢܐ** — „бывший“).

<sup>19</sup> Merx. Historia, p. 156.

<sup>20</sup> Moberg. Buch der Strahlen. Zur Terminologie, pp. 56, 99.

Соотношение терминов **ܟܠܝܦܐܘܘܬܐ** и **ܟܠܝܦܐܘܘܬܐܘܬܐ** доказывает колебание Илья Тирханского и недостаточную уверенность при выделении прилагательного как части речи, проявившуюся даже в последней, итоговой главе его грамматики.

Илья Тирханский выделяет функцию прилагательного как определения и способность имени (существительного) иметь не одно, а несколько определений, которые относятся к одному имени. Такие определения он называет **ܟܠܝܦܐܘܘܬܐ ܟܠܝܦܐܘܘܬܐ**; например: **ܟܠܝܦܐܘܘܬܐ ܟܠܝܦܐܘܘܬܐ ܟܠܝܦܐܘܘܬܐ** — „мужи сирийские — превосходные“. Прилагательные-определения могут следовать друг за другом или соединяться союзом **ܘ**, например: **ܟܠܝܦܐܘܘܬܐ ܟܠܝܦܐܘܘܬܐ ܟܠܝܦܐܘܘܬܐ** — „мужи-знатные — справедливые и возвышенные“ (гл. 19).

Илья Тирханский объясняет подобную конструкцию следующим образом: „Определение (**ܟܠܝܦܐܘܘܬܐ**), которое присоединено к первому [имени], [является] именем относительно второго [определения имени], и значение [второго] имени также относится к первому [имени], т. е. **ܟܠܝܦܐܘܘܬܐ**“ (гл. 19).

Термин **ܟܠܝܦܐܘܘܬܐ ܟܠܝܦܐܘܘܬܐ** выделяется впервые Ильей Тирханским и отмечается Мобергом только в его грамматике.<sup>21</sup>

Арабский термин **ظروف الزمان و المكان** — сосуды времени и места — Илья Тирханский переводит на сирийский как **ܟܠܝܦܐܘܘܬܐ ܟܠܝܦܐܘܘܬܐ** и считает соответствующим по значению **ܟܠܝܦܐܘܘܬܐ** — наречию, синонимы **ܟܠܝܦܐܘܘܬܐ ܟܠܝܦܐܘܘܬܐ** и **ܟܠܝܦܐܘܘܬܐ ܟܠܝܦܐܘܘܬܐ**. Арабские грамматики „сосудами времени и места“ также называли наречия: „... к именам причисляются некоторые наречия места и времени, называемые грамматиками **ظروف**, т. е. сосудами, потому что всякое действие происходит в известном месте или времени. Таковы наречия: **قبل** — «прежде», **بعد** — «после», **فوق** — «вверху», **تحت** — «внизу» и др.“<sup>22</sup>

Илья Тирханский, приравнивая **ܟܠܝܦܐܘܘܬܐ ܟܠܝܦܐܘܘܬܐ** или **ܟܠܝܦܐܘܘܬܐ ܟܠܝܦܐܘܘܬܐ** к арабскому сосуду времени и места, имеет в виду именно только два вида наречия, по-видимому времени и места. Он пишет: „[Вопрос]: зависит ли какое-нибудь изменение гласных в именах от двух видов наречия (**ܟܠܝܦܐܘܘܬܐ ܟܠܝܦܐܘܘܬܐ** или **ܟܠܝܦܐܘܘܬܐ ܟܠܝܦܐܘܘܬܐ**), которые арабы называют сосудом времени и места (**ܟܠܝܦܐܘܘܬܐ ܟܠܝܦܐܘܘܬܐ**), т. е. **ܟܠܝܦܐܘܘܬܐ ܟܠܝܦܐܘܘܬܐ**“ (гл. 10). Примеры наречий, которые он приводит вслед за этим, таковы: **ܟܠܝܦܐܘܘܬܐ** — „достаточно“, **ܟܠܝܦܐܘܘܬܐ** — „раньше“, **ܟܠܝܦܐܘܘܬܐ** — „потом“, **ܟܠܝܦܐܘܘܬܐ** — „как“, **ܟܠܝܦܐܘܘܬܐ** — „когда“, **ܟܠܝܦܐܘܘܬܐ** — „потому что“, **ܟܠܝܦܐܘܘܬܐ** — „к“.

Данные примеры, указываемые Ильей Тирханским как наречия, не все могут служить, с нашей точки зрения, наречиями. К категории

<sup>21</sup> Там же, стр. 89.

<sup>22</sup> Гиргас. Очерк, стр. 69.

наречия Илья Тирханский склонен относить, по-видимому, служебные слова, которые на русский язык мы переводим, например, как причинный союз (ܘܢܐ — „потому что“), местоимение (ܟܝܢ — „как“) и т. д. Среди этих примеров он называет также один предлог, объединяя предлоги и наречия, считая их близкими по значению категориями: „Ни глаголы не производят изменений в именах: ни имена в именах: ни предлоги, ни наречия, например: ܐܢܐ — «достаточно», ܕܡܠܐ — «раньше», ܟܝܢ — «потом», ܟܝܢ — «как», ܟܝܢ — «когда», ܘܢܐ — «потому что», ܟܝܢ — «к»“ (гл. 10). Приведенные примеры, кроме того, являются примерами более широкого круга наречий (и вообще служебных слов), а не только наречий времени и места.

Илья Тирханский стремился показать в сирийском языке категорию, соответствующую арабскому наречию времени и места, в гл. 18 он обозначает наречия времени и места даже определенными терминами: ܟܝܢ ܟܝܢܐ — „наречие места“, ܟܝܢܐ ܟܝܢܐ — „наречие времени“. Этих терминов нет в индексе Моберга, они, по-видимому, впервые выделены Ильей Тирханским и являются переводами соответствующих терминов в арабском языке. Наречие в целом Илья Тирханский выделяет как отдельную часть речи (гл. 30) и обозначает теми же терминами: ܟܝܢܐ ܟܝܢܐ или ܟܝܢܐ ܟܝܢܐ. Примеры на наречия, приводимые в гл. 30: ܐܢܐ — „также“, ܟܝܢ — „если“, ܟܝܢ — „когда“, ܟܝܢ — „ничего подобного“, ܟܝܢ — „наконец“, ܟܝܢ — „когда“, ܟܝܢ — „еще“, ܘܢܐ — „потому что“, свидетельствуют также о том, что категорию наречия Илья Тирханский понимает очень широко, как категорию служебных слов, помогающих раскрыть смысл предложения.

В современной русской грамматике „наречием называется неизменяемая часть речи, обозначающая признак действия, качества или предмета и выступающая в предложении в роли обстоятельного слова или несогласованного определения“;<sup>23</sup> т. е. это определение подтверждает правильность принципа выделения категории наречий у Ильи Тирханского, но наречия в русском языке выступают в предложении как обстоятельные слова или несогласованные определения. Илья Тирханский не принимает во внимание грамматических значений слов, которые он относит к наречиям, поэтому мы говорим, что к категории наречий он относит многие служебные слова, с точки зрения современной грамматики не являющиеся наречиями.

Последнюю часть речи в сирийском языке: ܟܝܢܐ — „союзы“ и „частицы“ (синоним ܟܝܢܐ) — Илья Тирханский находит соответствующей третьей и последней части речи арабских грамматиков: ܟܝܢܐ. Термином ܟܝܢܐ — „частица“ арабские грамматика называют „то, что, выражая какое-либо понятие, не есть ни имя, ни глагол, как: предлог ܟܝܢܐ

<sup>23</sup> Грамматика русского языка, т. I, стр. 604.

и др., هل (— „ли?“), قد (— „уже“).<sup>24</sup> К حروف они относят: „... 1) наречия, как: نعم (— «да»), هل (— «ли?»); 2) предлоги, называемые حروف الجر или حروف الخفض, т. е. частицами, требующими родит. падежа, как في (— «в»), على (— «над»); 3) союзы, называемые حروف العطف, т. е. союзными частицами, как: و (— «и»), في (— «то»), и 4) междометия, как: يا (— «о!») и др. Грамматики делят частицы, смотря по значению или управлению их, на множество разрядов. Так, Замахшари ... насчитывает до 27 различных родов частиц; причем одна и та же частица, смотря по управлению своему, относится к разным разрядам“.<sup>25</sup>

Илья Тирханский не дает определения термина كسرة, но обозначает посредством этого термина прежде всего союзы: كذا — „так как“, ثم — „но“, لـ — „именно“, и т. д. Предлоги он выделяет отдельно, обозначая их другим термином: حروف الجر, хотя как часть речи считает относящимися к союзу. Наречие (كسرة حروف الجر или كسرة حروف الخفض) в грамматике Илья Тирханского выделено как отдельная часть речи.

Некоторые виды частиц: كسرة مقارنة — „частицы сравнения“, كسرة توكيد — „звательные частицы“, كسرة اقرار — „утвердительные частицы“ — Илья Тирханский отличает отдельно. В индексе Моберга этих терминов трех видов частиц нет. Возможно, что они имеются только в грамматике нашего автора и впервые выделены именно им.

Термин كسرة далеко не соответствует широкому и многообразному содержанию термина الحروف.

Арабский термин الجزم Илья Тирханский приравняет сирийскому حسمه ازالة, которым обозначается усечение глаголов. Древние арабские грамматики этим термином обозначали „опущение конечной гласной, выражающее в глаголах несовершенного времени должноствительное наклонение“,<sup>26</sup> т. е. то, что в современной арабской грамматике называется условным наклонением, которое „образуется из сослагательного наклонения заменой окончания ـا [= гласная а] окончанием ـا [отсутствие гласной], например نستعمل“.<sup>27</sup>

Илья Тирханский воспринял это безгласие — сукун, как легкость (كسرة سهولة) для имен и глаголов при усечении, простоту (كسرة بساطة), краткость (كسرة قصر) и т. д., для избежания тяжести слова (كسرة خفة), излишней долготы (كسرة قصر), затруднения в произношении (كسرة سهولة), он называет термином حسمه не безгласие — сукун, но другие процессы, которые происходят с сирийским глаголом при спряжении, образовании несовершенного вида, повелительного наклонения, причастий и их соедине-

<sup>24</sup> Гиргас. Очерк, стр. 52.

<sup>25</sup> Там же, стр. 78.

<sup>26</sup> Там же, стр. 57.

<sup>27</sup> Юшманов. Грамматика, стр. 34.

ний с местоимениями, например особенности спряжения глаголов с начальными  $\kappa$ ,  $\nu$ ,  $\mu$ . В глаголах  $\kappa\theta\iota\kappa$ ,  $\lambda\iota\kappa$  в 1-м л. несовершенного вида отсекается один  $\kappa$ :  $\kappa\theta\iota\kappa$ ,  $\lambda\iota\kappa$ , в глаголах  $\kappa\theta\iota\mu$  и  $\theta\iota\mu$  отсекается  $\nu$ :  $\kappa\theta\iota\mu$  и  $\theta\iota\mu$ , в глаголах  $\nu\theta\iota\mu$  и  $\nu\theta\iota\mu$  отсекается  $\mu$ , получается  $\nu\theta\iota\mu$  и  $\nu\theta\iota\mu$ . В повелительном наклонении в этих глаголах отсекается первая коренная:  $\kappa\theta\iota$ ,  $\lambda\iota$ ,  $\kappa\theta$ ,  $\mu\theta$ ,  $\nu\theta$ . В причастиях пятой породы действительного залога уничтожается один  $\kappa$ , например:  $\kappa\theta\iota\kappa\iota$ ,  $\lambda\iota\kappa\iota$ ,  $\kappa\theta\iota\mu\iota$ , а при соединении причастия с местоимением 2-го л. уничтожается  $\kappa$  с  $\mu$ , например,  $\theta\iota\mu\kappa\iota$  и  $\theta\iota\mu\iota$ ,  $\theta\iota\mu\kappa\iota$  и  $\theta\iota\mu\iota$ ,  $\theta\iota\mu\kappa\iota$  и  $\theta\iota\mu\iota$ , то же в женском роде. Усечением Илья Тирханский объясняет отпадение конечного  $\mu$  в глаголах прошедшего времени 3-го л. м. р. мн. ч., в результате чего образуются две параллельные формы одного и того же значения, например  $\kappa\theta\iota\mu$  и  $\kappa\theta\iota\mu$ ,  $\lambda\iota\mu$  и  $\lambda\iota\mu$  и т. д.

Усечение, или сокращение имен —  $\kappa\theta\iota\mu\iota\kappa\iota$   $\kappa\theta\iota\mu\iota\kappa\iota$  Илья Тирханский считает соответствующим арабскому  $\text{الترخيم}$ . Арабские грамматики объясняли, что „облегчением (الترخيم) звательного падежа называется опущение конечного слога имен собственных в воззвании, как  $\text{يا فاطمة}$  — «О, Фатима!» вместо полной формы  $\text{فاطمة}$ “.<sup>28</sup> Усечением имен ( $\kappa\theta\iota\mu\iota\kappa\iota$   $\kappa\theta\iota\mu\iota\kappa\iota$ ) Илья Тирханский называет потерю окончания или сокращение слова при образовании абсолютного или сопряженного состояния и различает несколько видов: 1) когда сокращается  $\kappa$ , например:  $\kappa\theta\iota\mu$ ,  $\kappa\theta\iota\mu$ ,  $\kappa\theta\iota\mu$  и т. д.; 2) когда сокращается  $\nu$ , например в слове  $\kappa\theta\iota\mu$  →  $\kappa\theta\iota\mu$ , в слове  $\kappa\theta\iota\mu$  →  $\kappa\theta\iota\mu$  и т. д.; 3) когда сокращается  $\kappa$  с  $\theta$ , например в слове  $\kappa\theta\iota\mu\iota\kappa\iota$  →  $\kappa\theta\iota\mu\iota\kappa\iota$ ,  $\kappa\theta\iota\mu\iota\kappa\iota$  →  $\kappa\theta\iota\mu\iota\kappa\iota$ . Иногда  $\kappa$  остается и сокращается один  $\theta$ , например в  $\kappa\theta\iota\mu\iota\kappa\iota$  →  $\kappa\theta\iota\mu\iota\kappa\iota$ ; 4) когда сокращается  $\theta$  при предыдущем  $\nu$ , как в словах  $\kappa\theta\iota\mu\iota\kappa\iota$  →  $\kappa\theta\iota\mu\iota\kappa\iota$ ,  $\kappa\theta\iota\mu\iota\kappa\iota$  →  $\kappa\theta\iota\mu\iota\kappa\iota$ . Когда при образовании множественного числа от слова  $\kappa\theta\iota\mu$  отбрасывается  $\kappa$  и присоединяются  $\nu$  и  $\mu$ , отбрасывание  $\kappa$  Илья Тирханский тоже называет усечением.

Вообще всякое сокращение слова, отбрасывание буквы, ассимиляцию и прочее Илья Тирханский считает  $\kappa\theta\iota\mu\iota\kappa\iota$ , понимая этот термин в буквальном смысле слова и относя его одинаково ко всем частям речи.

Наряду с глаголом  $\mu\theta\iota\mu$  в том же значении очень часто употребляется глагол  $\mu\theta\iota\mu\iota\kappa\iota$ , иногда  $\mu\theta\iota\mu$ , например  $\kappa\theta\iota\mu\iota\kappa\iota$   $\mu\theta\iota\mu$  — „уничтожение буквы.“

<sup>28</sup> Гиргас. Очерк, стр. 88.

Таким образом, понятия *جزم* и *ترخيم* Илья Тирханский постарался углубить и расширить с точки зрения применения к сирийскому языку. Меркс<sup>29</sup> видит в этом невероятную путаницу и не оправданную ничем смелость при изложении грамматики. Мы считаем, что это вызвано стремлением автора подчинить сирийскую грамматику определенной системе, которая так восхищает его в арабском языке. Положительным результатом можно считать обращение внимания автора еще раз на причины и формы образования явлений, в применении к которым он говорил о понятии усечения. Бар Эбрей, рассматривая явление усечения (сокращения) (*ܘܫܘܩܐ*) в применении к глаголам, употребляет термин *ܘܫܘܩܐ* (арабское *جزم*); таким образом, рассмотрение случаев усечения (сокращения) имен и глаголов у Ильи Тирханского является, по-видимому, не таким уж ничем не обоснованным стремлением подражать арабской грамматике, если оно нашло продолжение в труде Бар Эбрея. До Ильи Тирханского понятие усечения (сокращения) имен и глаголов не употреблялось в сирийской грамматике.

Чего достиг Илья Тирханский сопоставлением арабских грамматических терминов с сирийскими, каковы результаты его исследований для развития сирийской грамматической системы? Благодаря сопоставлению арабского термина *جملة* — „предложение“ с сирийскими терминами *ܘܫܘܩܐ*, *ܘܫܘܩܐ*, *ܘܫܘܩܐ*, *ܘܫܘܩܐ*, благодаря знакомству с арабской грамматикой Илья Тирханский указал на 5 видов сирийского предложения, которые до него не были выделены в сирийской грамматике, именно: *ܘܫܘܩܐ* — „повествовательное“, *ܘܫܘܩܐ* — „звательное“, *ܘܫܘܩܐ* — „повелительное“, *ܘܫܘܩܐ* — „вопросительное“, *ܘܫܘܩܐ* — „желательное“.

Сопоставлением термина *خبر* — „сказуемое именного предложения“ с сирийскими терминами сказуемого — *ܘܫܘܩܐ* и *ܘܫܘܩܐ* он пытался выделить в примерах предложения с именным сказуемым, а в гл. 7 определил совершенно четко один тип именного сказуемого и обозначил его термином *ܘܫܘܩܐ ܘܫܘܩܐ* — „общее сказуемое“.

В результате выделения прилагательного как части речи в сирийском языке, обозначения его специальным термином — *ܘܫܘܩܐ* и сопоставления с арабским термином *نعت* — „прилагательное“ Илья Тирханский сформулировал понятие и образовал термин *ܘܫܘܩܐ ܘܫܘܩܐ* — „определение определения“.

Сопоставляя наречие (*ܘܫܘܩܐ ܘܫܘܩܐ*, *ܘܫܘܩܐ* или *ܘܫܘܩܐ*) с арабским наречием времени и места, Илья Тирханский перевел арабский термин на сирийский буквально: *ܘܫܘܩܐ ܘܫܘܩܐ* — „сосуд времени и места“ и образовал путем перевода с арабского на сирийский самостоятельные термины наречий времени и места: *ܘܫܘܩܐ* — „наречие места“ и *ܘܫܘܩܐ ܘܫܘܩܐ* — „наречие времени“.

<sup>29</sup> Merx. Historia, p. 154.

Сравнение остальных арабских терминов: *فاعل* и *مفعول* с *كلام* и *كلام*, *اضافة* с *كلام*, *كلام* с *حال*, *حرف* с *كلام* является простым сопоставлением терминов, ибо по значению арабские термины значительно шире и многообразнее.

Наиболее простым и точным является сравнение терминов определенности и неопределенности, *معرفة* и *نكرة*, с сирийскими терминами *كلام* и *كلام*. Определенность и неопределенность имени в сирийском и в арабском языках выражается во многих случаях идентичными средствами.

В общей сумме терминов, рассмотренных нами, количество терминов, введенных Ильей Тирханским, невелико, они суть: пять видов предложений — *كلام*, *كلام*, *كلام*, *كلام*, *كلام*, общее сказуемое — *كلام*, прилагательное — *كلام*, определение определения — *كلام*, наречие времени и места — *كلام* и *كلام*.

Следует оговориться, что речь шла только о тех сирийских терминах, параллели к которым в арабской грамматике приводит сам Илья Тирханский. Следовательно, данные вновь образованные сирийские термины являются результатом работы Ильи Тирханского над определенными грамматическими понятиями, выбранными им как идентичные и в сирийском, и в арабском языках. Поскольку новый термин вносит и новое грамматическое понятие, для развитой грамматической системы, которую уже имел сирийский язык в XI в., образование данных новых понятий в грамматике Ильи Тирханского является достаточно значительным.

## ПЕРЕВОД

С помощью небесного милосердия переписали мы грамматику сирийского языка, составленную католикосом Мар Ильей, патриархом, — да поможет нам его молитва, — прежде чем он был поставлен епископом, чтобы управлять Тирханой.

Господь наш, помоги мне своим милосердием.

Прежде чем начать со святым духом, я посвятил себя исследованию и изучению сирийского и арамейского языков, не по-детски и не попросту, а в доме изучения наук, и просветила меня сила из обширного дома духовных книг. И в грамматике арабского языка провел я (букв.: было у меня) некоторое исследование, и сирийского. Я закончил сам Логику Аристотеля со многими знаниями, после тяжелых трудов и усилий, телесных и духовных. (Эта книга) Органон, т. е. орудие, ведущее к истине и уточнению обстоятельств, как естественных, так и божественных, и тем более — явлений речи и языка. Я вскрыл некоторые правила грамматики греческого языка, хотя я и не сведущ в греческом языке. Но благодаря традиции, которая существует в сирийском языке, и замечаниям тех или иных ученых, которые знали и изучали этот язык, а также через знающих людей — из уст в ухо — я выяснил [все] о правилах греческого языка. Поэтому я счел необходимым написать руководство для начинающих изучение сирийского языка, следуя тем правильным мыслям, которые я установил. Более всего я согласовывал [свои исследования] с [грамматикой] арабского языка, богатого этим искусством.

Я обнаружил и осветил важные понятия, скрытые в сирийском языке, как в том, которым мы говорим обычно и не по правилам, так и в языке книг. То же самое имело место и у арабов, которые ко времени первоначального христианства говорили правильно, без ошибок, потому что они не общались в среде иноязычных [народов] и их языком не овладела порча. Когда же произошло соприкосновение арабов с персами и другими [народами], знающие язык установили некоторые правила для начинающих и читающих, с тем чтобы с их помощью достигнуть точности в этом языке. То же самое относится и к понятиям сирийского языка, которому сирийцы обучаются без всякого труда, так как он дан [им] от природы. Обычно этот язык считается исключительно бедным и незначительным по [количеству] правил, которые ограничиваются объяснением знаков языка. Я же, если ты бу-

дешь судить по работе, осветил силу, скрытую в нем, и написал книгу.

И я предоставляю любителям истины, которые существуют ныне и войдут в этот скоропреходящий мир в будущем, рассеянные и распыленные мысли, которые я соединил и собрал в одно, с тем чтобы мы со всей полнотой могли судить о правилах сирийского языка, о большой выразительности его имен и глаголов, которые даны с древнейших времен. Обдуманно и последовательно добивались и добиваются знания категорий своего языка как древние, так и современные ученые. Таким образом, назначение или цель грамматики — та, чтобы правильно говорить и оформлять [нашу мысль] в речь.

„Имя“ по-гречески — правильность речи, а по-арабски — объяснение, т. е. объяснение действий при посредстве арабского языка. Следовательно, грамматика является, кратко, наукой об изменениях имен, глаголов и фразовых членов какого-нибудь одного языка или [наукой об изменениях], касающихся многих языков, т. е. наукой о правилах различных изменений имен, глаголов и фразовых членов, обозначающих понятия, скрытые в душе человека. Например, я хочу сообщить, что бог создал небо и землю. Поэтому я говорю:  $\text{ܕܗܝܢ ܫܡܝܘܬܐ ܘܥܡܩܝܢܐ ܕܥܠܡܝܢܐ ܕܥܒܕܐ ܕܥܠܡܝܢܐ}$  — „Вначале сотворил бог небо и землю“ (Бытие I, 1), если бы не эти ударения, а именно  $\text{ܕܥܒܕܐ}$  и  $\text{ܕܥܠܡܝܢܐ}$ , которые стоят впереди, мы бы не поняли, что бог создал небо и землю. Также и в речи мы не поняли бы этого.

Таким образом, всевозможными разделами и видами пунктуации мы соединяем те или иные виды (понятия) в сирийском языке, который мы готовы истолковать или объяснить с помощью Христа.

### Глава первая

Какими признаками ( $\text{ܕܥܠܡܝܢܐ}$ ) мы обозначаем деятеля ( $\text{ܕܥܒܕܐ}$  или  $\text{ܕܥܠܡܝܢܐ}$ ) в сирийском языке, ибо в грамматике арабского языка имеется раздел ( $\text{ܕܥܠܡܝܢܐ}$ ) о признаках деятелей ( $\text{ܕܥܒܕܐ}$ ) и объектов действия ( $\text{ܕܥܠܡܝܢܐ}$ ), т. е. [по-арабски]  $\text{ܕܥܠܡܝܢܐ}$  [فاعل] и  $\text{ܕܥܠܡܝܢܐ}$  [مفعول].

Мы говорим, что признак первый — отличие по существу, т. е. объективная возможность деятеля ( $\text{ܕܥܒܕܐ}$ ) и объекта действия ( $\text{ܕܥܠܡܝܢܐ}$ ). Например, когда мы говорим:  $\text{ܕܥܒܕܐ ܕܥܠܡܝܢܐ ܕܥܠܡܝܢܐ}$  — „Ябаллаха ест хлеб“, мы понимаем, что Ябаллаха — деятель ( $\text{ܕܥܒܕܐ}$ ), едок, а хлеб — объект действия ( $\text{ܕܥܠܡܝܢܐ}$ ), то, что едят. Второй [признак] — присоединение букв, которые называются  $\text{ܕܥܠܡܝܢܐ}$ , а именно  $\text{ܐ}$ ,  $\text{ܢ}$ ,  $\text{ܕ}$ . Только с помощью  $\text{ܕܥܠܡܝܢܐ}$  мы должны обозначать объект действия ( $\text{ܕܥܠܡܝܢܐ}$ ),<sup>1</sup>

<sup>1</sup> *Bemien (Syrische Grammatik, p. 8 — немецкого перевода) справедливо полагает, что здесь, видимо, ошибка и должно быть  $\text{ܕܥܠܡܝܢܐ}$ , а не  $\text{ܕܥܠܡܝܢܐ}$ . См. начало главы.*

например, мы говорим:  $\text{יִשְׂרָאֵל יָלֵד אֶפְרַיִם}$  — „Иосиф родил Ефрема“, и нам понятно, где родивший и где рожденный. Третий [признак] — порядок [слов] и предшествование имен, так как мы постоянно ставим деятеля ( $\text{קְטַבָּב}$ ) вначале, а объект действия ( $\text{קְטִיבָבֹה}$ ) в конце, как арабы, которые одинаково поступают с несклоняемыми и определенными именами и дают им артикль; поэтому, когда это случается [т. е. когда из порядка слов ясно, где деятель, а где объект действия], мы не нуждаемся в искусстве грамматики. Например, Давид сказал:  $\text{יְהוָה יָצַר שָׁמַיִם}$  — „Господь сотворил небо“ (Псалмы 86, 5), т. е. [должно было быть]  $\text{יְהוָה יָצַר שָׁמַיִם}$ . Если же кто-либо скажет, что в арабском и варварском языках очень глупо приставлять к имени  $\text{יָצַר}$ , чтобы обозначить объект действия ( $\text{קְטִיבָבֹה}$ ), мы ответим, что это [правило], невозможное в арабском языке, свойственно сирийскому, не чуждо ему и не необычно.

Поэтому, когда переводчики читают в Евангелии такие слова:  $\text{לֹא רָאָה אִישׁ אֶת אֱלֹהִים}$  — „Бога не видал никто никогда“ (Иоанн I, 18), [то] по существу обстоятельства они понимают, где деятель ( $\text{קְטַבָּב}$ ) и объект действия ( $\text{קְטִיבָבֹה}$ ), так же как слова:  $\text{אֱלֹהִים יָצַר אֶת אֲבִי}$  — „на нем печать его отца, бога“ [букв.: положил печать свою отец бог]. (Иоанн 6, 27) — скорее всего многие поймут как:  $\text{אֱלֹהִים יָצַר אֶת אֲבִי}$  — „Бог создал сына отцу“, другие [же иначе]:  $\text{אֲבִי יָצַר אֶת אֱלֹהִים}$  — „Отец создал сына богу“. Это стало возможным потому, что в этих именах не ясно, где деятель ( $\text{קְטַבָּב}$ ), а где объект действия ( $\text{קְטִיבָבֹה}$ ). Например, Лука сказал:  $\text{כַּדְּכַתְּבֵיכֶם כִּי רָאִיתֶם אֶת אֵלֶּיךָ אֲדַבְּרֵיכֶם אֲדַבְּרֵיכֶם}$  — „так как многие пожелали написать повествования о событиях, известных между нами“ (Лука 1, 1).

Из предшествования [слова]  $\text{רַבִּינִים}$  — „многие“ или из существа обстоятельств нам понятно, что они, т. е.  $\text{רַבִּינִים}$  — „повествования“, были написаны. Мы определяем, что деятель ( $\text{קְטַבָּב}$ ) — многие из них ( $\text{רַבִּינִים קְטַבָּבִים}$ ), а повествования ( $\text{רַבִּינִים}$ ) — объект действия ( $\text{קְטִיבָבֹה}$ ). А если бы он сказал  $\text{רַבִּינִים}$  с лямедом ( $\text{רַבִּינִים־ל}$ ), стало бы еще яснее отношение глагола к деятелю ( $\text{קְטַבָּב}$ ) и объекту действия ( $\text{קְטִיבָבֹה}$ ). Деятель ( $\text{קְטַבָּב}$ ) определяется еще из единственного и множественного чисел глагола мужского или женского рода.

Мудрец сказал:  $\text{אֲבֹתֵינוּ יָצַרְנוּ}$  — „И уменьшились грехи родителей“ (Притчи 14, 34). Нам понятно, что грехи их [родителей] уменьшились, т. е. они [грехи] действующие, родители — подвергающиеся действию ( $\text{קְטִיבָבֹה}$ ), так как если бы  $\text{אֲבֹתֵינוּ}$  — „родители“ были действующие

щими (ܡܚܩܪܝܢ), то он сказал бы: ܡܚܩܪܝܢ — „они уменьшили“. Поэтому комментаторы исправляют ܡܚܩܪܝܢ ܡܢ ܥܘܢܝܢ ܥܘܢܝܢ — „Уменьшились грехи родителей“, следовательно, нужно читать так, чтобы деятель (ܡܚܩܪܝܢ) был впереди, а объект действия (ܥܘܢܝܢ) за ним.

Апостол сказал: ܡܚܩܪܝܢ ܠܝܢ ܥܘܢܝܢ ܥܘܢܝܢ — „Развращают добрые нравы худые сообщества“ (I Коринфянам 15, 33), т. е. сообщества развращают нравы. Мы понимаем это прежде всего из того, что ܡܚܩܪܝܢ указывает на женский род, ܥܘܢܝܢ же, нравы, — мужского рода, следовательно [по согласованию подлежащего и сказуемого в предложении] они, нравы, — подвергающиеся действию (ܡܚܩܪܝܢ). Лучше всего ты определишь это из возможности действия (ܡܚܩܪܝܢ), как мы читали раньше в примере с Моисеем<sup>2</sup> и хлебом. Не может хлеб есть Моисея, только Моисей может есть хлеб. Мы еще приведем пример на то, когда деятель (ܡܚܩܪܝܢ) стоит впереди, и имя, подвергающееся действию (ܥܘܢܝܢ), не нуждается в лямеде-связке (ܠܡܕܝܢܝܢ).

Например, в законе Моисея мы читаем: ܡܚܩܪܝܢ ܝܘܢܝܢ ܕܥܘܢܝܢ — „и прижала ногу Валаамову к стене“ (Числа 22, 25), — т. е.

ослица прижала его ногу, ܝܘܢܝܢ. Подобное этому мы читаем в Евангелии Марка: ܡܚܩܪܝܢ ܕܥܘܢܝܢ ܕܝܘܗܢܢ — „И он пошел, отсек голову Иоанну в темнице“ (Марк 6, 27), именно ܡܚܩܪܝܢ — „его голову“, а пошел палач; у Матфея: ܡܚܩܪܝܢ ܕܥܘܢܝܢ ܕܝܘܗܢܢ — „И он послал отсечь Иоанну голову“ (Матфей 14, 10), т. е. Ирод. У Павла мы читаем, что „господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и, возблагодарив, преломил“ (I Коринфянам 11, 23 сл.), а также взял чашу и сказал: ܡܚܩܪܝܢ ܕܥܘܢܝܢ ܕܝܘܗܢܢ — „ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию“ (I Коринфянам 11, 26).

Заметьте, что деятель (ܡܚܩܪܝܢ) предшествует и ܠܡܕܝܢܝܢ не присоединен к объекту действия (ܥܘܢܝܢ), потому что хлеб не может быть тем, кто ест, а только тем, что едят. Так же в том предложении, которое мы читаем во Второзаконии: ܡܚܩܪܝܢ ܕܥܘܢܝܢ ܕܝܘܗܢܢ — „Я бросил прах сей в поток, текущий с горы“ (Второзаконие 9, 21), т. е. я бросил прах, ܡܚܩܪܝܢ. Я дам всем общее правило: когда местоименный суффикс ܥܘܢܝܢ [присоединяется к имени, например] ܡܚܩܪܝܢ — „его голова“, где ܡܚ — имя, ܥܘܢܝܢ — местоименный суффикс [и к глаголу, например ܡܚܩܪܝܢ, где ܡܚܩܪ — глагол, ܥܘܢܝܢ — местоименный суффикс, именно]:

<sup>2</sup> Т. е. Яблаллахой. См.: *Syrische Grammatik*, p. 10, Nota 1 — немецкого перевода.

$\text{ܡܠܝܝܢܐ}$  — „Он отсек его голову“,  $\text{ܡܠܝܝܢܐ ܕܥܘܠܝܢܐ}$  — „Она прижала его ногу“,  $\text{ܡܝܬܐ ܡܗܘܠܐ}$  — „Я бросил прах сей“, — всякий раз [следует] отбрасывать три  $\text{ܡ}$ , которые стоят в конце этих глаголов; полученное предложение будет очень красиво. Или иначе: когда ты присоединяешь к глаголу  $\text{ܡ}$ , присоединяя к имени  $\text{ܕ}$ , чтобы получить предложение, например  $\text{ܡܠܝܝܢܐ ܕܥܘܠܝܢܐ}$  — „Он отсек его голову“, и т. д.;  $\text{ܡ}$  отбрасывается от этих глаголов следующим образом:  $\text{ܡܠܝܝܢܐ ܕܥܘܠܝܢܐ}$  — „И он послал отсечь его голову“,  $\text{ܡܝܬܐ ܡܗܘܠܐ ܕܥܘܠܝܢܐ}$  — „Я бросил прах сей в поток“,  $\text{ܡܠܝܝܢܐ ܕܥܘܠܝܢܐ}$  — „Она прижала его ногу“. В Евангелии Луки есть такое предложение:  $\text{ܡܝܝܢ ܗܝܘܢܐ ܕܥܘܠܝܢܐ ܕܥܘܠܝܢܐ ܕܥܘܠܝܢܐ ܕܥܘܠܝܢܐ}$  — „А она с тех пор, как я пришел, не перестает целовать мои ноги“ (Лука 7, 45). „Ноги“ ( $\text{ܥܘܠܝܢܐ}$ ) — объект действия ( $\text{ܥܘܠܝܢܐ}$ ), то, чем управляет [инфинитив]  $\text{ܡܝܠܝܢܐ}$ , именно: „Она не перестает целовать мои ноги“, [действующее лицо] — только женщина, та, которая целует, ноги не могут делать этого. [Форма слова]  $\text{ܥܘܠܝܢܐ}$ , которая указывает на женский род единственного числа, также устранила бы возможность ошибки. Подобное же предложение в книге Иова:  $\text{ܡܝܠܝܢܐ ܕܥܘܠܝܢܐ}$  — „Целовала ли рука моя уста мои?“ (Иов 31, 27). Комментаторы же исправляют [предложение, исходя] из возможности действия, [указывая], что нужно читать:  $\text{ܡܝܠܝܢܐ ܕܥܘܠܝܢܐ}$  — „Целовали ли уста мои руку мою“. Таким образом будет разумно, не соответствует же [здравому] смыслу, чтобы рука целовала уста, [должно быть] наоборот.

## Глава вторая

Следует знать, что имена в сирийском языке несклоняемы и постоянны, [они] изменяются не как в греческом языке, а при помощи падежных (букв) ( $\text{ܥܘܠܝܢܐ ܕܥܘܠܝܢܐ}$ ), которые присоединяются в начале и конце [имен]. Поэтому сущность мыслей легко постигают те, которые привыкли говорить правильно. У греков пять падежей ( $\text{ܥܘܠܝܢܐ ܕܥܘܠܝܢܐ}$ ) или, как [говорят] другие, четыре. Три [падежа] — в арабских именах. Мы присоединяем к сирийским именам три буквы, которые называются  $\text{ܥܘܠܝܢܐ}$ , именно  $\text{ܥ}$ ,  $\text{ܕ}$ ,  $\text{ܝܢܐ}$ , от них немалая польза для понимания сирийского языка. Необходимо знать, что падежи ( $\text{ܥܘܠܝܢܐ ܕܥܘܠܝܢܐ}$ ), которые в греческом языке называются винительным ( $\text{ܥܘܠܝܢܐ ܕܥܘܠܝܢܐ}$ ) и дательным ( $\text{ܥܘܠܝܢܐ ܕܥܘܠܝܢܐ}$ ), мы различаем следующим образом: винительный падеж — когда один человек веряет другому что-нибудь свое, [например] какое-нибудь ученье и здоровье, дательный падеж — когда он отдает несущественное, приобретенное, как [например] орудие, книгу, меч. Арабы получающих [ученье, здоровье, орудие и т. д.] обоих этих видов [падежей] называют объек-

тами действия (כִּי־עָשָׂה). Сирийцы различают [эти падежи] благодаря знакам [буквам] (כִּי־עָשָׂה), о которых было сказано вначале, не изменяя гласные в конце имен получающих (объектов действия).

### Глава третья

Вопрос: по каким знакам [буквам, ударениям и т. д.] (כִּי־עָשָׂה) и признакам определяется объект действия (כִּי־עָשָׂה עָשָׂה), [если] деятель (עָשָׂה) не упомянут вместе с ним?

Ответ: мы говорим, что имена не подвергаются изменению, если мысли соединены [в предложения]. Когда мы устанавливаем объект действия (כִּי־עָשָׂה) при помощи глагола, указывающего на действие, мы отличаем объект действия, [если деятель не упомянут вместе с ним] (כִּי־עָשָׂה), и достаточно. Нам не нужно никакого изменения [гласных] имени, как принято у арабов.

Например, мы говорим: עָשָׂה נֹחַ — „Ной был разбит“. Достаточно изменения глагола, чтобы обозначить, что Ной — [объект, испытывающий] удары. То же можно сказать о [следующих] действиях: עָשָׂה סֵפֶר — „Книга написана“, עָשָׂה דָבָר — „Дело сделано“, עָשָׂה חֵן — „Победа одержана“. У арабов есть обычай: [имена] места и времени ставить в качестве объектов действия. Мы же, сирийцы, обозначаем их с помощью аффиксов (כִּי־עָשָׂה). [Имя] места [мы обозначаем] с помощью связки עָשָׂה, например говорим: עָשָׂה יֵשׁוּעַ — „Иисус вошел в дом“, עָשָׂה שִׁמְעוֹן — „Симеон вошел во двор“, עָשָׂה יְהוָה — „Поднялся господь наш на корабль“. [Если мы хотим обозначить] время, не присоединяя עָשָׂה, мы можем сказать: עָשָׂה יוֹם — „Такой-то шел долгое время“, עָשָׂה יוֹם — „Иисус призывал один день“, עָשָׂה שָׁעָה — „Иосиф молился один час“.

### Глава четвертая

Вопрос: по каким правилам в сравнении с арабами сирийцы присоединяют имена друг к другу?

Ответ: что имя присоединено к другому становится ясным благодаря присоединению связки חֵן (חֵן חֵן) или частицы (כִּי־עָשָׂה). Арабы называют это חֵן חֵן, например עָשָׂה עָשָׂה — „город такого-то“, עָשָׂה עָשָׂה — „дом такого-то“. Если ты пожелаешь поставить [первое имя] с כִּי или עָשָׂה [на конце], не будет никакой разницы: עָשָׂה עָשָׂה — „книга Моисея“, עָשָׂה עָשָׂה — „лагерь Израиля“, עָשָׂה עָשָׂה — „бог Иакова“.

Правило второе: [присоединение имен происходит] благодаря усечению (קטעה) от имени אֱלֹהִים или „, который присоединяется к последнему אֱלֹהִים, например: קַיִסְרִיָּא דְּרִמְסֵס — „римский город“, אֵלֶּה דְּכַּח — „дом такого“, קְטוּבַת מֹשֶׁה — „книга Моисея“, לַיְמֵי דְּמֹשֶׁה — „лагерь Моисея“, דַּמְסֵס דְּיֶאקֹב — „рука Иакова“, אַמְסֵס דְּיֹסֵפִית — „нога Иосифа“.

Так же во множественном числе: עֵינֵי דְּנַרְנָא — „глаза нашего господина“, אֵלֶּה דְּכַּח — „ноги такого-то“, אֵלֶּה דְּכַח — „книги такого-то“. , [отсекается] следующим образом: נַרְנָא [из נַרְנָא; например] נַרְנָא דְּבַתֵּי — „господин дома“. В священном писании мы имеем следующие примеры: אֱלֹהִים אֱלֹהִים — „бог богов“ (Псалмы 49, 1), אֲדִיִּמְסֵסִיתִי — „величайший из фараонов“, קְטוּבַת דְּקַדְשָׁא — „город святости“, אֲבַת דְּמַלְכָא — „раб царя“, מַלְכָא דְּמַלְכָא — „царь царей“.

### Глава пятая

Вопрос: есть ли в сирийском языке усечение (קטעה) глаголов, которое арабы называют كسر, и если есть, к каким глаголам относится и как [происходит]?

Ответ: усечение касается глаголов в будущем времени (דְּבַתֵּי דְּכַח), согласно правилу арабов. Оно бывает 2 видов, но не по методу арабов, т. е. или усечением согласной (קטעה דְּכַח) в начале, которая обозначала бы время глагола, или отбрасыванием (קטעה דְּבַתֵּי) гласной (קטעה דְּבַתֵּי). Усечение относится не ко всякому глаголу в будущем времени, а к тем глаголам, которые имеют в начале א, , или א. Например, в [следующих] глаголах в будущем времени: אֵלֶּה — „Он пошел“; если говорить о себе אֵלֶּה — „Я пойду“ [אֵלֶּה — „Он пошел“], אֵלֶּה — „Я пойду“. Следовательно, от глагола отсекается א. Поэтому, если кто-нибудь скажет: אֵלֶּה — „Он сделал“, то для 1-го л. нужно образовать форму אֵלֶּה — אֵלֶּה אֵלֶּה — „Я сделаю хлеб“. Также от глагола אֵלֶּה — „Он сказал“ [первое лицо] אֵלֶּה — „Я скажу“. , [отбрасывается] в глаголе אֵלֶּה в будущем времени в 3-м и 1-м л. мн. ч.: אֵלֶּה — „Мы знаем“. , отбрасывается от глагола следующим образом: [в глаголе] אֵלֶּה — „Он взял“, אֵלֶּה — „Он возьмет“, אֵלֶּה — „Он сидел“, אֵלֶּה — „Он сядет“; אֵלֶּה следующим образом: אֵלֶּה — „Он возьмет“, אֵלֶּה — „Он взял“, אֵלֶּה — „Он присоединит“, אֵלֶּה — „Он присоединил“, אֵלֶּה — „Он упадет“, אֵלֶּה — „Он упал“, אֵלֶּה — „Он принесет“, אֵלֶּה — „Он принес“,

$\text{לֵךְ}$  — „Он разгнева<sup>т</sup>ся“,  $\text{לָךְ}$  — „Он разгнева<sup>л</sup>ся“,  $\text{לֵךְ(אֵי)}$  — „Он оставит“,  $\text{לָךְ}$  — „Он оставил“,  $\text{לֵךְ}$  — „Он остав<sup>л</sup>яет“,  $\text{לָךְ}$  — „Я остав<sup>л</sup>яю“. Эти три буквы,  $\text{ל}$ ,  $\text{לָ}$  и  $\text{לֵ}$ , отсекаются, когда глаголы [стоят] в повелительном наклонении. Например, [глаголы]  $\text{לֵךְ}$ ,  $\text{לָךְ}$  — „Он шел“,  $\text{לָךְ}$  — „Он знал“,  $\text{לָךְ}$  — „Он дал“,  $\text{לָךְ}$  — „Он вышел“,  $\text{לָךְ}$  — „Он упал“,  $\text{לָךְ}$  — „Он взял“ в повелительном наклонении произносятся нами так:  $\text{לָךְ}$ ,  $\text{לָ}$ ,  $\text{לָ}$ ,  $\text{לָ}$ ,  $\text{לָ}$ ,  $\text{לָ}$ ,  $\text{לָ}$ .

Знай, что усечение является обычным для гласных букв и больше относится к глаголам в настоящем времени ( $\text{וּבְהַזְמַנְהוּ הַחַי}$ ). Например [в глаголах]  $\text{לָךְ}$  — „Он бросил“,  $\text{לָךְ}$  — „Он сделал“ и  $\text{לָךְ}$  — „Он велел освободить“ (усекается  $\text{ל}$  при образовании причастий действительного залога) —  $\text{לָךְ}$  — „бросающий“,  $\text{לָךְ}$  — „делающий“ и  $\text{לָךְ}$  — „освобождающий“. Это первый вид усечения — уничтожение буквы. Отбрасывание гласной относится только к глаголам в настоящем времени. Например, в [форме]  $\text{לָךְ}$  — „Ты открываешь“, с  $\text{לָךְ}$  над  $\text{לָ}$ , мы отбрасываем одну из гласных [гласную  $\text{ל} + \text{ל}$  местоимения] и проносим  $\text{לָךְ}$ , т. е. без  $\text{לָךְ}$  над  $\text{לָ}$ . Так же  $\text{לָךְ}$  — „ты наполняешь“ →  $\text{לָךְ}$ ,  $\text{לָךְ}$  — „ты благословляешь“ →  $\text{לָךְ}$  [где] гласная отбрасывается от  $\text{לָ}$ . [Это правило относится и к глаголам] 2-го л. ж. р. ед. ч., например, [вместо]  $\text{לָךְ}$  — „Ты [ж. р.] открываешь“ мы говорим  $\text{לָךְ}$ , [вместо]  $\text{לָךְ}$  — „Ты [ж. р.] наполняешь“ →  $\text{לָךְ}$ , [вместо]  $\text{לָךְ}$  — „ты [ж. р.] благословляешь“ →  $\text{לָךְ}$ . При усечении произношение глаголов мужского рода не отличается от [произношения] глаголов женского рода.

[Усечение] происходит еще у глаголов в прошедшем времени в 3-м л. м. р. мн. ч., например:  $\text{לָךְ}$ , [после усечения]  $\text{לָךְ}$  — „Они сделали“,  $\text{לָךְ}$ , [после усечения]  $\text{לָךְ}$  — „Они провозгласили“; [затем] в глаголах повелительного наклонения этого же лица:  $\text{לָךְ}$  — „молитесь“, [после усечения]  $\text{לָךְ}$ ,  $\text{לָךְ}$  — „садитесь“, [после усечения]  $\text{לָךְ}$ .  $\text{לָךְ}$  — „делайте“, [после усечения]  $\text{לָךְ}$ ; во всех глаголах множественного числа женского рода изъявительного наклонения:  $\text{לָךְ}$  [и]  $\text{לָךְ}$  — „Они пришли“,  $\text{לָךְ}$  и  $\text{לָךְ}$  — „Они слушали“,  $\text{לָךְ}$  и  $\text{לָךְ}$  — „Они сделали“ [и т. д.].



или находятся в [самой] -середине, вид усечения этих имен отличается от [усечения] остальных. Объяснение, необходимое [для понимания] этих различий, было бы очень длинным.

### Глава седьмая

Вопрос: в каких предложениях (כִּי־כֵן) грамматики употребляют усечение имен?

Ответ: во всех предложениях, которые только есть, т. е. в предложениях всех видов: звательном ([כֹּה־יָדוּעַ]), вопросительном ([כִּי־כֵן־יָדוּעַ]), повелительном ([כִּי־תֵאֵדָבָר]), желательном ([כִּי־יִשְׁׁוּעַ]), повествовательном ([כֹּה־יָדוּעַ]).

Тебе следует знать, что [усечение] употребляется в сопряженном состоянии. Когда אֶחָד присоединяется к אֶלֶךְ [и предшествует ему, усечение] происходит иначе, чем в остальных именах. Например, когда имена: אֶחָד־אֶלֶךְ — „явление“, אֶחָד־אֶתְּמַר — „свидетельство“, אֶחָד־בַּיִת — „дом“, אֶחָד־בְּיָרֵךְ — „город“, אֶחָד־בְּרַשְׁיָה — „просьба“ — мы произносим [рядом] с другим именем, мы говорим: אֶחָד־אֶתְּמַר, אֶתְּמַר־אֶלֶךְ, אֶלֶךְ־בַּיִת, בְּיָרֵךְ־אֶתְּמַר, соединяя их [в сопряженном состоянии] следующим образом: אֶתְּמַר־בַּיִת — „такой-то дом“, אֶתְּמַר־בְּיָרֵךְ — „солнечный город“, אֶתְּמַר־אֶתְּמַר — „явление нашего господа“, אֶתְּמַר־אֶתְּמַר — „правдивое свидетельство“, אֶתְּמַר־אֶתְּמַר — „просьба твоего почитателя“.

В остальных именах оба вида (сопряженное и неопределенное состояния) не различаются: אֶתְּמַר и אֶתְּמַר — „владелец“, אֶתְּמַר и אֶתְּמַר — „муж“, אֶתְּמַר и אֶתְּמַר — „человек“. Соединяем [их] таким образом: אֶתְּמַר־אֶתְּמַר — „доверенный“, אֶתְּמַר־אֶתְּמַר — „осуждающий, обвиняющий человек“. Причина того, что в этих именах сокращаются две буквы, а именно אֶחָד и אֶלֶךְ, в том, что אֶחָד и אֶתְּמַר, которые мы оставляем, являются гласными. Поэтому нам достаточно их для озвученного произношения (אֶתְּמַר אֶתְּמַר), например אֶתְּמַר — „свидетельство“, אֶתְּמַר — „просьба“, אֶתְּמַר — „препятствие“, אֶתְּמַר — „явление“.

Мы употребляем усечение и тогда, когда хотим указать на действие, в котором есть общее сказуемое (אֶתְּמַר אֶתְּמַר), например: אֶתְּמַר אֶתְּמַר — „всякий человек лжив“ (К римлянам 3, 4); אֶתְּמַר אֶתְּמַר — „Каждый христианин — сильный человек“, אֶתְּמַר אֶתְּמַר — „Всякому мужу глава Христос“ (I Коринфянам 11, 3) и другие, подобные этим.

Глава восьмая

Вопрос: для чего все же мы употребляем усечение имен и глаголов?

Ответ: для простоты (קלהליל), и легкости (קלהמאצ) имен, например, [сказать] כל עיר — „каждый город“ легче, чем עירי כל, также [сказать] אי — „муж“ проще, [чем] איני, и עירי עיר — „солнечный город“ легче, чем עירי עיר. В глаголах [усечение употребляется] для той же простоты; например, вместо יצא — „Он выйдет“, мы говорим יצא — „выходи“, [вместо] ייקח — „Он возьмет“, יקח — „возьми“. Иногда же [усечение употребляется] потому, что глаголы можно произнести только в сокращенном виде, например, [повелительное наклонение от глагола] הלך — „Он шел“, הלו — „иди“, [причастие 5-й породы глагола] הלוך — הלכו — „ведущий“, [несовершенное время 3-го л. ед. ч. и 1-е л. мн. ч. глагола] ייקח („Он взял“) — יקח. Я сократил один ו и гласную слога на месте второго ו. Поэтому в древних рукописях может быть ייקח вместо יקח — „Он забудет ключом“; ייקח вместо יקח — „Он проснется“; ייקח вместо יקח — „рассветет“. [Повелительное наклонение глагола] ייקח — „Он взял“ — יקח, [несовершенное время] — יקח. Также глаголы הלך ויקח и הלך ויקח, [о которых упоминалось выше], для краткости и устранения тяжести [звучат] ויקח — „Ты открываешь“ (м. р.), ויקח — „Ты открываешь“ (ж. р.).

Глава девятая

В именах множественного числа также есть усечение. Если [имя в единственном числе кончается на] ל без , ו и ו, [то во множественном числе усекается ל] и к имени присоединяются , ו ו, например: יקח — „мужи“, יקח — „рабы“, יקח — „милостивые“.

Если же [в имени в единственном числе алефу предшествуют] ו и ו, [то во множественном числе усекаются ל, ו], присоединяется ו, и достаточно; например: יקח — „свидетельства“, יקח — „просьбы“.

Когда [в имени в единственном числе алефу предшествуют] , ו ו, [множественное число образуется] так же, как в [слове] וקח — „указание“ [יקח], и во всех именах, подобных ему. Если же [в имени] алефу предшествует , соединенный с ним, [например] וקח — „чистый“, וקח — „избранный“ [то множественное число — וקח, וקח].

Нужно знать, что каждое имя, множественное число которого имеет два וקח над ו и ו, мы сокращаем таким образом: וקח → וקח — „реки“, וקח → וקח — „свидетельства“, וקח →

قده — „просьбы“, и т. д. Те [имена], которые не имеют **а**, а [только] **о**, произносятся следующим образом: **كذبا** → **كبا** — „поколения“, **كذبا** → **كبا** — „святые женщины“, и т. д.

### Глава десятая

[Вопрос]: зависит ли какое-нибудь изменение гласных в именах от двух видов наречия (**كذا** или **كذا**), которые арабы называют сосудом времени или места (**كذا**), т. е. **كذا** **كذا**, а также от союзов (**كذا**), которые арабы называют **كذا** [حروف], и остальных слов, кроме имен и глаголов?

Ответ: никогда. Они только дают [определенный] смысл законченной речи. Ни глаголы не производят изменений в именах, ни имена в именах, ни предлоги, ни наречия, например: **كذا** — „достаточно“, **كذا** — „раньше“, **كذا** — „потом“, **كذا** — „как“, **كذا** — „когда“, **كذا** — „потому что“, **كذا** — „к“, ни союзы: **كذا** — „но“, „для“, „действительно“, и т. д., **كذا** — „но“, „как бы ни“, „затем“ и т. д., **كذا** — „теперь“, „потом“, „так“, „поэтому“ и т. д. — не производят [изменений], а только дают определенный смысл и согласуют имена с глаголами во временах и лицах.

### Глава одиннадцатая

По каким правилам обозначают в сирийском языке определенное имя (**كذا**) и неопределенное (**كذا**), то, что арабы называют **كذا** и **كذا** [نكرة و معرفة]?

Я утверждаю, что определенные и неопределенные имена различаются только благодаря указательным местоимениям **كذا** — „тот“, **كذا** — „та“, **كذا** — „этот“.

Когда мы говорим: **كذا** — „Поднялся господь наш на гору“, то может быть и определенная гора, и не определенная; а когда араб говорит **كذا** [الجبل] — т. е. слово **جبل** имеет определенный артикль: [ال], она [гора] безусловно определенная. Если же он говорит **كذا** [جبل] — т. е. без определенного артикля, то это любая гора. То же самое у сирийцев, например: **كذا** — „И поднялся господь наш на корабль“; в предложении неясно, определенный ли (**كذا**) [это] корабль. Когда же говорят: **كذا** — „на эту гору“, **كذا** — „на эту крышу“, **كذا** — „в этот дом“, **كذا** — „на этот корабль“, **كذا** — „Он вошел в этот город“, **كذا** — „на этот двор“, **كذا** — „Он расстелил

(ее =) одежду“, **ܠܡܘܨܐ ܠܡܘܨܐ** — „он разрубил (его =) ствол дерева“, то эти имена в предложении определенные без всякого сомнения. Сразу известно, какой это дом или город, корабль, гора, ствол дерева, одежда.

### Глава двенадцатая

Почему союзы и остальные [частицы] не управляют именами и глаголами, а буквы, именно **ܐ, ܐ, ܐ, ܐ**, управляют именами и прочими [частями речи]. [Например:] **ܕܘܡܐ** — „дом“, **ܕܘܒܐ** — „муж“, **ܕܘܡܝܐ** — „суд“, **ܕܘܠܠܐ** — „корона“, **ܕܘܠܡܢܐ** — „ученик“ и **ܕܘܡܐ** — „Он строит“, **ܕܘܡܐ** — „Он судит“, **ܕܘܠܠܐ** — „Он совершает“, **ܕܘܠܡܢܐ** — „Он учит“. Когда в этих именах и глаголах начальные буквы, иначе префиксы (**ܕܘܠܡܢܐ**), произносятся твердо, они получают мягкое произношение, если к ним присоединяются четыре буквы, упомянутые выше. [Эти буквы] управляют не только именами и глаголами, но и [всеми] семью частями речи. Когда эти четыре буквы не присоединены, [слова] не изменяются. Действительно, мы ничего не изменяем в словах ни с **ܕܘܡܐ**, ни с **ܕܘܡܝܐ**, ни с **ܕܘܒܐ**, **ܕܘܠܠܐ** и **ܕܘܠܡܢܐ**, они устанавливают конструкцию [предложения], не больше.<sup>3</sup> Это [для того], чтобы отличать буквы [**ܕܘܠܡܢܐ**], которые могут произноситься с придыханием или без придыхания, от букв, не имеющих этого свойства (**ܕܘܠܡܢܐ ܠܡܘܨܐ**) и не изменяемых (**ܕܘܠܡܢܐ ܕܘܠܡܢܐ**), чтобы знать, что [эти] четыре буквы [**ܐ, ܐ, ܐ, ܐ**] присоединенные дают определенный смысл словам и предложениям и разумно приняты в сирийском языке.

### Глава тринадцатая

О качестве [качественном определении глагольного действия при помощи наречия] (**ܕܘܠܡܢܐ**), которое арабы называют **ܕܘܠܡܢܐ** [**الحال**], и о сказуемом (**ܕܘܠܡܢܐ ܕܘܠܡܢܐ** или **ܕܘܠܡܢܐ**), которое арабы называют **ܕܘܠܡܢܐ ܕܘܠܡܢܐ** [**الخبر**], которые нужно определить, а также об определяющем прилагательном (**ܕܘܠܡܢܐ ܕܘܠܡܢܐ**), которое арабы называют **ܕܘܠܡܢܐ** [**النعت**]

Все эти [понятия] известны сирийцам. Они [т. е. качественное определение, сказуемое, определяющее прилагательное] не нуждаются в изменении вокализации, например: **ܕܘܠܡܢܐ ܕܘܠܡܢܐ** — „Такой-то оратор“,

<sup>3</sup> *Bertram (Syrische Grammatik, p. 15, Nota 2) предлагает читать вместо ܕܘܠܡܢܐ — „конструкция, композиция“, ܕܘܠܡܢܐ — „смягчение“. Но ܕܘܠܡܢܐ и ܕܘܠܡܢܐ обозначают гласные в сирийском языке. ܕܘܠܡܢܐ и ܕܘܠܡܢܐ — знаки пунктуации. Они никак не влияют на мягкое или твердое произношение звуков, поэтому мы считаем, что в тексте ошибки нет и нужно читать не ܕܘܠܡܢܐ, а ܕܘܠܡܢܐ.*

קִיפֵּיז אַמֵּל — „Иосиф прекрасный“, מוֹיִשֵׁיז דִּמְלֵכָה קַלֵּל — „Моисей — мягко правящий“, קֹהֵן כִּמְחָה קַחִיר — „Иеремия был священником“. Если мы поставим имена [подлежащие] в конце, мы получим такой смысл: קַלֵּל קֹהֵן אֲדִמְרָה מוֹיִשֵׁיז — „Кротким был Моисей“, אַמֵּל ק(א)וֹן קִיפֵּיז — „Прекрасным был Иосиф“, קַחֵר קַחֵר — „Пророчествующий — Исая“. יָדָבֵר יְדִבֵּר — „Поющий псалмы Давид“, קַלֵּל מוֹיִשֵׁיז דִּמְלֵכָה — „Славно правящий — Моисей“, קֹהֵן כִּמְחָה קַחִיר — „Священником был Иеремия“. Мы только присоединяем к имени, [когда оно впереди, ударение] קַלֵּל.

Когда [определяемым] именам предшествуют качество [качественное определение], сказуемое и определяющее прилагательное, предложение читается с קַלֵּל, קַלֵּל отбрасывается. דִּמְלֵכָה — „славно“, דִּמְלֵכָה — „мягко“ и остальные, подобные им, — [имена] качества; קַחֵר — „пророчествующий“ и остальные [подобные] — сказуемые; כִּמְחָה — „священник“, קַלֵּל — „мягкий“ и остальные, [подобные им], — определяющие прилагательные, согласно Аристотелю.

Когда определяющее прилагательное стоит впереди, предложение (קַחֵר אֲדִמְרָה) читается с קַלֵּל. Например, мы читаем у Иоанна: קַחֵר אֲדִמְרָה אֲדִמְרָה — „Дух есть бог“ (Иоанн 4, 24), где קַחֵר — имя, אֲדִמְרָה — определяющее прилагательное. Если бы мы поставили впереди имя, мы прочитали бы таким образом: אֲדִמְרָה אֲדִמְרָה קַחֵר („Бог есть дух“), т. е. с אֲדִמְרָה и אֲדִמְרָה. И далее, мы читаем в Ветхом завете: אֲדִמְרָה אֲדִמְרָה אֲדִמְרָה אֲדִמְרָה — „Бог наш есть огонь поедающий“ (Второзаконие 4, 24), где אֲדִמְרָה — „имя, אֲדִמְרָה אֲדִמְרָה — определяющее прилагательное. У Даниила читаем подобное же: אֲדִמְרָה אֲדִמְרָה אֲדִמְרָה — „Иудеем сделался царь“ (Даниил 14, 28), у апостола: אֲדִמְרָה אֲדִמְרָה אֲדִמְרָה אֲדִמְרָה — „Павел, раб Иисуса Христа“ (К римлянам 1, 1), где אֲדִמְרָה — имя, אֲדִמְרָה — определяющее прилагательное; в деянии апостолов: אֲדִמְרָה אֲדִמְרָה אֲדִמְרָה — „пророком же будучи“ (Деяния апостолов 2, 30), где אֲדִמְרָה — определяющее прилагательное, אֲדִמְרָה („он был“) — местоимение, которое обозначает Давида; так что предложение таково: אֲדִמְרָה אֲדִמְרָה אֲדִמְרָה — „будучи же пророком, Давид“.

Повествование имеет много или мало ударений в зависимости от долготы и краткости мыслей речи, [выраженных в форме] предложения или фразового члена. Читаем ли мы с אֲדִמְרָה или с אֲדִמְרָה,<sup>4</sup> קַלֵּל

<sup>4</sup> Или с אֲדִמְרָה — по Бар Зоби. См.: Syrische Grammatik, p. 23, Nota 2 — немецкого перевода.





Четвертая [форма]:  $\text{רַחֲמֵיךָ אֱלֹהֵינוּ}$  — „Рассерди эту женщину“. [Глаголы]  $\text{רַחֵם}$  — „рассерди“,  $\text{שָׁמַע$  — „послушай“,  $\text{אָהַב}$  — „полюби“, во множественном числе  $\text{רַחֲמֵם}$ ,  $\text{שָׁמַעְתֶּם}$ ,  $\text{אָהַבְתֶּם}$ , в изъявительном и повелительном наклонениях читаются одинаково. Неправильно делают [восточные] сирийцы, которые говорят только  $\text{רַחֲמֵם}$  или  $\text{אָהַבְתֶּם}$ , если они употребляют [глагол] в повелительном наклонении. Чтобы отличить глагол, стоящий в повелительном наклонении, от [глаголов в] изъявительном, нужно говорить:  $\text{רַחֲמֵםְ}$ ,  $\text{שָׁמַעְתֶּםְ}$ ,  $\text{אָהַבְתֶּםְ}$ .

Пятая [форма]: в глаголах  $\text{קָדַשׁ}$  — „освятить“,  $\text{בָּרַךְ}$  — „благослови“, [во множественном числе]  $\text{קָדַשְׁתֶּם}$ ,  $\text{בָּרַכְתֶּם}$  [с местоименным суффиксом]  $\text{אֱנִי}$ ,  $\text{אַתָּה}$ ,  $\text{אֲנֵינוּ}$  [формы] повелительного и изъявительного наклонений одинаковы. Также в священном писании мы читаем:  $\text{אֲנִי וְאַתָּה}$  — „Прославляйте и воспевайте его“, но в повелительном наклонении нужно произносить  $\text{אֲנִיִּי}$ , [так же как]  $\text{אַתָּהִי}$  и  $\text{אֲנֵינוִּי}$ .

Шестая [форма]:  $\text{רָאָה}$  — „возвысь“,  $\text{פָּחַד}$  — „испугай“, [во множественном числе]  $\text{רָאָהְתֶּם}$ ,  $\text{פָּחַדְתֶּם}$ , в повелительном и изъявительном наклонениях читаются одинаково. Если ты хочешь различить их, скажи:  $\text{רָאָהְתֶּםְ}$ ,  $\text{פָּחַדְתֶּםְ}$  — это собственно [формы] повелительного наклонения.

Седьмая [форма]: [глаголы]  $\text{דַּבֵּר}$  — „скажи“,  $\text{בִּיאַרְךָ}$  — „уходи“,  $\text{עָשָׂה}$  — „сделай“,  $\text{אָהַב}$  — „полюби“,  $\text{נִסֶּה}$  — „попробуй“,  $\text{נָשָׂא}$  — „неси“,  $\text{שָׂאֵל}$  — „оставь“,  $\text{קָנָה}$  — „купи“ все одинаковым образом присоединяют [местоименный суффикс] 3-го л.:  $\text{אֲנִיִּי}$ ,  $\text{אַתָּהִי}$ ,  $\text{אֲנֵינוִּי}$ ,  $\text{אֲנִיִּיִּי}$ ,  $\text{אַתָּהִיִּי}$ ,  $\text{אֲנֵינוִּיִּי}$ . Так же присоединяется соответствующий  $\text{אֲנִי}$ :  $\text{אֲנִיִּיִּי}$ ,  $\text{אַתָּהִיִּי}$ ,  $\text{אֲנֵינוִּיִּי}$ .

Восьмая [форма]:  $\text{נִחַם}$  — „пачкай“,  $\text{נָחַם}$  — „утешь“,  $\text{נִחַמְתֶּם}$ ,  $\text{נָחַמְתֶּם}$ ,  $\text{נִחַמְתֶּםְ}$ ,  $\text{נָחַמְתֶּםְ}$  и нужно еще читать  $\text{אֲנִיִּיִּי}$  и  $\text{אַתָּהִיִּי}$ , потому что первые [формы] одинаковы и в изъявительном, и в повелительном наклонениях. Один из учителей чтения читал  $\text{נִחַמְתֶּםְ}$ , чтобы отличить от изъявительного наклонения  $\text{נִחַמְתֶּם}$ ; он должен был поэтому соответственно читать  $\text{נִחַמְתֶּםְ}$ . Но у пророка Исаии повелительное наклонение  $\text{נִחַמְתֶּם}$  — „утешайте“, поэтому мы читаем  $\text{נִחַמְתֶּםְ}$ .

Девятая [форма]: в глаголах  $\text{רָאָה}$  — „смотри“,  $\text{שָׂדָה}$  — „радуйся“,  $\text{שָׂדָה}$  —



[3]. Времени (כֹּחַ): כֹּחַ הָיָה לְחִירָם — „Хирам жил во времена Давида“.

[4]. Целого (כֶּלֶל): מַחְסֵי כֶּלֶל הַגֵּוֹ — „Рука — часть тела“.

[5]. Частей [целого] (כְּחֵצָיו): מַחְסֵי כְּחֵצָיו הַגֵּוֹ — „Тело состоит из членов“.

[6]. Рода (מַחְסֵי): אִישׁ וְחֵמָר מַחְסֵי חַיִּים — „Человек и лошадь — живые существа“.

[7]. Вида (מַחְסֵי): מַחְסֵי חַיִּים הַחַיִּים — „Живое существо — человек“.

[8]. Деятеля (מַחְסֵי): כִּסֵּי הַבַּיִת מַחְסֵי הַבַּיִת — „Кресло [сделано] плотником“.

[9]. Вида или образа (מַחְסֵי הַדָּמיוֹן מַחְסֵי הַבַּיִת): מַחְסֵי הַבַּיִת מַחְסֵי הַבַּיִת — „Кресло [соответствует] своему виду“.

[10]. Цели (מַחְסֵי): מַחְסֵי הַבַּיִת מַחְסֵי הַבַּיִת — „Кресло для сидения“.

[11]. Типа (מַחְסֵי): מַחְסֵי הַבַּיִת מַחְסֵי הַבַּיִת — „Кресло [сделано] по мысли плотника“.

[12]. Инструмента (מַחְסֵי הַיָּד): כִּסֵּי הַבַּיִת מַחְסֵי הַבַּיִת — „Инструментом, или орудием действия, было [сделано] кресло“, или — „Мечом был убит преступник“.

[13]. Материи (מַחְסֵי): מַחְסֵי הַבַּיִת מַחְסֵי הַבַּיִת — „Вид или образ [суть] состоят из материи“.

[14]. Субъекта (מַחְסֵי הַיָּד), который определяет событие, например: מַחְסֵי הַבַּיִת — „черноволосый [человек]“, מַחְסֵי הַבַּיִת — „соленость — в море“.

Теперь о י. Он указывает на принадлежность (מַחְסֵי) всевозможных видов и [употребляется] в сопряженном состоянии для присоединения, например: מַחְסֵי הַבַּיִת — „дом бога“, מַחְסֵי הַבַּיִת — „род Израиля“, מַחְסֵי הַבַּיִת — „господин раба“, מַחְסֵי הַבַּיִת — „учитель ученика“, מַחְסֵי הַבַּיִת — „жена мужа“.

ל указывает на пассивность (מַחְסֵי), место [направления], например: מַחְסֵי הַבַּיִת — „Иисус вошел в дом“; время, например: מַחְסֵי הַבַּיִת — „Иисус пришел утром“; сопровождение, например: מַחְסֵי הַבַּיִת — „Валак взял Валаама“ (Числа 22, 41); מַחְסֵי הַבַּיִת — „Я взял тебя, чтобы проклясть врагов моих“ (Числа 23, 11), т. е. [здесь] это причина. Иногда ל присоединяется вместо הַבַּיִת, например: מַחְסֵי הַבַּיִת — „Он послал к Валааму и к знатым, которые с ним“, т. е. מַחְסֵי הַבַּיִת — „к ним“. Иногда ל присоединяется вместо י, например: מַחְסֵי הַבַּיִת — „Они пытались схватить“

его". Еще лучше сказать **ܡܘܠܝܢܝܬܐ ܕܥܒܪܐ** [Когда **ܐ**] присоединяется к глаголам, глагол становится предикативным прилагательным (**ܟܕܥܒܪܐܝܬܐ**), т. е. причастием (**ܟܒܪܐ ܕܥܒܪܐ**); например: **ܕܒܪܐ** [**ܐ**] — „делающий“. **ܐ** и **ܐ** присоединяются к глаголам, когда есть **ܐ**, например: **ܕܒܪܐ** — „действующему“, **ܕܒܪܐ** — „благодаря действующему“, **ܕܥܒܪܐ** — „существующий“, **ܕܥܒܪܐ** — „существующему“, **ܕܥܒܪܐ** — „тот, который будет существующим“, **ܕܥܒܪܐ** — „тому, который будет существующим“.

Грек называет [буквы **ܐ**, **ܐ**, **ܐ**] падежами (**ܟܕܥܒܪܐ**): **ܐ** — родительным падежом (**ܟܕܥܒܪܐ**), например: **ܕܒܪܐ** — „мужа“; **ܐ** — дательным падежом (**ܟܕܥܒܪܐ**), например: **ܕܒܪܐ** — „мужу“, **ܐ** — причинным падежом (**ܟܕܥܒܪܐ**), например: **ܕܒܪܐ** — „из-за, для мужа“.

Звательный падеж (**ܟܕܥܒܪܐ**) [в сирийском языке] выражается двояким образом. [Во-первых], не при помощи какой-нибудь буквы, (например, **ܐ**, **ܐ**, **ܐ**), а при помощи члена (**ܟܕܥܒܪܐ**), который называется наречием (**ܟܕܥܒܪܐ**): **ܕܒܪܐ ܐܪ** — „О, муж!“. В греческом же языке [звательный падеж образуется] при помощи буквы, влияющей на изменение гласной имени. Во-вторых, [звательный падеж] в сирийском языке [образуется] без всякой буквы, например: **ܕܥܒܪܐ** — „О, Авраам!“, **ܕܥܒܐ** — „О, Моисей!“. [Звательный падеж выражается еще при помощи] ударений (**ܟܕܥܒܪܐ**) **ܕܥܒܐ** или **ܕܥܐܐ**, которые мы ставим при имени, например: **ܕܥܐܐ ܕܥܒܐ ܕܥܐܐ** — „Господи, услышь мою молитву!“; **ܕܥܐܐ ܕܥܐܐ ܕܥܐܐ** — „О, муж, приди ко мне!“. Почему Аристотель устанавливает четыре падежа, а греческие грамматики пять? Аристотель более прав, чем грамматики, потому что, например, в арабском языке три изменения (**ܟܕܥܐܐ**) имен. Когда к имени не присоединяется ни одна гласная, они [арабы] называют его [имя] **ܕܥܐܐ** — безгласным (неподвижным). То же самое в греческом языке. [Например], **ܕܥܐܐ** — „муж“ они называют в качестве образца прямого падежа (**ܟܕܥܐܐ ܕܥܐܐ**), потому что к нему не присоединены частицы, а в действительности потому, что нет изменения [гласных] (**ܟܕܥܐܐ**). Следовательно, когда нет падежа и префиксов (**ܟܕܥܐܐ** или **ܟܕܥܐܐܐ**), как в сирийском языке, [именно:] **ܐ**, **ܐ** или **ܐ**, мы не говорим, что имя получает падеж, [так же как] если мы не ставим **ܕܥܐܐ**, **ܕܥܐܐ**, **ܕܥܐܐ** или **ܕܥܐܐ**, мы не говорим, что [имя] получило падеж или ударение. Если нет дополнения [к имени, выраженного частицей или ударением], то изменяется имя или не изменяется — все равно, это некрасиво.

## Глава семнадцатая

[Вопрос]: Существует ли в сирийском языке правило о движении (**ܟܕܥܐܐ**) и покое (**ܟܕܥܐܐ**) согласных, как у арабов, которые говорят, что две согласные в их словах могут иногда находиться в движении



арамейских языков, одна согласная движущаяся, другая в покое, или наоборот, например: **ܘܫܝܥ** — „услышал“, **ܘܩܝܒ** — „приблизился“, **ܘܩܝܡ** — „был“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „поднялся“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „был святым“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „приди!“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „повернись“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „вылечил“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „Я люблю“. **ܘ** и **ܘܘ**, тяжелые, [т. е. долгие гласные] в следующих примерах: **ܘܩܝܡܝܢ** — „Они встанут“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „Они знающие“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „Они будут поститься“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „Они сделают“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „Они оставили“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „Они постыющиеся“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „Они любили“. Эти же **ܘ** и **ܘܘ**, являются тяжелыми, [т. е. долгими], благодаря ударению в конце глаголов перед **ܘܩܝܡܝܢ**. Жителю Эдессы потребовалось отнести к согласным буквам алфавита [**ܘܩܝܡܝܢ**] **ܘ** и **ܘܘ**, подобные этим [вышеназванным], а не каждые **ܘ** и **ܘܘ**, так же, как у арабов. Так же [в формах]: **ܘܩܝܡܝܢ** — „повернись“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „приблизься“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „опустоши“ — нужно считать, что **ܘܩܝܡܝܢ** движущийся, а не [буква], которая предшествует ему. Слушателю кажется, что буквы, которые стоят перед этими **ܘ** и **ܘܘ**, движутся из-за соединения слогов (**ܘܩܝܡܝܢ**) или звуков (**ܘܩܝܡܝܢ**)<sup>5</sup> и последовательного расположения букв в языке, но вернее всего из-за того, что эти буквы (**ܘ** и **ܘܘ**) являются гласными (**ܘܩܝܡܝܢ**), сирийцы дают им движение.

Поэтому, если кто-нибудь скажет, что, когда говорят **ܘܩܝܡܝܢ** — „человек“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „раб“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „бог“, движутся не **ܘܩܝܡܝܢ**, **ܘܩܝܡܝܢ**, **ܘܩܝܡܝܢ**, а **ܘܩܝܡܝܢ**, которому вы назначили находиться в покое, мы ответим, что **ܘܩܝܡܝܢ**, как гласная буква, всецело дает движение другим буквам и главенствует среди остальных (**ܘ** и **ܘܘ**).

**ܘ** и **ܘܘ**, гласные, как **ܘܩܝܡܝܢ**. Поэтому не нужно смешивать гласную с другими [буквами] и непоследовательно, как было сказано, писать **ܘ** и **ܘܘ**, не так, как **ܘܩܝܡܝܢ**.

[В словах]: **ܘܩܝܡܝܢ** — „муж“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „прыгающий“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „слушание“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „противодействующий“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „Он приблизился“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „Он любил“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „Он поднял“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „царь“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „господин“ — все [буквы] движущиеся, **ܘܩܝܡܝܢ** — нет. Следовательно, **ܘ** и **ܘܘ**, не являются движущими в словах, которые были упомянуты выше, их можно удалить из знаков шрифта, так, как **ܘܩܝܡܝܢ** в [словах]: **ܘܩܝܡܝܢ** — „разделенный“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „стоящий“ [вместо **ܘܩܝܡܝܢ** и **ܘܩܝܡܝܢ**] — всякий раз, когда они легкие, [т. е. краткие]. Только не все сирийцы делают это. Поэтому есть вокализация (**ܘܩܝܡܝܢ**) над **ܘ** и **ܘܘ**, а не над остальными буквами, когда они произносятся с **ܘܩܝܡܝܢ** или **ܘܩܝܡܝܢ**. [В словах]: **ܘܩܝܡܝܢ** — „раб“ и **ܘܩܝܡܝܢ** — „бог“ — огласованы **ܘܩܝܡܝܢ** и **ܘܩܝܡܝܢ**, а не **ܘܩܝܡܝܢ**, так же как есть **ܘܩܝܡܝܢ**, **ܘܩܝܡܝܢ** или **ܘܩܝܡܝܢ**, а **ܘܩܝܡܝܢ** не [огласован] в **ܘܩܝܡܝܢ** — „царь“,

<sup>5</sup> См.: *Syrische Grammatik*, p. 31, Nota 4 — немецкого перевода.

ܠܝܐ — „прыгающий“, ܠܝܢ — „господин“. Эти гласные составляют половину ܠ (ܠ ܕܝܐܠܐ).

Следовательно, [восточные] сирийцы и арабы, которые придерживаются правил и соблюдают истину в своем языке, более правы, чем жители Эдессы. Если они отбрасывают иногда ܐܠܐ, ܐ и , также [отбрасываются]. Половину ܠ, ܐ, , они [арабы] называют гласными, которые ставятся над согласными буквами. Араб гласные буквы ܠ, ܐ называют слабыми буквами (ܠܘܐܝܠܐ ܠܘܐܝܠܐ), слабость которых будто бы не способствует никакому движению имен и глаголов, в которых они имеются наряду со всеми другими [буквами]. Мне кажется, им [арабам] нужно называть слабыми все буквы, кроме ܠ, ܐ, ,, потому что они слышны, а те [согласные] не слышны. Следовательно, только из-за движения, которое происходит благодаря гласным, они [остальные буквы] сильные.

### Глава восемнадцатая

Почему в грамматическом искусстве греческого и арабского языков есть продолжительность и широта, в сирийском же языке оно [искусство] краткое и ограниченное? Мы говорим [об этом] — потому, что имена и глаголы в сирийском языке определенные и несклоняемые, они не получают никакого изменения гласных и не испытывают воздействия частиц и наречий времени и места. Глаголы не управляют именами, так же как имена [не управляют] именами. Звательные и утвердительные частицы и частицы сравнения также не управляют именами или глаголами, только придают и добавляют смысл, не изменяя гласных в именах и глаголах, как это принято в арабском языке согласно законам и правилам, которые в нем имеются. Также нет пяти падежей (ܠܘܐܝܠܐܝܠܐ или ܘܘܐܝܠܐܝܠܐ и ܠܘܠܐܝܠܐ), которые употребляются в греческом языке.

Изменения (ܠܘܐܝܠܐܝܠܐ) [слов] в сирийском языке есть, но только благодаря первым буквам [слов], как мы упоминали выше.

Другая причина того, что грамматическое искусство в сирийском языке не совершенно, [состоит] в том, что каждый из [грамматиков], излагая что-нибудь, не упоминает о других [грамматиках]; [в то время как если бы] соединить их [сведения] в одну ткань, грамматика, или наука об усовершенствовании сирийского языка (ܠܘܠܐܝܠܐܝܠܐ) приобрела бы совершенство.

Иаков Эдесский и другие упоминали о частях речи, о их связи, говорили о формах [слов]. Хонейн бар Исхак [писал] относительно сказуемого и подлежащего, предложения, которое является заключительной частью высказывания; Иосиф Хузайя, Рамишо и остальные восточные [грамматики] — о видах пунктуации, о различных [ее] значениях и о всех ее подразделениях.

В восточных школах по традиции получают и передают друг другу [все правила о ударении], а именно: ܠܘܐܝܠܐܝܠܐ, ܠܘܠܐܝܠܐ, ܠܘܠܐܝܠܐ, ܠܘܠܐܝܠܐܝܠܐ,

правила, [касающиеся] глаголов и их спряжений, имен, их корней, согласных букв, которые сокращаются без ущерба, и тех, которые не сокращаются, предшествуют [словам]. Ясно, что если бы все это было объединено в одну ткань, грамматика сирийского языка стала бы большим искусством. Если бы это было не так, [то] как были бы понятны цель и возникновение книг, не только священных, но также логических и медицинских.

### Глава девятнадцатая

Имеет ли определяющее прилагательное (ܐܘܪܘܟܐ) или наречие (ܐܘܪܘܟܐ) какой-нибудь вполне законченный смысл (ܐܘܪܘܟܐ) без сказуемого или глагола, указывающего на время? Никогда, если действие не раскрывается словом, соответствующим [глаголу] по силе и значению. Потому что, если мы скажем: ܐܘܪܘܟܐ ܐܘܪܘܟܐ — „Моисей славно“, ܐܘܪܘܟܐ ܐܘܪܘܟܐ — „Илья справедливо“, [то] ничего не добьемся. Следовательно, нужно продолжить: ܐܘܪܘܟܐ ܐܘܪܘܟܐ ܐܘܪܘܟܐ — „Моисей славно говорил“, ܐܘܪܘܟܐ ܐܘܪܘܟܐ ܐܘܪܘܟܐ — „Илья справедливо указал“. Если мы скажем: ܐܘܪܘܟܐ ܐܘܪܘܟܐ — „Моисей-пророк“, ܐܘܪܘܟܐ ܐܘܪܘܟܐ — „Илья-священник“, не добавляя ܐܘܪܘܟܐ — „был в качестве священника“ или ܐܘܪܘܟܐ — „действовал как пророк“, [полноты смысла не получится]. Так же, когда комментаторы читают в псалмах: ܐܘܪܘܟܐ ܐܘܪܘܟܐ ܐܘܪܘܟܐ — „свет, который сияет праведным“ (Псалмы 97, 11) — глагол ܐܘܪܘܟܐ из-за частицы, которая поставлена [в начале], становится определяющим прилагательным (ܐܘܪܘܟܐ), а именно: ܐܘܪܘܟܐ ܐܘܪܘܟܐ — „сияющий свет“. Следовательно, частица ܐܘܪܘܟܐ изменяет смысл [слова], и из предложения (ܐܘܪܘܟܐ) ничего не понятно. Поэтому нужно, чтобы предложение [выглядело] так, как сказал Мар Ефрем: ܐܘܪܘܟܐ ܐܘܪܘܟܐ ܐܘܪܘܟܐ — „Свет сияет праведным“. Мар Нарсай дополнил и присоединил заключительную часть предложения: ܐܘܪܘܟܐ ܐܘܪܘܟܐ ܐܘܪܘܟܐ ܐܘܪܘܟܐ — „Свет, который излучал Христос, радовал землю и небо“. Ты должен знать, что если определяющее прилагательное следует за глаголом или предшествует ему, ничего вредного нет, например: ܐܘܪܘܟܐ ܐܘܪܘܟܐ ܐܘܪܘܟܐ — „Мужи свидетельствовали правдивые“, и еще: ܐܘܪܘܟܐ ܐܘܪܘܟܐ — „[Правдивые] мужи свидетельствовали“. Примеры на определение определений (ܐܘܪܘܟܐ ܐܘܪܘܟܐ): ܐܘܪܘܟܐ ܐܘܪܘܟܐ ܐܘܪܘܟܐ — „Мужи свидетельствующие — праведные“, ܐܘܪܘܟܐ ܐܘܪܘܟܐ ܐܘܪܘܟܐ — „Мужи сирийские — справедливые“, ܐܘܪܘܟܐ ܐܘܪܘܟܐ ܐܘܪܘܟܐ — „Мужи сирийские — превосходные“.

Но бывает еще так, что определение скрывается в [слове, которое является именем], например: ܐܘܪܘܟܐ ܐܘܪܘܟܐ ܐܘܪܘܟܐ — „Мужезнатные — справедливые и возвышенные“, ܐܘܪܘܟܐ ܐܘܪܘܟܐ ܐܘܪܘܟܐ — „Муж-некий — пророк, жрец и царь“. Определение (ܐܘܪܘܟܐ), которое

присоединено к первому [имени], [является] именем относительно второго [определения имени], и значение [второго] имени также относится к первому [имени], т. е.  $\text{כֹּהֵן}$ .

Благодаря силе соединения [возможно также] предложение, как например:  $\text{כֹּהֵן מֹשֶׁה}$  — „Моисей — пророк“, т. е. [подразумевается] есть или был. Так же соединяется мысль, если глагол предшествует имени и определяющему прилагательному; как например:  $\text{כֹּהֵן אֱמֻנָה}$   $\text{כֹּהֵן}$  — „Свидетельствовали мужи праведные“,  $\text{כֹּהֵן דִּבְרֵי חַסְדִּים}$  — „Говорили мужи справедливые“,  $\text{כֹּהֵן מַעֲשֵׂי קֳדְשׁ}$  — „Священнодействовали мужи превосходные“,  $\text{כֹּהֵן מַעֲשֵׂי מַלְאָכִים}$  — „был сделан пророком муж возвышенный“.

### Глава двадцатая

Почему, когда женский и мужской род объединяются в одном слове во множественном числе, мы считаем, [что это слово] — мужского рода. Потому, что мужской род более высок, чем женский. Так, вследствие превосходства мужского рода глагол, который [указывает] на нечто мужского рода в прошедшем времени, обозначает женский род множественного числа, например:  $\text{עָשָׂה}$  — „Он сделал“.

То же в арабском языке. Соединенные в одно имена мужского и женского рода во множественном числе ( $\text{مُؤْمِنَات}$ ) — мужского рода, как [например] в Евангелии от Луки:  $\text{אֵלֶּם אֲנִי אֲמַלְאִים אֲנִי אֲמַלְאִים}$  — „а сподобившиеся достигнуть того века и воскресения из мертвых“ (Лука 20, 35), т. е. [лица] мужского и женского рода, ибо оба рода воскресают. Признаком того, что он (Лука) соединил [два рода в одном слове, является глагол]  $\text{לֹא יִנָּשְׂאוּ}$  — „не женятся...“, т. е. мужчины, так же как „женщины не выходят замуж“. Такими словами<sup>6</sup> он [Лука] истолковал первое предложение. Тебе следует знать, что каждый глагол единственного числа мужского рода, будь он в активном или пассивном залоге, может обозначать множественное число женского рода, например:  $\text{עֵינַי מְחַוֵּת לְשִׁלְוָתְךָ}$  — „Очи мои, ожидая спасения твоего“

(Псалмы 118, 123),  $\text{עֲשֵׂה לִבִּי מַחְשָׁבֹת}$  — „Скорби сердца моего умножились“ (Псалмы 25, 17). В Евангелии написано:  $\text{וְנָשִׂים רַבּוֹת מְרִיבוֹת וְנָשִׂים רַבּוֹת מְרִיבוֹת}$  — „и некоторые женщины, которые исцелились от злых духов и болезней“ (Лука 8, 2). Глагол  $\text{מְרִיבוֹת}$  в пассивном, а не в активном залоге. В псалмах Давида мы читаем так:  $\text{אֲבִלְחִתְּנָה וְאֲבִלְחִתְּנָה אֲבִלְחִתְּנָה}$  — „Дрогнули и подвиглись основания гор“ (Псалмы 18, 8).

<sup>6</sup> Илья Тирханский имеет в виду дальнейший текст Евангелия от Луки.



ܠܫܘܢܐ — „Да будут с вами мир и любовь“. Если же несколько понятий относятся к одному виду, глагол стоит во множественном числе, [независимо от того], предшествует он [имени] или следует [за ним], например: ܩܘܡܝ ܕܥܡܝܢܝܢ — „Пришли мужи“, ܩܘܡܝܢܝܢ ܕܥܡܝܢܝܢ — „Совершили священники“, ܩܘܡܝܢܝܢ ܕܥܡܝܢܝܢ — „Говорили люди“, ܩܘܡܝܢܝܢܐ — „пришли женщины“, ܩܘܡܝܢܝܢܐ — „Они молились“, ܩܘܡܝܢܝܢܐ — „Они слушали“.

### Глава двадцать третья

Постоянно существует различие между глаголом, стоящим в женском роде множественного числа, в изъявительном [наклонении, и глаголом] в повелительном наклонении [этого же рода и числа]. Это правило относится и к глаголу, стоящему в мужском роде, например: ܩܘܡܝ — „Он сделал“ в изъявительном наклонении, в повелительном: ܩܘܡ — „сделай“. Во множественном числе женского рода: ܩܘܡܝܢܝܢܐ — „Сделали женщины“, ܩܘܡܝܢܝܢܐ — „Сделайте, девушки“. В этих [примерах] глаголы в изъявительном наклонении отличаются от глаголов в повелительном наклонении. Они одинаковы в следующих примерах: ܩܘܡܝܢܝܢܐ ܕܥܡܝܢܝܢܐ — „Тот, который освятил бога“, ܩܘܡܝܢܝܢܐ ܕܥܡܝܢܝܢܐ — „Прославил Самуил господу“; эти [глаголы стоят] в изъявительном наклонении. Когда глагол должен быть в повелительном наклонении, ты скажешь так: ܩܘܡܝܢܝܢܐ ܕܥܡܝܢܝܢܐ... ܩܘܡܝܢܝܢܐ — „О, человек, прославь Христа..., благослови господу“. В женском роде в изъявительном наклонении: ܩܘܡܝܢܝܢܐ — „Прославляют женщины“, ܩܘܡܝܢܝܢܐ — „Благославляют женщины, ܩܘܡܝܢܝܢܐ — „Боготворят девушки“, иначе: ܩܘܡܝܢܝܢܐ, ܩܘܡܝܢܝܢܐ [эти формы тоже являются] формами изъявительного наклонения. Когда глагол должен стоять в повелительном наклонении, [его формы следующие]: ܩܘܡܝܢܝܢܐ, ܩܘܡܝܢܝܢܐ, ܩܘܡܝܢܝܢܐ. В изъявительном наклонении [имеются] две формы, а в повелительном наклонении одна форма, и достаточно.

### Глава двадцать четвертая

Которая указывает на спряжение (ܩܘܡܝܢܝܢܐ) глаголов, а также на путанность сирийского языка

Да будет тебе известно, что каждый глагол, который произносится с ܩܘܡܝܢܝܢܐ внизу в изъявительном наклонении, в форме повелительного наклонения изменяет [гласную] на ܩܘܡܝܢܝܢܐ, например: ܩܘܡܝܢܝܢܐ — „Он отдыхает“, ܩܘܡܝܢܝܢܐ — „отдыхай“, ܩܘܡܝܢܝܢܐ — „Он согнулся“,

שָׁבֵת — „сгибайся“, נִסְּבֵת — „Он был посажен“, יִשְׁבֵת — „садись“, יִשְׁבֵת — „Он наклонился“, יִשְׁבֵת — „наклонись“, יִשְׁבֵת — „Он доверился“, יִשְׁבֵת — „доверься“, и остальные, подобные этим.

Те [глаголы], которые произносятся не с נִסְּבֵת, в изъявительном и повелительном наклонении читаются одинаково, например: יִשְׁבֵת — „Он изменился“, יִשְׁבֵת — „Он стал несчастным“, יִשְׁבֵת — „Он насладился“, יִשְׁבֵת — „Он томился“, יִשְׁבֵת — „Он намазал ровно“, יִשְׁבֵת — „Он жадно захватил“. Если же кто-нибудь будет против этих [примеров], потому что в священном писании [есть предложения], которые не следуют этому правилу, как то, что написано в 25 главе пророка Исайи: יִשְׁבֵת יִשְׁבֵת — „Отряси с себя прах“ (Исайя 52, 2),

и в житии апостолов в главе 11: יִשְׁבֵת — „опояшься“ (Деяния апостолов 12, 8), то пусть он знает, что эти [глаголы] поставлены в повелительном наклонении и мы не изменяем их чтение из-за общей традиции.

Можно привести еще и другие доказательства: יִשְׁבֵת — „откажитесь“.

В 12-й главе книги чисел [есть глаголы] в повелительном наклонении, и среди них [глагол] יִשְׁבֵת, а также יִשְׁבֵת — „опояшься“, יִשְׁבֵת — „бросайся“, יִשְׁבֵת — „дрожи“, יִשְׁבֵת — „брось вниз“. Если кто-нибудь [глагол] יִשְׁבֵת — „он отказался“, прочтет [в повелительном наклонении] (как) יִשְׁבֵת יִשְׁבֵת ... יִשְׁבֵת — „Откажись ... от выкупа“, то он прочтет правильно. Так же יִשְׁבֵת יִשְׁבֵת — „Поверни с пути“, יִשְׁבֵת יִשְׁבֵת — „Вернись смиренным“ и еще יִשְׁבֵת — „смирись“.

Если же кто-нибудь возьмет другие глаголы, как יִשְׁבֵת — „открой“, יִשְׁבֵת — „разверни“, יִשְׁבֵת — „послушай“, יִשְׁבֵת — „дрожи“, чтобы упразднить это правило, пусть он узнает сначала, что эти буквы [יִשְׁבֵת] не примыкают к остальным, потому что, когда они стоят в конце глаголов, согласная, которая предшествует им, не может произноситься с נִסְּבֵת. Поэтому мы не говорим יִשְׁבֵת, יִשְׁבֵת, יִשְׁבֵת и изменяем [гласную] в повелительном наклонении: יִשְׁבֵת — „будь радостным“, יִשְׁבֵת — „будь дрожащим“, יִשְׁבֵת — „будь выслушанным“.

Еще о глаголе, который читается с נִסְּבֵת в изъявительном наклонении. В том, что он образуется по [примеру глаголов]: יִשְׁבֵת — „Он грабил“, יִשְׁבֵת — „Он встал“, нет никакого недостатка. Причина та, что יִשְׁבֵת

более гласная буква, чем **ا**, поэтому мы говорим не **فام**, а **فام**. Всякий раз, как [встречается] **فام**, мы находим повод разделить [глагол алефом] и разделяем его без всякого труда и усилия. Всякий раз, когда это разделение невозможно, мы не запрещаем [оставлять глагол без изменения], если [в этом] нет ущерба.

[Мы говорим] **فام** — „Он встанет“ и **فام** — „Он будет грабить“, чтобы показать, что корни (**فام**) [этих 2 глаголов], так же как сами глаголы, отличаются от остальных [глаголов]. При спряжении [форма] **فام** из-за [своей] тяжеловесности подвергается сокращению, [сокращается] **فам**, [в форме же] **فам** в этом **فам** нет тяжеловесности и [не происходит] затруднения [при произношении]. **فам** — „смотри“, **فам** — „встань“, **فам** — „побрызгай“, **فам** — „грабь“ [являются примерами] разделения. Иногда в сокращенном виде мы отбрасываем **فам**, например, [в словах]: **فам** — „грабящие“, **فам** — „страдающие“, **فам** — „брызгающие“.

[Иаков] Эдесский и Хонейн [ибн Исхак] писали [глагольные формы] **فам**, **فам** с **فам** [например] так: **فам** — „приходящие“, **فам** — „брызгающие“, **فам** — „постаревшие“. Так читается и пишется; так и я [пишу и читаю], потому что это истина и более [всего] соответствует точному правилу.

#### Глава двадцать пятая

Почему [глаголы в будущем времени] во множественном числе: **فам** и **فам** — „Они вытащат“, **فам** и **фам** — „Они позовут“, **фам** и **фам** — „Они ответят“, и **фам** и **фам** — „Они увидят“ — мы читаем с **фам**, а не с **фам**?

Потому что в конце всех сирийских имен стоит буква **фам**; когда мы присоединяем какое-нибудь имя к другому, будет **фам**, а не **фам**, например, [во множественном числе] **фам** читают **фам** — „их рабы“, **фам** [читают] **фам** — „их боги“, **фам** — „их господа“. Поэтому, когда эти глаголы [стоят] во множественном числе, из-за того что они подобны именам благодаря конечной букве, мы ставим звуковое изображение сверху. Когда [формы, подобные] **фам** — „радующий“, **фам** — „освобождающий“, **фам** — „добывающий“, мы произносим во множественном числе, мы затемняем **фам** так, что глагол уподобляется глаголу единственного числа, [например]: **фам** — „Мы развязываем“, **фам** — „мы видим“, **фам** — „мы клянемся“, что то же самое, когда мы говорим **фам** и **фам** и т. д. [В глаголах]

ܘܫܒ — „Он считал“, ܘܫܘܠ — „Он развязал“, ܘܫܘܝܢ — „Он видел“, ܘ — ясный слог, не такой, как в остальных глаголах, потому что мы отсекаем от глагола гласную ܘ и прибавляем вместо нее гласную ܐ, которую мы заставляем звучать также ясно, чтобы не отсекать от глагола два члена. Мы произносим [глаголы] с ܘܫܘܠ — ܘܫܘܠܐ, ܘܫܘܝܢ, в единственном числе ܘܫܘܠܐ, ܘܫܘܝܢ, чтобы отличить эти глаголы, которые следуют с ܘܫܘܠ, от других, которые следуют с остальными буквами.

[Почему] мы сопровождаем [глаголы во множественном числе] ܘܫܘܠ, а не другой буквой?

Первая причина та, что, даже если [ܘܫܘܠ] не произносится, мы можем и в данный момент, и постоянно делать его ясным, например: ܘܫܘܠܐ и ܘܫܘܠܐܐ — „Они сделали“, ܘܫܘܝܢܐ и ܘܫܘܝܢܐܐ — „Они объявили“, ܘܫܘܠܐܐ и ܘܫܘܝܢܐܐ — „Они сказали“, то же в повелительном наклонении: ܘܫܘܠܐ — „Делайте“, ܘܫܘܝܢܐ — „Объявляйте“, ܘܫܘܠܐܐ — „Говорите“.

Сирийские грамматики сокращают эти ܘܫܘܠ и ܘܫܘܝܢ из-за тяжеловесности [получаемой формы].

Вторая причина та, что, когда мы придаем какую-нибудь [грамматическую] категорию глаголу, [стоящему во] множественном числе, связанную с [конечной] буквой [глагола], как [например] к ܘܫܘܠܐ [присоединяем] ܘܫ, [получается] ܘܫܘܠܐܘܫܘܠܐܐ, к ܘܫܘܝܢܐ [присоединяем] ܘܫ, [получается] ܘܫܘܝܢܐܘܫܘܝܢܐܐ, [тогда ܘܫܘܠܐܘܫܘܠܐܐ становится ясно произносимым].

Третья причина та, что, когда в глаголах с конечным ܘܫ появляется ܘܫ, [при образовании множественного числа, то] необходимо также и в других [глаголах] образовывать множественное число при помощи этой [буквы].

Четвертая причина: так как гласную букву ܘܫ сирийцы употребляют с каждым именем, [стоящим] в единственном и множественном числе, правильно было, что они решили [присоединить] гласную букву ܘܫ глаголам во множественном числе, [но поставив ее] в конце, а не в начале, как определяющий признак для имени и глагола, [позволяющий] не смешивать [их] с другими [формами]. Так как ܘܫ — самая первая [буква], а имя превосходит по степени значения глагол, потому что оно обозначает сущность, а глагол — действие сущности, то ܘܫ [сирийцы] дают [глаголу] во множественном числе, хотя буквы ܘܫ нет по природе в конце глаголов во множественном числе в прошедшем времени, обозначающих мужской род. Глагол в единственном числе мужского рода может обозначать множественное число женского рода, например: ܘܫܘܠܐܐܘܫܘܠܐܐ — „Услышали женщины“, ܘܫܘܝܢܐܘܫܘܝܢܐܐ — „Говорили женщины“, ܘܫܘܠܐܐܘܫܘܠܐܐ — „и почтили“.

Нам не требуется [буква]  $\overline{\text{לא}}$  [в конце глаголов во множественном числе 3-го л. ж. р.], как пишут другие, [мы пишем]  $\overline{\text{לך}}$  [без ,] из-за ничтожного значения женского рода. Достаточно одного глагола, обозначающего мужской род, чтобы ты обозначил множественное число [женского рода]. Это [относится] к глаголам прошедшего времени и только, но не к глаголам в повелительном наклонении и не к глаголам в настоящем и будущем времени. У [сирийцев] есть специальная форма [для 3-го л. ж. р. мн. ч.]:  $\overline{\text{עָבַדְתֶּם}}$  — „Они сделали“,  $\overline{\text{שָׁמְעוּתֶם}}$  — „Они слушали“. Кратко мы говорим:  $\overline{\text{עָבַדְתֶּם}}$ ,  $\overline{\text{שָׁמְעוּתֶם}}$ . Глаголы, которые имеют на конце  $\overline{\text{ע}}$  [в форме мужского рода единственного числа], не могут обозначать женский род множественного числа, например:  $\overline{\text{עָבַד}}$  — „Он ослабел“,  $\overline{\text{עָבַד}}$  — „Он увидел“,  $\overline{\text{עָבַד}}$  — „Он пошел“. Мы говорим не  $\overline{\text{עָבַדְתֶּם}}$ , а  $\overline{\text{עָבַדְתֶּם}}$ ,  $\overline{\text{עָבַדְתֶּם}}$  или  $\overline{\text{עָבַדְתֶּם}}$ ,  $\overline{\text{עָבַדְתֶּם}}$ , для отличия от других глаголов. Когда гласная сокращается у  $\overline{\text{עָבַד}}$ , [то тогда] присоединяется , , такой же гласный или полугласный, именно:  $\overline{\text{עָבַדְתֶּם}}$ ,  $\overline{\text{עָבַדְתֶּם}}$ . Каждый глагол в изъявительном наклонении, который имеет эту форму, например:  $\overline{\text{עָבַדְתֶּם}}$  — „Он отправил прочь“,  $\overline{\text{עָבַדְתֶּם}}$  — „Он разгневал“,  $\overline{\text{עָבַדְתֶּם}}$  — „Он сделал“,  $\overline{\text{עָבַדְתֶּם}}$  — „Он родил“, в повелительном наклонении имеет ту же самую [форму], но с ударением, которое мы ставим над  $\overline{\text{עָבַד}}$ , [например в слове]  $\overline{\text{עָבַדְתֶּם}}$  — „Он родил“.

В изъявительном наклонении мы совершенно не употребляем [ударение]  $\overline{\text{עָבַדְתֶּם}}$ . Таким образом, в [следующих формах]:  $\overline{\text{עָבַדְתֶּם}}$  — „Будь поработанным“,  $\overline{\text{עָבַדְתֶּם}}$  — „Будь несчастным“,  $\overline{\text{עָבַדְתֶּם}}$  — „Будь покинутым“ — мы ставим над одной из букв  $\overline{\text{עָבַדְתֶּם}}$ , с тем чтобы было различие между изъявительным и повелительным наклонениями. Почему мы снимаем  $\overline{\text{עָבַד}}$  в глаголах 1-го л., если в конце глаголов стоит  $\overline{\text{ע}}$ , например:  $\overline{\text{עָבַד}}$  — „Он считал“,  $\overline{\text{עָבַד}}$  — „Он тянул“ или  $\overline{\text{עָבַד}}$  — „Он видел“? Для того чтобы было отличие от глаголов, которые имеют на конце  $\overline{\text{עָבַד}}$ , например:  $\overline{\text{עָבַדְתֶּם}}$  — „Я освободил“,  $\overline{\text{עָבַדְתֶּם}}$  — „Я бросил“,  $\overline{\text{עָבַדְתֶּם}}$  — „Я принес“.

В глаголах  $\overline{\text{עָבַדְתֶּם}}$ ,  $\overline{\text{עָבַדְתֶּם}}$  мы присоединяем , , взамен гласной  $\overline{\text{עָבַד}}$ , [так как]  $\overline{\text{עָבַדְתֶּם}}$  или  $\overline{\text{עָבַדְתֶּם}}$  есть полугласная.

## Глава двадцать шестая

Почему, когда в конце глаголов [стоят] четыре согласные, именно  $\overline{\text{עָבַדְתֶּם}}$ , над предшествующими согласными, связанными с ними, нет  $\overline{\text{עָבַדְתֶּם}}$  или  $\overline{\text{עָבַדְתֶּם}}$ , например:  $\overline{\text{עָבַדְתֶּם}}$  — „Он прошел“,  $\overline{\text{עָבַדְתֶּם}}$  — „Он сказал“,

ܐܫܦܫܚ — „Он обрадовался“, ܫܝܥ — „Он услышал“, ܫܦܫܚ — „Он оценил“, из-за чего во многих случаях необходимость вынудила сирийцев читать одинаково глаголы в прошедшем времени и в повелительном наклонении.

Нужно знать, что эти буквы исходят из гортани, поэтому они называются гортанными (ܫܘܬܢܝܬܝܢ), говорящему стоит большого труда их произношение, речь затруднена, особенно когда [эти буквы] находятся в конце [слов]. Когда они в середине, при произношении их выпускают. Если им предшествует ܟܝܘܝܝܢ, человек затрудняется произносить их, например: ܫܝܥ — „Он слышал“, ܫܝܥ [без ܟܝܘܝܝܢ] легче для языка, тоже относится к остальным [буквам].

Следует знать, что знаменитый Хонейн в работе по грамматике сирийского языка, излагающей правила о точках, установил особые глаголы; к ним он отнес те, которые обозначают настоящее время и имеют следующие формы [ܫܘܠܗ], например: ܫܝܥ — „Он прошел“, ܫܝܥ — „Он услышал“, ܫܦܫܥ — „Он открыл“, ܫܦܫܚ — „Он удивился“, и сравнил их с остальными [глаголами], которые не подчинены этому правилу: ܫܦܫܥ — „Он сформировал“, ܫܦܫܥ — „Он сделал“.

Иаков Эдесский и другие относят это [правило] и к другим формам [глагола], не только активного залога. Я добавляю, что это правило относится к каждому глаголу, обозначающему действие, как бы он ни произносился, например: ܫܦܫܚ — „Он удивился“, ܫܦܫܚܐ — „удивляющий“, ܫܦܫܥ — „Он открыл“, ܫܦܫܥܐ — „открывающий“, ܫܝܥ — „Он слышал“, ܫܝܥܐ — „слышащий“, ܫܦܫܥ — „Он сделал“, ܫܦܫܥܐ — „делающий“ — и ко всем словам, которые обозначают пассивность (ܫܘܬܢܝܬܝܢ), какие бы формы они не имели, например: ܫܦܫܚܐ — „удивленный“, ܫܦܫܥܐ — „раскрытый“, ܫܦܫܥܐ — „выслушанный“, ܫܦܫܥܐ — „обрадованный“, ܫܦܫܥܐ — „названный“.

Я добавлю также, что если имена, в которых букве ܟ, конечной букве сирийских имен, предшествует одна из этих четырех букв, получают сокращение, то первая согласная, присоединенная к ним, произносится с ܟܝܘܝܝܢ, а не с ܟܝܘܝܝܢ, например: ܟܝܘܝܝܢ — „сын“, — [после сокращения] мы говорим ܝܘܝܝܢ.

В [нижеследующих] именах [различных] форм и видов мы сокращаем (ܟ) таким образом: ܟܝܘܝܝܢ — „вид“ [ܟܝܘܝܝܢ] и еще ܟܝܘܝܝܢ — „земля“ → ܝܘܝܝܢ, ܟܝܘܝܝܢ — „страна“ → ܝܘܝܝܢ, ܟܝܘܝܝܢ — „человек“ → ܝܘܝܝܢ, ܟܝܘܝܝܢ — „веревка“ → ܝܘܝܝܢ, ܟܝܘܝܝܢ — „жирный“ → ܝܘܝܝܢ.

Не старайтесь одинаково читать глаголы из-за трудности, с которой [это] соединено для говорящего.

Из последовательности того, что предшествует и следует, мы понимаем, стоят ли глаголы в прошедшем времени или указывают на повелительное наклонение.

### Глава двадцать седьмая

Откуда взяли различные произношения имен и глаголов, т. е. **اَمَق**, **كُوه** и остальные?

Нужно знать, что гласных букв три, это **ا**, **ا**, **ا**, остальные согласные, которые соединяются ими [гласными]. Эти согласные [служат] для образования имен или глаголов, которые указывают на действие. Гласные буквы изобретены, чтобы произвести из этих трех гласных [другие:] из **ا** → **اَمَق** [например], **ا** [над] **ا** [в слове] **اَمَق** — „кто“, и **كُوه**, [например], **ا** [над] **اَمَق** ..., затем **اَمَق** или **اَمَق**, [например], **اَمَق** — „Он пошел“. Из **ا** образуются две гласные: **اَمَق** **ا** и другой **ا**, который называется **اَمَق** и **اَمَق**. Из **ا**, образуется одна гласная. Остальным буквам, из-за того что сами по себе они не имеют движения, предназначаются **كُوه** или **اَمَق** и **اَمَق**, которые произведены от **ا**, первой гласной буквы.

Эти [знаки гласных], т. е. **اَمَق**, **اَمَق**, **كُوه**, присоединяются также к **ا** и к **ا**, поэтому некоторые считают **اَمَق**, **ا**, **ا** гласными наполовину, в то время как они полные гласные. Следовательно, ты должен знать, что, когда мы читаем **اَمَق** — „господин“, **اَمَق**, которое стоит над **اَمَق**, ты должен считать за половину **ا**. Так же, когда ты читаешь **اَمَق** — „целый“, где **ا** снабжен **كُوه**, **كُوه** половина **ا**; в слове **اَمَق** — „слух“, с **اَمَق** над **ا**, **اَمَق** половина **ا**.

Так ты поймешь и остальные буквы. Мудро придумали грамматик и дали два произношения, т. е. **اَمَق** и **اَمَق** шести другим буквам, чтобы полностью обозначить категории, [а] именно [буквам]: **اَمَق**: **ا**. Поэтому в **اَمَق** — „молоко“ **ا** произносится с **اَمَق** — мягко, а в **اَمَق** с **اَمَق** — твердо, в **اَمَق** — „собака“ [а] произносится с **а** — твердо, а в **а** с **а** — мягко. То же относится и к остальным [вышеупомянутым] буквам. Когда **а** читают с **а** над **а**, [то] тем самым ставят [слово в определенной форме]. Этому также помогают **а** и **а**, особенно при спряжении глаголов [بِحَالِهَا или بِحَالِهَا] и изменениях форм [глагола] [при обозначении] мужского и женского рода, единственного и множественного числа,

например:  $\text{ܕܝܢܐ}$  — „Ты сделал“, где твердый  $\text{ܕ}$  обозначает 2-е л., а  $\text{ܕܝܢܐ}$ , где  $\text{ܕܝ}$  произносится мягко, [обозначает] 1-е л. — „Я сделал“. [В глаголе]  $\text{ܕܝܢܐܝܗܘܢ}$  — „Я спас ее“  $\text{ܕܝ}$  произносится твердо, [что обозначает] 1-е л., а  $\text{ܕܝܢܐܝܗܘܢܐ}$  — „Она спасла ее“ — 3-е л. ж. р. [где  $\text{ܕܝ}$  произносится мягко].

Для [буквы]  $\text{ܕ}$  [грамматики] дают три произношения. [В слове]  $\text{ܕܝܢܐ}$  — „тело“  $\text{ܕ}$  среднее [между мягким и твердым произношением], в  $\text{ܕܝܢܐ}$  — „душа“  $\text{ܕ}$  смягченное, а в  $\text{ܕܝܢܐܝܗܘܢܐ}$  — „лицо“  $\text{ܕ}$  взрывное и твердое. Следовательно, знаки, различающие [произношение букв], необходимы и полезны в сирийском языке.

Нужно знать, что в этом языке мы начинаем [слова] как с покоящихся букв, которые не имеют [звучания] гласных, так и с гласных, которые мы все начинаем постоянно с движением, но заканчиваем в покое, кроме  $\text{ܐ}$  и  $\text{ܐ}$ , которые мы заканчиваем в движении, например:  $\text{ܕܝܢܐ}$  — „ты [женский род], которая“. Почему мы не начинаем с [буквы, которая произносится с]  $\text{ܕܝܢܐ}$ ? Во-первых, из-за традиции. Так нам передали и завещали аккуратные сирийцы. Во-вторых, из-за того, что это произношение появилось позднее, после классификации букв. Следует знать, что глаголы нужно спрягать соответственно правилам. Корни ( $\text{ܕܝܢܐ}$ ) их [глаголов] или имена действия ( $\text{ܕܝܢܐܝܗܘܢܐ}$ ) имеют свои формы соответственно правилам, произношение их звуков соответствует [произношению] глаголов, а глаголы, [соответственно, произносятся] соответственно [произношению корней и имен действия]. [Относительно] других имен [сирийцы] передали по традиции, чтобы они читались так, а не иначе; например, чтобы мы читали  $\text{ܕܝܢܐ}$  — „бог“ с  $\text{ܕܝܢܐ}$  над  $\text{ܕܝܢܐ}$ , а не с  $\text{ܕܝܢܐ}$ ;  $\text{ܕܝܢܐ}$  — „веревка“, где над  $\text{ܕܝܢܐ}$  [есть]  $\text{ܕܝܢܐ}$ , с  $\text{ܕܝܢܐ}$  смягченным, и не иначе. Следует знать, что форма глагола, которую Аристотель назвал самой высшей в этом [произведении], сопровождая [свою мысль] пояснениями, обозначает настоящее время, например:  $\text{ܕܝܢܐ}$  — „Он есть“,  $\text{ܕܝܢܐ}$  — „говорящий“,  $\text{ܕܝܢܐ}$  — „переходящий“, поэтому в этой форме глагола никогда не смешиваются лица, ни в единственном, ни во множественном числе, так же, как ни в женском, ни в мужском роде. Глаголы двух остальных времен имеют общие [формы], иногда единственное число с множественным, мужской род с женским. Например, мы говорим  $\text{ܕܝܢܐ}$ , это [может значить] 3-е л. м. р. [ед. ч.] — „он скажет“ и 1-е л. мн. ч. — „Мы скажем“.

$\text{ܕܝܢܐ}$  и  $\text{ܕܝܢܐ}$ <sup>7</sup> [могут значить] 2-е л. м. р. — „Ты будешь“ и

<sup>7</sup>  $\text{ܕܝܢܐ}$  — форма причастия без выражения лица, по-видимому, в качестве примера в данном месте — случайная форма.

3-е л. ж. р. — „Она будет“. Настоящее время различается во всех лицах.<sup>8</sup>

|                  | [Единственное число]              |     | [Множественное число]            |
|------------------|-----------------------------------|-----|----------------------------------|
| [1-е л.] [м. р.] | 1. $\text{אני עושה}$ — я делаю    | 2.  | $\text{אנחנו עושים}$ — мы делаем |
| [ж. р.]          | 11. $\text{אני עושה}$ — я делаю   | 12. | $\text{אנחנו עושים}$ — мы делаем |
| [2-е л.] [м. р.] | 3. $\text{אתה עושה}$ — ты делаешь | 4.  | $\text{אתם עושים}$ — вы делаете  |
| [ж. р.]          | 5. $\text{אתה עושה}$ — ты делаешь | 6.  | $\text{אתם עושים}$ — вы делаете  |
| [3-е л.]         | 7. $\text{הוא עושה}$ — он делает  | 8.  | $\text{הם עושים}$ — они делают   |
|                  | 9. $\text{היא עושה}$ — она делает | 10. | $\text{הם עושים}$ — они делают   |

### Глава двадцать восьмая

О значении черт [линий], которые употребляют восточные сирийцы, т. е.

◦  $\text{אֲנִי}$ ,  $\text{אֲנִי}$ ,  $\text{אֲנִי}$ ,  $\text{אֲנִי}$  или  $\text{אֲנִי}$ .

Я знаю, что, говорят, есть два вида пунктуации ( $\text{אֲנִי}$ ). Один [вид] — для различия произношения имен, глаголов и остальных частей речи в языке, это  $\text{אֲנִי}$ ,  $\text{אֲנִי}$ ,  $\text{אֲנִי}$  и т. д. Другой вид несет [определенное] значение и позволяет ориентироваться [в предложении], например  $\text{אֲנִי}$ ,  $\text{אֲנִי}$ ,  $\text{אֲנִי}$  и остальные знаки. Кроме того, одни из этих линий относятся то к тому виду, то к этому, например  $\text{אֲנִי}$ , которая иногда имеет значение разделяющей ( $\text{אֲנִי}$ ), например:  $\text{אֲנִי אֲנִי אֲנִי}$  — „Сказал Христос ученику“, где  $\text{אֲנִי}$  снабжено  $\text{אֲנִי}$ , так, чтобы можно было<sup>9</sup> прочесть остаток предложения. [Еще] пример:  $\text{אֲנִי אֲנִי אֲנִי אֲנִי אֲנִי אֲנִי אֲנִי אֲנִי}$  — „Без притчи же не говорил им“ (Марк 4, 34), где  $\text{אֲנִי}$  [второе] мы снабдили  $\text{אֲנִי}$ , чтобы сделать ясными два  $\text{אֲנִי}$ . Пунктуацией же связывается мысль, например, когда мы приказываем кому-нибудь:  $\text{אֲנִי אֲנִי}$  — „Скажи твоему господину“;  $\text{אֲנִי אֲנִי אֲנִי אֲנִי אֲנִי אֲנִי אֲנִי}$  — „Придите ко мне, все труждающиеся и обремененные“ (Матфей 11, 28).

$\text{אֲנִי}$  в противоположность  $\text{אֲנִי}$  [принадлежит к числу тех черт (линий)], которые связывают мысль; например, мы говорим  $\text{אֲנִי אֲנִי אֲנִי}$  — „столица“, мы соединяем  $\text{אֲנִי}$  с  $\text{אֲנִי}$  [благодаря  $\text{אֲנִי}$ ] для того, чтобы обозначить сопряженное состояние понятия.  $\text{אֲנִי}$  относится к обоим видам [пунктуации], мы ставим [ $\text{אֲנִי}$ ], когда имеются две буквы одного вида и одного и того же рода,

<sup>8</sup> Разбивка по лицам и числам наша. Порядковые номера принадлежат Илье Тирханскому.

<sup>9</sup> После этой паузы — примечание Бетгена: *Syrische Grammatik*, p. 48 — немецкого перевода.

одну мы снабжаем **𐤀𐤀** и отбрасываем, а другую произносим **𐤀𐤀** при букве обозначает то же, что и удвоение букв в греческом и арабском языках. То же у сирийцев; например, [в слове] **ܘܢܘܚܢܝܢ** мы снабжаем [р] **𐤀𐤀**, и нам не нужно произносить [один р]. Это для легкости и плавности речи. **ܘܢܘܚܢܝܢ** противоположность **𐤀𐤀**, мы употребляем его иногда для легкости глагола, иногда чтобы отличить имена и глаголы с **𐤀𐤀**, например: **ܘܢܘܚܢܝܢ** — „увиденные“, **ܘܢܘܚܢܝܢ** — „Они совершат“, **ܘܢܘܚܢܝܢ** — „Они увидят“.

Сирийцы, которые не употребляют **𐤀𐤀**, совершают ошибку, ибо в глаголе постоянно имеется густота, и тяжесть сковывает их речь. Также и другие, совершенные языки, используют **𐤀𐤀**. Нужно знать, что для семи частей речи сирийского языка и объяснения отбрасывания [букв], для правил о формах имен, значения союзов и остальных частиц, для рассуждений о лицах и буквах, присоединяющихся и не присоединяющихся к другим, указывающих на будущее, настоящее и прошедшее время, (для обозначения) мужского рода в единственном и множественном числе, а также женского рода, вид (**ܘܢܘܚܢܝܢ**) и раздел (**ܘܢܘܚܢܝܢ**) пунктуации (**ܘܢܘܚܢܝܢ**) имеют значение.

Если кто-нибудь спросит, почему традицией не упоминаются [в алфавите] буквы, имеющие смягчение, так, чтобы было тридцать сирийских букв, а не двадцать две, считая от **ܘܢܘܚܢܝܢ** и т. д., увеличивая это количество, как арабы, которые считают полных двадцать восемь букв от **ܘܢܘܚܢܝܢ**, **ܘܢܘܚܢܝܢ**, **ܘܢܘܚܢܝܢ** и т. д., [то] мы ответим, что это смягчение [произошло] позднее, чем [возникла] традиция. В сирийском языке смягчение не было [отражено] в письме. Ученикам достаточно было научиться от учителей чтению этой [буквы] со смягчением, а этой буквы — без смягчения и т. д. [Смягчение букв] существовало путем [устной] передачи, без письменной традиции.

## Глава двадцать девятая

Следует знать, что пунктуация бывает двух видов, [она служит] или для произношения слов, т. е. имен, глаголов и т. д., например [в слове] **ܘܢܘܚܢܝܢ** — „бог“ первый **ܘܢܘܚܢܝܢ**, согласно традиции, с **ܘܢܘܚܢܝܢ**, так же как буква **ܘܢܘܚܢܝܢ** в слове **ܘܢܘܚܢܝܢ** — „тот, который сказал“, [или для выражения] разнообразных значений, [что собственно] должно называться пунктуацией, [знаки ее] ставятся для точности [выражения] мыслей и установлены для изысканности и чистоты сирийского языка и речи. Следовательно, требуется усердие, чтобы изучить виды, указывающие на [то или иное] значение. Например, **ܘܢܘܚܢܝܢ** обозначает завершенность мысли предложения, **ܘܢܘܚܢܝܢ** — ничтожность говорящего и совершенство того, к кому обращено слово.

Я нашел в одной рукописи, написанной Иаковом Эдесским и посвященной точкам [пунктуации], указывающим на значения, что он назвал их **קט** — „знаки“, твердо ограничив семью видами.<sup>10</sup>

Первый [вид]: **קל**. [Пример]: **קטתא דאזלת ספוקלת קתא** — „родословие Иисуса Христа“ (Матфей 1, 1). [**קל**] поставлена позади последней буквы последнего члена [предложения], сверху.

Второй [вид]: **קח**. Он [Иаков Эдесский] назвал [этот вид] также подобным **ק' קטתא**.

Третий [вид]: **קא**, т. е. **קאח**.

Четвертый вид: **קתאח**, [например]: **אק סתתא קתתא קתתא קתתאח** — „Первую книгу написал я [к тебе], о Феофил!“ (Деяния апостолов 1, 1).

Пятый [вид]: **קתא**, [например]: **קתא קתא** — „Хлеб, который укрепляет“ (Псалмы 104, 15).

Шестой [вид]: **קת** или **קתתא**, обращение к богу: **קת קת** — „Учитель! Умоляю тебя“ (Лука 9, 38). Этот [вид] восточные сирийцы назвали **קתתא**.

Седьмой [вид]: ставятся две одинаковые точки, а именно **קא**, чтобы быстро раскрыть вторую часть периода предложения, [например]: **קת קת קת קת קת קת קת קת קת** — „И увидел господь (бог), что велико развращение человек на земле“ (Бытие 6, 5).

Восьмой [вид]: **קת**, мы называем его **קל קא**, например: **קת קת קת קת קת קת קת קת קת** — „Образовавший глаз не увидит ли?“ (Псалмы 94, 9). В виде предостережения: **קת קת קת** — „Он видит сокровенное“.

Девятый [вид]: **קת**, [например]: **קת קת קת קת קת קת קת קת קת** — „[Сущий над всем бог] прославляемый и благословенный во веки, аминь“ (К римлянам 9, 5). [Это ударение] одинаково с предыдущим по расположению точек, но оно ставится в конце высказывания.

Десятый [вид]: **קת** или **קת**, [например]: **קת קת קת קת קת קת** — „призри (господи) и посмотри на поругание наше“ (Плач 5, 1). Это мы называем **קת**.

Одиннадцатый [вид]: **קת**. [Пример]: **קת קת קת קת קת** — „Смерть! Где твое жало (I Коринфянам 15, 55).

Двенадцатый [вид]: **קת**. [Пример]: **קת קת קת קת** — „Вот агнец божий“ (Иоанн 1, 29). Это мы называем [еще] **קת** и **קת**.

<sup>10</sup> Илья Тирханский дает 23 вида в своей грамматике.

Тринадцатый [вид]:  $\kappa\lambda\kappa\epsilon$ . [Пример]:  $\kappa\alpha\lambda\upsilon\sigma\tau\alpha\varsigma \kappa\alpha\kappa$  — „Где вы положили его“ (Иоанн 11, 34).

Четырнадцатый [вид]:  $\kappa\alpha\iota\iota$ , [например]:  $\kappa\alpha\iota \lambda\alpha\lambda\epsilon \delta\alpha\lambda \alpha\theta$   
 $\alpha\delta\alpha\mu\kappa \kappa\alpha\kappa \kappa\lambda\alpha\sigma\tau\alpha \lambda\iota\alpha\lambda\alpha$  — „Придите ко мне все труждающиеся и обремененные, и я успокою вас“ (Матфей 11, 28).

Пятнадцатый [вид]:  $\kappa\lambda\alpha\epsilon$ . [Пример]:  $\kappa\alpha\kappa \kappa\alpha\iota \kappa\iota\tau\alpha \kappa\iota\tau\alpha \lambda\iota\phi$  — „Беги, ищи стрелы, которые я пускаю“ (I Самуила 20, 36).

Шестнадцатый [вид]:  $\kappa\lambda\epsilon\sigma\sigma$ . [Пример]:  $\kappa\alpha\tau\omega \tau\omega \kappa\alpha\tau\omega \mu\alpha\lambda\iota\sigma\tau\alpha$   
 $\kappa\alpha\iota \kappa$  — „прими меня в число наемников твоих“ (Лука 15, 19).

Семнадцатый [вид]:  $\kappa\lambda\epsilon\sigma\sigma$  или  $\kappa\lambda\alpha\lambda$ . [Пример]:  $\alpha\gamma\alpha\lambda\iota\alpha\lambda$   
 $\alpha\iota\iota\iota \kappa\alpha\iota\iota\kappa\iota\alpha$  — „Блаженны нищие духом“ (Матфей 5, 3).

Следует знать, что эти [последние] пять видов [ударений] очень похожи друг на друга, и поэтому нужно ставить их и называть по значению.

Восемнадцатый [вид]:  $\kappa\iota\iota\kappa\alpha\theta\alpha$ . [Пример]:  $\kappa\iota\iota\kappa\alpha \lambda\alpha\lambda \kappa\alpha\kappa$  — „как пали сильные“ (II Самуила 1, 27). Ставятся две точки над первой буквой.

Девятнадцатый [вид]:  $\kappa\theta\alpha\sigma$ . [Пример]:  $\alpha\sigma\theta\epsilon\tau\iota\sigma\tau\alpha\varsigma \kappa\theta\alpha\sigma$  — „починивающих сети (их)“ (Марк 1, 19).  $\kappa\iota\iota\kappa\alpha\theta\alpha$ . [Пример]:  $\theta\iota\kappa\alpha \theta\iota\kappa\iota\alpha$   
 $\kappa\theta\alpha\kappa \kappa\theta\alpha\sigma$  — „Вначале было Слово“ (Иоанн 1, 1).

Двадцатый [вид]:  $\kappa\iota\alpha\alpha\iota$  или  $\kappa\iota\alpha\sigma\sigma$ . [Например]:  $\kappa\alpha\lambda \lambda\iota\alpha \kappa\alpha\lambda$   
 $\kappa\alpha\lambda\alpha\theta\alpha\sigma$  — „не рожденный и неизменный“. [Когда это ударение] показывает, что [соединены] два члена или две мысли, мы называем его  $\kappa\iota\alpha\sigma\sigma$  и [ставим] вместо  $\kappa\alpha\lambda\alpha\theta\alpha\sigma$ . [Например]:  $\kappa\iota\alpha\sigma\sigma \lambda\alpha \kappa\alpha\theta\alpha$  — „явился во плоти“ (I Тимофею 3, 16).

Двадцать первый [вид]:  $\kappa\iota\alpha\iota\lambda$  и  $\kappa\lambda\alpha\epsilon$ , которое выше он называет  $\kappa\alpha\alpha\epsilon$ . [Пример]:  $\iota\kappa\lambda\alpha\iota$  — „иудей“. Я думаю, что [здесь ударение]  $\kappa\lambda\alpha\epsilon$ , выше он называл его  $\kappa\lambda\epsilon\sigma\sigma$ . [Пример]:  $\kappa\iota\alpha\iota\lambda\kappa\iota\alpha\lambda$   
 $\kappa\iota\alpha\sigma\sigma$  — „Молодой лев Иуда“ (Бытие 49, 9).

[Двадцать второй вид]:  $\kappa\theta\alpha\sigma \alpha\lambda\alpha\alpha\tau$ . [Пример]:  $\kappa\alpha\tau\alpha\lambda\iota\mu\iota\sigma\tau\alpha\varsigma$   
 $\kappa\alpha\lambda \kappa\alpha\lambda$  — „Сеется в тлении, восстает в нетлении“ (I Коринфянам 15, 42). Это мы называем  $\kappa\theta\alpha\sigma$ .

[Двадцать третий вид]:  $\kappa\alpha\sigma\sigma \alpha\lambda\alpha\alpha\tau$ . [Например]:  $\kappa\theta\alpha\sigma \lambda\alpha$  — „ни смерть“ (К римлянам 8, 38). Это преимущественно  $\kappa\theta\alpha\sigma$ ;  $\kappa\alpha\alpha\epsilon$  называются все знаки в конце предложения.

В одной проповеди Мар Нарсая я нашел [следующие формы]:  $\kappa\alpha\lambda\alpha\sigma\tau\alpha\theta$  — „Ты разделишь его“,  $\kappa\alpha\lambda\alpha\sigma\tau\alpha\theta$  — „Ты оставишь его“,

ܡܘܨܒܐܘܫܐ — „Ты напишешь ему“, ܡܘܨܒܐܘܫܐ — „Ты очистишь его“. Каждый глагол, в котором есть **ܐ** и который имеет подобное произношение, удобно протянуть таким образом.

Так же ܡܘܨܒܐܘܫܐ — „Я оставлю его“, ܡܘܨܒܐܘܫܐ — „Я разделю его“, ܡܘܨܒܐܘܫܐ — „Они оставят его“, ܡܘܨܒܐܘܫܐ — „Они разделят его“.

### Глава тридцатая

Которая кратко излагает острое слов (ܐܘܪܘܚܐ) в сирийском языке

В сирийском языке семь частей речи: имя (ܐܘܪܘܚܐ), например: ܐܘܪܘܚܐ — „бог“, ܐܘܪܘܚܐ — „человек“, ܐܘܪܘܚܐ — „святой“, ܐܘܪܘܚܐ — „камень“, ܐܘܪܘܚܐ — „животное“, ܐܘܪܘܚܐ — „лошадь“, ܐܘܪܘܚܐ — „бык“, ܐܘܪܘܚܐ — „собака“, ܐܘܪܘܚܐ — „орел“, ܐܘܪܘܚܐ — „лев“; глагол (ܐܘܪܘܚܐ), например: ܐܘܪܘܚܐ — „Он сделал“, ܐܘܪܘܚܐ — „Он делает“, ܐܘܪܘܚܐ — „Он сделает“; местоимение (ܐܘܪܘܚܐ), прилагательное [ܐܘܪܘܚܐ?] <sup>11</sup> или ܐܘܪܘܚܐ, например: ܐܘܪܘܚܐ — „святой“, ܐܘܪܘܚܐ — „справедливый“, ܐܘܪܘܚܐ — „святой человек“, ܐܘܪܘܚܐ — „справедливый“ [в неопределенном состоянии], ܐܘܪܘܚܐ — „преступный“ [в неопределенном состоянии], ܐܘܪܘܚܐ — „злой“, ܐܘܪܘܚܐ — „злой“ [в неопределенном состоянии]; причастие (ܐܘܪܘܚܐ), например: ܐܘܪܘܚܐ — „думающий“, ܐܘܪܘܚܐ — „проходящий“, ܐܘܪܘܚܐ — „начинающий“, ܐܘܪܘܚܐ — „говорящий“, ܐܘܪܘܚܐ — „делающий“ и еще: ܐܘܪܘܚܐ — „делающий, или тот, который делает“, ܐܘܪܘܚܐ — „тот, который был“, ܐܘܪܘܚܐ — „будущий, или тот, который будет“. Каждый глагол, к которому присоединены **ܐ** и **ܐܘܪܘܚܐ**, будет причастием (ܐܘܪܘܚܐ); предлог (ܐܘܪܘܚܐ), или примыкающий к союзу (ܐܘܪܘܚܐ), например: ܐܘܪܘܚܐ — „потому что“, ܐܘܪܘܚܐ — „только“, ܐܘܪܘܚܐ — „нет бытия“, ܐܘܪܘܚܐ — „нет“, ܐܘܪܘܚܐ — „мой“, ܐܘܪܘܚܐ — „с“, ܐܘܪܘܚܐ — „к“. Признак предлогов — присоединение пяти букв-местоимений: **ܐ**, **ܐܘܪܘܚܐ**, **ܐܘܪܘܚܐ**, **ܐܘܪܘܚܐ**, **ܐܘܪܘܚܐ**, например: ܐܘܪܘܚܐ — „для меня“, ܐܘܪܘܚܐ — „для тебя“, ܐܘܪܘܚܐ — „для него“, ܐܘܪܘܚܐ — „для нас“, ܐܘܪܘܚܐ — „для вас“, ܐܘܪܘܚܐ — „для них“, ܐܘܪܘܚܐ — „для них“ [ж. р.]; наречие (ܐܘܪܘܚܐ) или примыкающий к предложению (ܐܘܪܘܚܐ): ܐܘܪܘܚܐ — „также“, ܐܘܪܘܚܐ — „если“, ܐܘܪܘܚܐ — „когда“, ܐܘܪܘܚܐ — „ничего подобного“, ܐܘܪܘܚܐ — „наконец“, ܐܘܪܘܚܐ — „когда“, ܐܘܪܘܚܐ — „еще“, ܐܘܪܘܚܐ — „потому что“; союзы (ܐܘܪܘܚܐ): ܐܘܪܘܚܐ — „так как“,

<sup>11</sup> Этот термин поставлен мною предположительно, в тексте его нет. См.: *Syrische Grammatik*, p. 55 — немецкого перевода.

ܢܘ — „но“, ܥܡܢ — „хотя“, ܕܢ — „именно“, ܠܐܒܘܢܐ — „несомненно“, ܕܝܘܢܐ — „только“.

Признаком их [союзов] является то, что человек не может говорить, не связывая ими глаголы с именами.

Основа предложения — две части [речи]: имя и глагол. Имя — [носитель] рода (ܟܘܠܐ), субъекта (ܕܡܘܠ ܐܢܫܐ) и материи (ܟܘܠܐ) или сущности (ܟܘܠܐ); глагол — различие (ܟܘܠܐ) и форма (ܟܘܠܐ). Остальные [части речи] получают содержание (ܟܘܠܐ) и названия от имени и глагола, существуют как [их] свойства (ܟܘܠܐ) и случайности (ܟܘܠܐ), что определяется из того, как они называются, [например] ܟܘܠܐ ܕܡܘܠܐ — „местоимение“, [что буквально значит — вместо имени]. Ты не считай именем и глаголом каждую [часть речи], они обе — в их названиях. Они [остальные части речи] не имеют собственного существования, а состоят при субъекте (ܕܡܘܠ ܐܢܫܐ) в качестве [побочных обстоятельств]. Построение предложения таково, — например, ты говоришь: ܕܡܘܠܐ ܕܡܘܠܐ ܕܡܘܠܐ ܕܡܘܠܐ — „Вот... этот человек сказал про тебя нечто почетное“. Или: ܕܡܘܠܐ ܕܡܘܠܐ ܕܡܘܠܐ ܕܡܘܠܐ ܕܡܘܠܐ — „Если ты хочешь войти в дом, входи“, или: ܕܡܘܠܐ ܕܡܘܠܐ ܕܡܘܠܐ ܕܡܘܠܐ ܕܡܘܠܐ — „Бог соединяется с кем-нибудь из нас с целью, чтобы каждый поступал справедливо и отвернулся от грехов“.

Следует знать, что все семь частей речи имеют названия и именуются этими специальными названиями. Имя не имеет [понятия] времени, которое [оно получает соответственно] времени глагола. Остальные [части речи] являются дополнениями (ܟܘܠܐ) к этим [двум].

Знай, что в каждом глаголе, в начале которого одна из активных букв (ܟܘܠܐ ܟܘܠܐ) ܕܡܘܠܐ и они огласованы, [как в глаголах]: ܕܡܘܠܐ — „Я хочу“, ܕܡܘܠܐ — „Я сделаю“, ܕܡܘܠܐ — „Я приведу в порядок“, ܕܡܘܠܐ — „Я буду преследовать“, ܕܡܘܠܐ — „Я женюсь“, ܕܡܘܠܐ — „Я сравню“ и в подобных им, третья согласная, как правило, произносится твердо.

Другое правило: в каждом слове, в середине которого ܐ, а за ним ܕܘܐ и после ܕܘܐ буква с гласной, [буква] ܕܘܐ обязательно будет скрыта (ܟܘܠܐ). Например: ܕܡܘܠܐ — „четверть“, ܕܡܘܠܐ — „цвет“, ܕܡܘܠܐ — „хвала“. В этих [словах] и подобных им ܕܘܐ, как правило, скрывается (ܕܘܐ). Другая форма [3-е л. ж. р. мн. ч. перфекта], в кото-

<sup>12</sup> В тексте ܕܡܘܠܐ. Исправление Бетмана; См.: *Syrische Grammatik*, p. 56. Nota 4 — немецкого перевода.

рой **та** произносится, такая: **ܘܫܠܘ** → **ܘܫܠܘܢ** — „Они говорили“, **ܘܟܠܘ** → **ܘܟܠܘܢ** — „Они кушали“, **ܘܚܘܒܘ** → **ܘܚܘܒܘܢ** — „Они рассматривали“. В каждом слове, в котором на конце нет **ܐܠܦ**, произносится **та**.<sup>13</sup>

И знай, о читатель, что в каждом глаголе, на конце которого **та** или **ܐܠܦ**, **та** скрывается, как в **ܘܫܠܘܗ** — „Он выбирает“ → **ܘܫܠܘܗܐ**, **ܘܫܠܘܗ** — „Он скрывает“ → **ܘܫܠܘܗܐ**, **ܘܫܠܘܗ** — „Он хочет“ → **ܘܫܠܘܗܐ** — „Он грешит“ → **ܘܫܠܘܗܐ**.

Но в каждом глаголе, на конце которого нет ни **та**, ни **ܐܠܦ** [в 3-м л. ж. р. мн. ч. перфекта], **та** произносится, как в **ܘܫܠܘܢ** [глагола] **ܘܫܠܘܢ** — „Он говорил“, **ܘܫܠܘܢ** [глагола] **ܘܫܠܘܢ** — „Он обманул“, **ܘܫܠܘܢ** [глагола] **ܘܫܠܘܢ** — „Он отрезал“, **ܘܫܠܘܢ** [от] **ܘܫܠܘܢ** — „Он ел“, **ܘܫܠܘܢ** [от] **ܘܫܠܘܢ** — „Он носил“ и во всех [глаголах] этого вида. Когда **ܐܠܦ** в начале слова, а за ним согласная, не имеющая гласной, слово произносится с **та**, например: **ܘܫܠܘܢ** — „Мы умножили“, **ܘܫܠܘܢ** — „Мы открыли“, **ܘܫܠܘܢ** — „Мы выбрали“, **ܘܫܠܘܢ** — „Мы отказали“, **ܘܫܠܘܢ** — „Мы выпили“, **ܘܫܠܘܢ** — „Мы отвернулись“, **ܘܫܠܘܢ** — „Мы отстранились“.

Если после этих четырех букв (**ܘܫܠܘܢ**), когда они в начале глагола, [стоит **та**], они указывают на настоящее и будущее время.<sup>14</sup>

Знай, о господин мой, что каждый глагол из трех букв, одна из которых **ܘܫܠܘܢ**, не произносится ни мягко, ни твердо. И знай, что в каждом глаголе, в котором есть **ܘܫܠܘܢ** над первой и последней согласной, первую **ܘܫܠܘܢ** подчеркни, вторую **ܘܫܠܘܢ** оставь [без внимания]. Каждый **ܐܠܦ**, которому предшествует **ܐ**, произносится как **а**.

Знай, что в каждом имени, в котором есть точки множественного числа (**ܘܫܠܘܢ**) и **та**, впереди которого согласная, снабженная **ܘܫܠܘܢ**, затем **ܘܫܠܘܢ**, **ܘܫܠܘܢ** произносится твердо, т. е. [как в] **ܘܫܠܘܢ** — „ваши толпы“, **ܘܫܠܘܢ** — „ваши тела“, **ܘܫܠܘܢ** — „ваши члены“, **ܘܫܠܘܢ** — „ваши ряды“, и в [других словах], подобных этим.

Читай: **ܘܫܠܘܢ**, **ܘܫܠܘܢ**, **ܘܫܠܘܢ**, **ܘܫܠܘܢ**, **ܘܫܠܘܢ**; [в этих и] остальных, подобных им, **ܘܫܠܘܢ** [произносится], **ܐܠܦ**, как правило, скрывается.

Произноси каждый **ܐܠ** в конце слова, когда в начале слова, следующего за ним, **ܐܠܦ**, и скрой **ܐܠܦ**, как **ܘܫܠܘܢ** **ܐܠ**<sup>15</sup> — „если вы“,

<sup>13</sup> Во множественном числе. См.: *Syrische Grammatik*, p. 57 — немецкого перевода.

<sup>14</sup> Тогда подавляется **та**. См.: там же.

<sup>15</sup> Произносится: *e-nattun*, — прим. Бетмена. См.: *Syrische Grammatik*, p. 58 — немецкого перевода.

מִתְּנוּחָאֵי — „от его подушки“, מִתְּנוּחָאֵי — „из общества“, מִתְּנוּחָאֵי — „[В грехе] зачала меня мать моя“ (Псалмы 51, 7).

Каждый раз, когда הַיָּ and הַיָּ находятся в середине слова [рядом] и им предшествует огласованная согласная, первый [из них] пропускается при произношении, будь то י или ה, как в הַיָּ — „Вы схватили“, הַיָּ — „Вы охотились“. В каждом слове, которое в женском роде [имеет формы], подобные הַיָּ — „приходите“, הַיָּ — „смотрите“, הַיָּ — „зовите“, и во всех словах такого вида הַיָּ читается как הַיָּ. Каждый הַיָּ, которому предшествует הַיָּ, читается как הַיָּ.

הַיָּ, которому предшествует הַיָּ, читается как הַיָּ, например: הַיָּ — „Самуил“, הַיָּ — „Иезекиил“, הַיָּ — „Гавриил“. Везде, где сталкиваются два הַיָּ, второе [הַיָּ] также [произносится], например: הַיָּ — „Он назвал“, הַיָּ — „Он создал“. Каждый הַיָּ, которому предшествует הַיָּ, не произносится, как הַיָּ в הַיָּ — „борода“ и הַיָּ — „плод“. Каждая буква הַיָּ, которая предшествует [другой букве] הַיָּ и имеет הַיָּ, произносится как הַיָּ. Всякий раз из двух согласных, находящихся в середине слова, когда за ними следует огласованная согласная, одна опускается, как в הַיָּ — „Он раскаялся“, הַיָּ — „рассказано“, הַיָּ — „им было пройдено“. Каждый הַיָּ, который находится в середине слова, а за ним огласованный הַיָּ, когда ему [алефу] предшествует гласная, обязательно опускается, как: הַיָּ — „смотрящий на меня“, הַיָּ — „просящий меня“, הַיָּ — „звущий меня“, הַיָּ — „ненавидящий меня“.

Всякий раз, когда הַיָּ הַיָּ в середине имени, а после него одна из пяти [букв] הַיָּ с הַיָּ или הַיָּ, она [одна из этих букв] произносится мягко, как הַיָּ — „взятый“, הַיָּ — „кричащий“, הַיָּ — „преклоняющий колени“, הַיָּ — „создание“, הַיָּ — „звание“ и тому подобные.

Если же согласная, которая предшествует этому הַיָּ по этому правилу имеет הַיָּ или הַיָּ, [согласная], которая следует после הַיָּ, обязательно произносится твердо, например: הַיָּ — „келья“, הַיָּ — „дальний“ и им подобные.

Если же на месте этого הַיָּ הַיָּ или הַיָּ, который следует за ним, читается мягко, как [в] הַיָּ — „молитва“, הַיָּ — „кипарис“, הַיָּ — „состояние“, הַיָּ — „глупость“, הַיָּ — „свидетельство“, הַיָּ — „учение“, הַיָּ — „действие“.



כֹּחַ נָפֶשׁ находится в сердце, כֹּחַ פָּנִים — на лице, כֹּחַ רַגְלַיִם — в ногах, כֹּחַ יָדַיִם выражается в делах; например, какой-нибудь человек устраивает большой пир и праздник для своих друзей или праздник жениха и невесты в день свадьбы.

Какая разница между כֹּחַ יָדַיִם — „приближающийся“ и כֹּחַ יָדַיִם — „склоняющийся“?

כֹּחַ יָדַיִם — приближение [одной] сущности к другой, כֹּחַ יָדַיִם — иметь склонность мысли к чужому учению.

Какая разница между כֹּחַ אֵשׁ — „горе“, כֹּחַ אֵשׁ — „беспокойство“ и כֹּחַ אֵשׁ — „скорбь“?

כֹּחַ אֵשׁ [продолжается] долгое время, как [горе] Иакова об Иосифе.

כֹּחַ אֵשׁ [длится] короткое время, как [беспокойство] человека, который видит тех, которые раздеты и бедны, и печалится о них.

כֹּחַ אֵשׁ — боль сердца, нет ей конца до самой смерти, как скорби святых.

Какая разница между [глаголами] כָּאַס — „Он ждал“, יָדַע — „ожидал“, יָדַע — „длился“?

יָדַע мы употребляем иногда в ожидании слов, כָּאַס [указывает], что ожидание [длится] долгое время, как [сказал] Павел Тимофею:

יָדַע אֵינְךָ מְבַרְכֵנִי כָּאַס בְּרֵיךְ בְּנֵיךְ — „Ты пребывай в том, чему научен“ (II Тимофею 3, 14) и т. д.

יָדַע среднее между כָּאַס и יָדַע.

Какая разница между כֹּחַ אֵשׁ — „недостаток“, כֹּחַ אֵשׁ — „аскетизм“, כֹּחַ אֵשׁ — „отшельничество“.

כֹּחַ אֵשׁ — недостаток всего, что требуется человеку, чтобы удовлетворить свои потребности.

כֹּחַ אֵשׁ — исключительное терпение во всех бедах, как [терпение] отца Арсения и товарищей.

כֹּחַ אֵשׁ — отказ и удаление от всех, которые [принадлежат] к этому миру, подобно [удалению] Иоанна Крестителя и отца Марка Тармакийского.

Какое различие между כֹּחַ אֵשׁ — „действие“ и כֹּחַ אֵשׁ — „дело“?

כֹּחַ אֵשׁ — не сохраняется, [после того как] его закончил его создатель, подобный играющему на флейте, танцору, бегуну или валяльщику.

כֹּחַ אֵשׁ остается, после того как его сделал его творец, долгое время, как дом, построенный архитектором, кресло плотника.

Какая разница между כֹּחַ אֵשׁ — „спасение“, כֹּחַ אֵשׁ — „сохранность“, כֹּחַ אֵשׁ — „освобождение“, כֹּחַ אֵשׁ — „бегство“, כֹּחַ אֵשׁ — „избавление“?

כֹּחַ אֵשׁ, например, [спасение] сыновей Израиля Моисеем от египетского рабства.

כָּפָרוֹת подобно тому, как Иона спас ниневитян от гибели тем, что они основали Ниневию благодаря молитве [Ионы].

כְּפִירוֹת — средство, которое делается человеком, чтобы помочь [себе] в испытаниях, подобно Ноеву ковчегу, который был причиной сохранения человеческого рода.

כְּפָרָה — переход от горя к избавлению и от нужды к богатству; например, купцы носились на судне среди бушующего моря, достигли с помощью бога спокойного места и остались невредимы.

כְּפִירוֹת — переход от состояния [жизни] телесной к состоянию [жизни] души и от [состояния] жизни души к [состоянию] жизни духа благодаря отшельническому образу жизни.

Вопрос: в чем разница между כָּפָרָה — „упрек“, כָּפָרָה — „вина“, כְּפִירוֹת — „предостережение“, כְּפִירוֹת — „выговор“?

Ответ: כָּפָרָה — мысленный упрек, когда обвиняемого нет рядом, а словами כְּפִירוֹת, כְּפִירוֹת, כְּפִירוֹת порицание выражается, когда одно лицо к другому близко. Но כְּפִירוֹת — более сильное [выражение порицания], чем כְּפִירוֹת, потому что כְּפִירוֹת [говорится] любовно и завуалированно, כְּפִירוֹת твердо и открыто, в лицо человеку. כְּפִירוֹת — более сильное [выражение], чем כְּפִירוֹת, потому что оно огорчает ум и причиняет боль сердцу. Оно подобно слову апостола Тимофея: אֵלֶּיךָ יְהוָה וְכָל הָעָם יִשְׁתַּחֲוֶינּוּ לְפָנֶיךָ יְהוָה — „Согрешающих (мол) обличай пред всеми и порицай“. (I Тимофею 5, 20). Далее: וְכָל הָעָם יִשְׁתַּחֲוֶינּוּ לְפָנֶיךָ יְהוָה וְכָל הָעָם יִשְׁתַּחֲוֶינּוּ לְפָנֶיךָ יְהוָה

וְכָל הָעָם יִשְׁתַּחֲוֶינּוּ לְפָנֶיךָ יְהוָה — „Обличи согрешающего перед двумя и тремя свидетелями, и если он не отвратится от пути зла, сделай ему порицание перед всем обществом“ (Матфей 18, 15 сл.).

Какая разница между כָּפָרָה — „порицание“, כְּפִירוֹת — „обвинение“. כָּפָרָה — стыд за то, что было сделано или сказано. Это [слово] в большинстве случаев [употребляется], когда порицаемый находится далеко, כְּפִירוֹת — наоборот, когда обвиняемый близко.

Какая разница между כְּפִירוֹת — „суждение“ и כְּפִירוֹת — „мнение“? Мы считаем, что כְּפִירוֹת ближе к истине, чем כְּפִירוֹת.

Какая разница между כָּפָרָה — „открытый“ и כָּפָרָה — „указанный“? Мы говорим כָּפָרָה о том, что было скрыто и обнаружилось, כָּפָרָה употребляется для того, что открыто.

כָּפָרָה, כָּפָרָה, כָּפָרָה — многие и разные языки, כָּפָרָה — некто говорящий, кто [сам по себе] не имеет изменений, как арамей или еврей.

כָּפָרָה — (при жизни) свидетельствовавшие, т. е. умершие.

ḥṣḥḥḥ — открывшие, т. е. книги, глаза и уши.

ḥḥḥḥ — бросающие, т. е. [бросающие] долгое время.

ḥḥḥḥ — свидетельствующие от себя, не призывая никого для свидетельства.

ḥḥḥḥ — свидетельствующие от других, призывая в свидетели.

ḥḥḥḥ — радующие себя и радующие других.

ḥḥḥḥ — подобный человеку, единственному по своей учености в своем веке.

ḥḥḥḥ — расположенный один раз, ḥḥḥḥ и ḥḥḥḥ — расположенный много раз.

ḥḥḥḥ — они были закрыты один раз, ḥḥḥḥ — они были закрыты много раз.

ḥḥḥḥ — быть упомянутым много раз.

ḥḥḥḥ — быть упомянутым один раз.

ḥḥḥḥ — дошло до меня, нечто, что было близко мне и коснулось меня, как одежда тела. ḥḥḥḥ — достигло меня, нечто, что было далеко и было доведено до меня, как ожидаемая награда или молва.

ḥḥḥḥ [значит], что человек что-то выбрасывает из рук или из сердца, ḥḥḥḥ — переход от общего к частному.

ḥḥḥḥ — нуждающийся в других, нуждающийся потому, что у него нет своего знания.

ḥḥḥḥ — завернутый один раз, ḥḥḥḥ — много раз заворачиваемый в одежды.

Конец грамматики, написанной Мар Ильей, католикосом.

---

## ИНДЕКС ГРАММАТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ, УПОТРЕБЛЯЕМЫХ В ГРАММАТИКЕ

Настоящий индекс грамматических терминов составлен по следующему принципу: термин, написанный по-сирийски, затем его перевод (если нет указаний на синонимы в сирийском и арабском языках) и перечень глав, в которых он встречается в данном значении. В скобках перевод термина на немецкий язык, данный Бетгеном (следует за буквой **В.**, что сокращенно значит Бетген), и\*страница, на которой он имеется в списке грамматических терминов Моберга<sup>1</sup> (следует за буквой **М.**, что сокращенно значит Моберг). Если значение термина у Моберга совпадает с нашим переводом, дается только номер страницы, если не совпадает, приводится его значение в понимании Моберга. Если же этого термина в индексе Моберга не имеется, это обозначается простым пропуском упоминания Моберга.

В индексе грамматических терминов Моберга для каждого термина даны имена сирийских грамматиков с указанием страницы и строки грамматик, в которых они имеются. В тех случаях, когда Моберг не дает ссылки на грамматику Ильи Тирханского, это отмечается (без ссылки на И. Т.). Также отмечается тот факт, если Моберг упоминает только грамматику Ильи Тирханского (ссылка только на И. Т.). Термины расположены по корням в алфавитном порядке.

ܥܠܬܐ вид: 7, 16, 22, 28 (**В.** Art, Species; **М.** 9, 1 — без ссылки на И. Т.).

ܩܝܨܘܬܐ ܥܠܬܐ виды предложений: 7 (**В.** Arten von Sätzen; **М.** 9, 2).

ܩܘܠܘܬܐ (син. сир. ܩܘܠܐ, араб. الجمال) (имя) качества: 13 (**В.** Qualität; **М.** 11).

ܩܘܠܘܬܐ (син. сир. ܩܘܠܐ ܕܥܘܠܐ, араб. جملة) речь: 13; предложение: 1, 5, 7, 11, 13, 14, 29, 30 (**В.** Satz; **М.** 14); проповедь: 29 (**В.** Homilie).

ܩܘܠܘܬܐ связывать: 22, 30 (**В.** Verbinden; **М.** 15). ܩܘܠܘܬܐ (син. араб. حرف) союз: 10, 12, 28, 30 (**В.** Konjunktion); частица: 18 (**В.** Konjunktion; **М.** 15, 1) Partikel, dritter und letzter Redeteil; 2) σύνδεσμος der griechischen Grammatiker, Konjunktion). ܩܘܠܘܬܐ ܩܘܠܘܬܐ утвердительные частицы: 18 (**В.** Bedingungskonjunktionen). ܩܘܠܘܬܐ ܩܘܠܘܬܐ звательные частицы: 18 (**В.** Rufkonjunktionen).

<sup>1</sup> Moberg. Buch der Strahlen. Zur Terminologie. p. 163.

- כִּיֹּאךְ долгота (длительность, протяженность): 13, 15, 18 (B. Länge).  
אִיִּיךְ, אִיִּיִּיךְ (син. כִּיֹּאִי, כִּיֹּאִיִּי) связка: 1, 3, 4 (B. Artikel — 1, Bindeglied — 3, 4); частица: 16, 19 (B. Bindeglied — 16; Bindeglied (Relativum) — 19; M. 17); связывающие члены: 16 (B. Bindeglieder).
- כִּיֹּאִיךְ буква: 1, 2, 5—7, 12, 16, 17, 22, 24—30 (B. Buchstabe, Konsonant — 27); согласная: 5, 17, 26, 27, 30 (B. Konsonant); союз: 22 (B. Konjunktion; M. 17, 1) Buchstabe als Schriftzeichen; 2) (wie ar. حرف auch): Partikel). כִּיֹּאִיִּיךְ כִּיֹּאִיךְ движущаяся согласная: 17 (B. Bewegte Konsonant). כִּיֹּאִיִּיךְ כִּיֹּאִיךְ движущаяся буква: 17 (B. Bewegte Buchstabe, bewegte Konsonant); огласованная согласная: 30 (B. Mit einem Vokal versehener Buchstabe; M. 34 כִּיֹּאִיִּיךְ כִּיֹּאִיךְ) mit Vokal gesprochener Buchstabe). כִּיֹּאִיךְ כִּיֹּאִיִּיךְ буква, претерпевающая руккаху или кушайю: 12 (B. Leidende Buchstabe; M. 43). כִּיֹּאִיִּיךְ כִּיֹּאִיךְ слабые буквы: 17 (B. Kranke Buchstaben; M. 52). כִּיֹּאִיִּיךְ כִּיֹּאִיךְ активные буквы: 30 (B. Bildungsbuchstaben). כִּיֹּאִיִּיךְ כִּיֹּאִיךְ гласные буквы: 5, 17, 25, 27 (B. Vokalbuchstaben; M. 88, 2). כִּיֹּאִיִּיךְ כִּיֹּאִיךְ буквы, имеющие смягчение: 28 (B. Buchstaben, welche weich ausgesprochen werden). כִּיֹּאִיךְ כִּיֹּאִיִּיךְ покоящаяся буква, согласная буква, не имеющая гласной: 27, 30 (B. Vokalloser Konsonant).
- כִּיֹּאִי согласовывать: 10 (B. Konstruieren, M. 21 — *ссылка только на И. Т.*).
- כִּיֹּאִי<sup>3</sup> несклоняемый: 1, 2, 18 (B. Indeklinabel; M. 21 (ar. مَبْنِيّ) flexionlos — *ссылка только на И. Т.*).
- כִּיֹּאִי כִּיֹּאִי слово: 10, 12, 29 (B. Wort); звук: 27 (B. Vokal).
- כִּיֹּאִיִּי сокращенный: 18 (B. Verkürzt; M. 22 (verkürzt; von Buchstaben) nicht ausgesprochen — *ссылка только на И. Т.*).
- כִּיֹּאִי כִּיֹּאִי слово: 25 (B. Deutlich ausgesprochen wird (כִּיֹּאִי כִּיֹּאִיִּיךְ כִּיֹּאִי)); звук: 25 (B. Laut); звуковое изображение: 25 (B. Laut); ударение: 25 (B. Akzent; M. 22, 1) Laut, Lautgebilde; 2) von einer Stimmodulation, Akzenten. *Во втором значении ссылка только на И. Т.*).
- כִּיֹּאִיִּיִּי гортанные (буквы): 26 (B. Kehlbuchstaben; M. 23).
- כִּיֹּאִי случайность: 30 (B. Akzidenz).
- כִּיֹּאִיךְ, כִּיֹּאִיִּיךְ раскрытый, произнесенный, обнаруженный, открытый: 19, 25, 28, 30 (B. Äusserlich, sichtbar ist, ausgesprochen wird, vernehmbar ist, deutlich hervortreten; M. 24). כִּיֹּאִיִּיךְ כִּיֹּאִיךְ произносится (о букве): 25 (B. Ausgesprochen wird; M. 24).
- כִּיֹּאִיךְ, כִּיֹּאִיִּיךְ быть выпущенным при произношении: 26, 30 (B. Verscheucht, unterdrückt; M. 24). כִּיֹּאִיִּיךְ скрытый: 17 (B. Verstoehlen; M. 25).

כֶּסֶל род: 16, 28, 30 (B. Genus; M. 25). כֶּסֶל רודительный падеж: 16 (B. Genetiv; M. 26, 4).

כֵּסֶל сосуд: 16 (B. Gefäss).

כִּיּוּר название ударения: 29 (B. Gârûrâ; M. 26).

כֶּסֶל написанный слитно: 30 (B. Verbunden ist; M. 26).

כְּבוֹד место (направления): 16; (имя) места: 3 (B. Ort).

כְּבֹד свойство: 30 (B. Qualität).

כִּיּוּר, כְּכִיּוּר, כְּכִיּוּר, כְּכִיּוּר мужской род: 1, 5, 15, 20, 23, 25, 27, 28 (B. Masculinum; M. 27).

כְּבוֹד образ: 16 (B. Bild; M. 27 Form (eines Wortes)). כְּבוֹד подобный: 25, 29, 30 (B. Gleiche, ähnliche; M. 27 כְּבוֹד 1) ähnlich; 2) bildlich, metaforisch (vom Epithet)).

כִּיּוּר название ударения: 29 (B. Metdamrânâ; M. 28).

כְּלוּל (у вост. сир. син. כְּלוּל, כְּלוּל) название ударения: 29 (B. Dathlâthâ).

כְּלוּל снабженный линией כְּלוּל: 2, 8 (B. Versehen mit Hegjâna; M. 28, 3) mit der Linie כְּלוּל versehen). כְּלוּל слог: 8, 17, 25 (B. Silbe); название линии: 28 (B. Hegjâna; M. 28, 1) Aussprache eines Buchstaben mit einem Vokale; 2) Die Linie, der sonst כְּלוּל heißt). כְּלוּל название линии: 28 (B. Mhagjîânâ; M. 29, 2).

כְּלוּל член (в значении части целого, части речи); член предложения: 16, 25, 29 (B. Glied, Satzglied; M. 29); частица: 28 (B. Partikel).

כְּלוּל субъект: 16, 30 (B. Subjekt — 16, Substrakt — 30; M. 29).

כְּלוּל время: 3, 5, 10, 16, 19, 22, 27, 30 (B. Zeit; M. 30 Zeit, Zeitstufe). (כְּלוּל) כְּלוּל прошедшее время: 5, 15, 20, 25, 26, 28, 30 (B. Perfekt, Praeteritum — 20, 26, 28, Vergangenheit — 30; M. 30 כְּלוּל Vergangenheit, כְּלוּל כְּלוּל Perfectum). כְּלוּל настоящее время: 5, 25, 26, 27, 28 (B. Präsens, Präsensformen — 5, 26; M. 30 כְּלוּל Gegenwart, כְּלוּל כְּלוּל Partizip). כְּלוּל будущее время: 5, 25, 28 (B. Futurum; M. 30 כְּלוּל (כְּלוּל) Zukunft, כְּלוּל כְּלוּל Imperfektum).

כְּלוּל название ударения: 13, 18, 28, 29 (B. Zaugâ; M. 32). כְּלוּל название ударения: 29 (B. Zaugâ 'elâjâ).

כְּלוּל, כְּלוּל находящаяся в движении (о букве): 17 (B. Lautbare Aussprache, bewegt; M. 32 כְּלוּל Aph. mit Vokal sprechen (von einem Buchstaben), Vokalausssprache bewirken). כְּלוּל, כְּלוּל, כְּלוּל вокализованный, быть вокализованным, огласованным: 16, 17 (B. Bewegt — 16, 17, vokalisieren — 17, gesprochen werden — 17). כְּלוּל гласная: 17 (B. Vokal); движение (гласной): 17, 27 (B. Bewegung, Vokalbewegung); изменение (гласной): 3, 10, 16; изменение по падежам:



- 𐤀𐤁𐤅, 𐤀𐤁𐤅𐤁, 𐤀𐤁𐤅𐤁𐤅 единственное число: 1, 5, 20—22, 25, 27, 28 (B. Singular; M. 38 Singularisch, Singular). 𐤀𐤁𐤅𐤁𐤅 единичность: 30 (B. Vereinzellung; M. 38 Singularität, Eigenschaft singularisch zu sein).
- 𐤀𐤁𐤅𐤁𐤅 название ударения: 29 (B. Mḥajdânâ; M. 38).
- 𐤀𐤁𐤅𐤁𐤅 название ударения: 29 (B. Mḥawjânâ; M. 38).
- 𐤀𐤁𐤅𐤁𐤅 сильная буква: 17 (B. Gesund; M. 39).
- 𐤀𐤁𐤅𐤁𐤅 изменение (глагола): 3, 6 (B. Flexion (des Verbums)—3, Veränderung; M. 39 Veränderung überhaupt).
- 𐤀𐤁𐤅𐤁𐤅 местоимение: 13, 15, 30 (B. Pronomen, Pronomen (suffixum)—15); местоименный суффикс: 1 (B. Pronomen suffixum; M. 39 Pronomen).
- 𐤀𐤁𐤅𐤁𐤅 пассивность: 26 (B. Leiden; M. 43 Leiden als Bedeutung passivischer Verbal — und Nominalformen). 𐤀𐤁𐤅𐤁𐤅, 𐤀𐤁𐤅𐤁𐤅, 𐤀𐤁𐤅𐤁𐤅 подвергающийся действию, испытывающий воздействие, претерпевающий: 1—3, 18 (B. Leidende, erleiden; M. 43 𐤀𐤁𐤅𐤁𐤅 leidend, Patiens). 𐤀𐤁𐤅𐤁𐤅, 𐤀𐤁𐤅𐤁𐤅 объект действия: 1 (B. Patiens); пассивный залог: 20 (B. Passivisch; M. 43, 1) (von Wortformen) passivisch, von Nomen (N. patientis); 2) (ar. اللمفعول) Patiens; 3) (von den Buchstaben 𐤀𐤁𐤅𐤁𐤅 als) Quššâjâ bezw. Rukkak<sup>h</sup>a erleidend). 𐤀𐤁𐤅𐤁𐤅 пассивность: 16 (B. Leiden; M. 44).
- 𐤀𐤁𐤅𐤁𐤅𐤁𐤅 конечная (буква): 6, 26 (B. Schluß(alaf)—26, Schliessende Buchstabe—6; M. 44—ссылка только на И. Т.).
- 𐤀𐤁𐤅𐤁𐤅 сказуемое (син. сир. 𐤀𐤁𐤅𐤁𐤅, араб. الخبر: 13 (B. Enuntiativus; M. 44 Predicät).
- 𐤀𐤁𐤅𐤁𐤅 порядок: 1, 14 (B. Ordnung; M. 45 Stellung der Buchstaben oder der Vokale im Worte). 𐤀𐤁𐤅𐤁𐤅 классификация: 27 (B. Ordnung; M. 45 Stellung des Wortes im Satze).
- 𐤀𐤁𐤅𐤁𐤅 название линии (сокращения): 28 (B. Mtarjânâ; M. 45).
- 𐤀𐤁𐤅𐤁𐤅 пример, образец, тип: 1, 13, 16 (B. Beispiel, Typus; M. 45 Form (eines Wortes). Bildungsform—без ссылки на И. Т.).
- 𐤀𐤁𐤅𐤁𐤅, 𐤀𐤁𐤅𐤁𐤅 скрывать, быть скрытым: 25, 30 (B. Verbergen, unterdrücken; M. 46 𐤀𐤁𐤅𐤁𐤅 Pa. verbergen). 𐤀𐤁𐤅𐤁𐤅 скрытая, опущенная (буква): 30 (B. Unterdrückt; M. 46 𐤀𐤁𐤅𐤁𐤅 P<sup>o</sup>. (Part. pass.), Et<sup>h</sup>pa. Pass. 2) von Buchstaben, wohl als Reminiszenz älterer Ausdrucksweise und in der Regel durch 𐤀𐤁𐤅𐤁𐤅 ersetzt).
- 𐤀𐤁𐤅𐤁𐤅, 𐤀𐤁𐤅𐤁𐤅 знак, признак: 2, 3, 27, 30 (B. Merkmal, Anzeichen, Zeichen, Erkennungszeichen; M. 46 Zeichen, besonders von Vokal- und Akzentzeichen). 𐤀𐤁𐤅𐤁𐤅 (син. араб. معرفة), 𐤀𐤁𐤅𐤁𐤅 𐤀𐤁𐤅 (син. араб. نكرة) определенное (имя), неопределенное (имя): 11 (B. Bestimmt, unbestimmt; M. 47). 𐤀𐤁𐤅𐤁𐤅 обозначение: 3 (B. Anzudeuten). 𐤀𐤁𐤅𐤁𐤅 признак,

- обозначение, значение: 1, 3, 27, 28 (**B.** Mittel, Bezeichnung, Erkennungsmittel, Merkmal, auszudrücken, bezeichnet; **M.** 47, 1) Hinweisung; 2) (ar. خبر) Predicat).
- ܐܘܪܘܢܐ дательный падеж: 2, 16 (**B.** Dativ; **M.** 47 gr. δοτικῆ (πτῶσις)).
- ܐܘܪܘܢܐ название ударения: 29 (**B.** Jáheb Ṭúbe; **M.** 47 — без ссылки на И. Т.).
- ܐܘܪܘܢܐ присоединение (букв ܐ, ܐ, ܐ к именам при связывании имен в предложении): 4 (**B.** Hinzufügung; **M.** 48 Zusatz jeder Art zu einem Worte — без ссылки на И. Т.).
- ܐܘܪܘܢܐ (син. ܐܘܪܘܢܐ, ܐܘܪܘܢܐ) тяжесть, усилие (при произношении слова): 8, 15, 24, 25, 28 (**B.** Schwere, Beschwerde; **M.** 49). ܐܘܪܘܢܐ тяжелая (т. е. долгая гласная, звук): 17 (**B.** Schwer (d. i. lange Vokale), Schwestern Laut; **M.** 49 Schwer, unbequem (für die Aussprache)).
- ܐܘܪܘܢܐ краткая (гласная), противоположность ܐܘܪܘܢܐ: 17 (**B.** Leichten (d. i. Kurzen Vokal)).
- ܐܘܪܘܢܐ образовывать множественное число: 25 (**B.** Plural bilden; **M.** Et<sup>h</sup>p. in Pluralform gesetzt, gebraucht werden). ܐܘܪܘܢܐ множественное число: 21 (**B.** Plural; **M.** 51, 2) (nach ar. جمع Pluralis). ܐܘܪܘܢܐ ܐܘܪܘܢܐ (И. Т. сопоставляет это с той же категорией в арабском языке, но арабского термина не дает) множественное число множественных чисел: 21 (**B.** Plural des Plural; **M.** 51 (ar. جمع الجمع) — ссылка только на И. Т.).
- ܐܘܪܘܢܐ слабость (букв): 17 (**M.** 52 ܐܘܪܘܢܐܐ Schwäche (eines Buchstaben; ar. علة)).
- ܐܘܪܘܢܐ (син. ܐܘܪܘܢܐ ܐܘܪܘܢܐ) название вида пунктуации: 29 (**B.** Kârtâ).
- ܐܘܪܘܢܐ знак чтения, который ставится для выделения обращения в предложении: 18, 29 (**B.** Methkašfânâ; **M.** 52 syn. ܐܘܪܘܢܐ Bitte als Satzart — без ссылки на И. Т.).
- ܐܘܪܘܢܐ знаки шрифта: 17 (**B.** Schrift); согласные буквы алфавита: 17 (**B.** Konsonantenschrift; **M.** 52).
- ܐܘܪܘܢܐ (син. ܐܘܪܘܢܐ) затруднение (при произношении слова): 24 (**B.** Schwere).
- ܐܘܪܘܢܐ сопровождение (значение частицы ܐ): 16 (**B.** Begleitung).
- ܐܘܪܘܢܐ слово: 30 (**B.** Wort; **M.** 52 ܐܘܪܘܢܐ (λέξις) 1) Wort; 2) Sprache).
- ܐܘܪܘܢܐ произносить: 28 (**B.** Auszusprechen; **M.** 53 اءم. Pa. aussprechen, Et<sup>h</sup>p. pass. — без ссылки на И. Т.). ܐܘܪܘܢܐ язык: предисловие, 17, 18, 26—28, 30 (**B.** Sprache, Zunge — 26, Munde — 28; **M.** 53 Aussprache — без ссылки на И. Т.). ܐܘܪܘܢܐ (ܐܘܪܘܢܐ) (явления) языка: предисловие (**B.** Sprache).
- ܐܘܪܘܢܐ ܐܘܪܘܢܐ (перевод арабского термина ظروف الزمان والمكان) сосуд времени и места: 10 (**B.** Gefässe der Zeit und des Orts; **M.** 54 — ссылка только на И. Т.).



- ሐላይ** префиксы (падежные буквы ኃ, ጥ, ኃ): 16 (B. Fall; M. 63—*ссылка только на И. Т.*).
- ሐይ** произношение: 5, 7, 26—29 (B. Aussprache; M. 64, 2). **ሐይ** **ሐይ** произношение: 26 (B. Aussprache). **ሐይ ሐይ** озвученное произношение: 7 (B. Vokalische Aussprache). **ሐይ** произношение: 15, 27 (B. Aussprache; M. 64). **ሐይ (ጥ ሐይ)** произношение: 15 (B. Aussprache). **ሐይሐይ** присоединение: 16 (B. Verbindung; M. 64 Aussprache—*без ссылки на И. Т.*).
- ሐይ** женский род: 1, 5, 20, 23, 25, 27, 30 (B. Femininum, Femininformen; M. 65). **ሐይሐይ** в женском роде: 30 (B. Femininformen; M. 65). **ሐይሐይ**, **ሐይሐይ** женский род: 1, 5, 15, 20, 27, 28 (B. Feminin, Femininum, Femininformen, weiblichen (Nominibus); M. 65).
- ሐይ** точка: 26, 29 (B. Punkt; M. 66); знак: 29 (B. Akzent). **ሐይ ሐይ** одинаковые точки: 29 (B. In senkrechter Linie stehende Punkte).
- ሐይ** (причастие, инфинитив, в породах Et<sup>h</sup>paal, Aphel, Ettap<sup>h</sup>al) *самые различные оттенки значений этих форм, а главным образом — быть соединенным, присоединенным, связанным, последовательным, отнесенным, поставленным, продолженным*: 3, 5—7, 9, 13, 15—17, 19, 22, 23, 25—28 (B. Gebraucht werden, trifft, verbinden, versehen (das Nomen), hinzufügen, setzen ist, zu ergänzen, erstreckt, vorhanden, zusammenfügt, gilt, anhängen, bezieht, setzen in Verbindung, folgerichtig; M. 66). **ሐይ** аффикс: 3 (B. Zusatz); дополнение: 30 (B. Anhängsel); связь: 18 (M. 67 Anhängsel, Zusatz). **ሐይ** присоединенный: 13 (B. Hinzutritt; M. 67 Anhängsel, angehängt — *без ссылки на И. Т.*). **ሐይሐይ** присоединение: 15, 17 (B. Zusammenschluß—17); последовательность: 26; сопряженное состояние: 28 (B. Zusammengehörigkeit; M. 67 Anhängung überhaupt; 2) Annexion, Annexionsverhältnis; 3) Akzidens). **ሐይሐይ** присоединение: 16 (B. (Status-konstruktus) verbindung; M. 68 Anhängung, Annexion; Suffigierung, Annexion an Suffixe).
- ሐይሐይ**, **ሐይሐይ**, **ሐይሐይ**, **ሐይሐይ**, **ሐይሐይሐይ**, **ሐይሐይ**, **ሐይሐይ** множественное число: 1, 4, 5, 9, 15, 20, 22, 23, 25, 27, 28 (B. Plural; M. 69).
- ሐይ** точки множественного числа: 30 (B. Pluralzeichen; M. 70, 2). **ሐይሐይ ሐይ** расположение точек: 29 (B. Setzung der Punkte; M. 70 **ሐይ** 1) Setzung der Punkte).
- ሐይሐይ** ሐ, **ሐይሐይ** ሐ (син. **ሐይሐይ** ሐ) название вида гласной w: 27, 30 (B. Masâqâ, Vau masaqtâ; M. 71, 1).
- ሐይ** название ударения: 13, 16, 29 (B. Sâmkâ; M. 72 — *без ссылки на И. Т.*). **ሐይሐይ ሐይ** название ударения: 29 (B. Sâmkâ gnîbnâ). **ሐይሐይ ሐይሐይ** название ударения: 29 (B. Schuhlâf Sâmkâ; M. 72 — *без ссылки на И. Т.*).

עֲשֵׂה дело, действие: предисловие, 1—3, 7, 27, 30 (В. Thatsache, Leiden—3, Handlung, Etwas—7, Ding—27); (здравый) смысл: 1 (В. Sinn); категория: предисловие, 25, 27 (В. Ding—предисловие, Etwas, Sinn); обстоятельство: предисловие, 1. (В. Thatsache); объект действия: 1 (В. Patiens); понятие: 22, 28 (В. Begriff; М. 72, 1) Tätigkeit, Abstraktum; 2) Realität, Ding). עֹשֶׂה (син. сир. עֲשֵׂה, араб. فاعل) деятель: 1 (В. Handelnde, Agens; М. 72—ссылка только на И. Т.); создатель: 30 (В. Handelnde). עֲשֵׂה действие: 25 (В. Handeln; М. 73 Tätigkeit). עֲשֵׂה (син. араб. مفعول) объект действия: 1—3 (В. Patiens, leiden; М. 73). עֲשֵׂה объект действия, деятель которого не упомянут вместе с ним: 3 (В. Passiven Sätzen; М. 73 Leiden—ссылка только на И. Т.).

עָבַד сталкиваться (о буквах): 30 (В. Zusammenstossen).

עֲבָלִים изысканность (языка и речи): 29 (В. Eleganz).

עֲבָלִים линия, знак чтения: 28 (В. Linie).

עָבַד спрягать: 27 (В. Flectieren; М. 73 עָבַד ableiten. Et.<sup>h</sup>pass.).

עָבַד спряжение: 18, 24 (В. Flexion; М. 73 Ableitung, Abwandlung).

עָבַד густота (о трудности произношения при удвоенности букв в глаголе): 28 (В. Dick; М. 73).

עָבַד (причастие) управлять (в грамматическом смысле): 1, 12, 18 (В. Regieren, grammatisch beeinflussen; М. 74—ссылка только на И. Т.); производить: 10 (В. Hervorbringen). עָבַד действующий (подразумевается деятель, носитель действия): 1 (В. Handelnde); дело, действие: 26, 30 (В. Handlung, Tat; М. 74 עָבַד Tätigkeit, Prädicat eines Verbalsatzes—без ссылки на И. Т.). עָבַד (син. עֲשֵׂה) деятель: 1, 3, 16, 30 (В. Agens, Thäter; М. 74, 2). עָבַד (глагол) активного залога: 26 (В. Aktiv). עָבַד активный залог: 20 (В. Aktivisch); активный (о букве): 30 (В. Bildungs(buchstaben)); винительный падеж: 2 (В. Akkusativ; М. 74—ссылка только на И. Т.). עָבַד действие: 19 (В. Wirksamkeit; М. 74—без ссылки на И. Т.). עָבַד объект действия: 1, 3 (В. Patiens; М. 74).

עָבַד ל (син. עָבַד וְעָבַד) примыкающий к союзу: 30 (В. Zur Konjunktion gehörig; М. 76).

עָבַד ל наречие: 10, 16 (В. Adverb; М. 76); примыкающий к предложению: 30 (В. Zum Satz gehörig). עָבַד ל наречие места: 18 (В. Örtlichen Adverb). עָבַד ל наречие времени: 18 (В. Zeitliches Adverb).

עָבַד ל (син. сир. עָבַד וְעָבַד, араб. ظروف الزمان والمكان) наречие: 10, 30 (В. Adverb; М. 76).

עָבַד название ударения: 12, 13, 16, 18, 28, 29 (В. 'Elâjâ; М. 76—без ссылки на И. Т.).

- ح (причастие действительного залога, инфинитив, Arhel) присоединять, соединять: 9, 12, 13, 16, 19, 25, 30 (В. Hinzutreten, verbinden, brauchen, vorkommen, hinzufügen; М. 76). **ح** присоединение (букв): 1 (В. Grund der Buchstaben; М. 76). **ح** артикль: 1 (В. Grund); причина: 7, 16, 18, 24, 25, 30 (В. Grund, Ursache; М. 77 Stammwort — без ссылки на И. Т.). **ح** причинный падеж: 16 (В. Akkusativ; М. 77, 3) (**ح**) gr. αἰτιατικῆ (πτῶσις)).
- ح** название ударения: 18, 29 (В. 'Esjânâ; М. 78 — без ссылки на И. Т.).
- ح** знак чтения: 29 (В. 'Asîsâ; М. 79).
- ح** корень: 18, 24, 27 (В. Wurzel; М. 79).
- ح** (общая) связь предложения: 15 (В. Gewebe des Satzes; М. 79 — ссылка только на И. Т.).
- ح** будущее время: 25 (В. Futurformen; М. 79). См. **ح**.
- ح** (Pael, причастие) быть подобным, относиться, сравнивать: 9, 14, 26, 27 (В. Ähnliche, gleichen, vergleichen, bilde die Analogie; М. 80 Pa. Punktieren — без ссылки на И. Т.). **ح** пунктуация, знаки пунктуации: 28, 29 (В. Punktation, Interpunktation, Interpunktionszeichen); быть огласованным: 30 (В. Vokalisirt werden; М. 80, 1) Punktation; 2) Punktzeichen). **ح** знаки препинания: 13 (В. Interpunktionszeichen; М. 34).
- ح** падеж: 16, 18 (В. Kasus, Fall); (син. **ح**) спряжение (глаголов): 27 (В. Kasus; М. 81, 1) von den „Kasusbuchstaben“ **ح**, **ح**, **ح**, **ح**; 2) Flexionsform). **ح** прямой падеж: 16 (В. Geraden Kasus).
- ح** название ударения: 29 (В. Mîsânâ; М. 81, 2 — без ссылки на И. Т.).
- ح** половина **ح**: 17 (В. Halbe Alaf). **ح** полугласная: 25 (В. Halber Laut; М. 87, 2). **ح** полугласная (буква): 17, 25, 27 (В. Halbvokalisch (Buchstab), halb Vokalbuchstab; М. 88, 2).
- ح** (Ethpeel, причастие) отсекать, сокращать: 5, 7—9, 12, 15, 26 (В. Abschneiden, abstossen, verkürzen, fortgenommen wird, abwerfen, arokopieren; М. 81 — без ссылки на И. Т.). **ح**, **ح**, **ح** (син. араб. الترخيم) сокращение, усечение имени: 4, 6—9, 26 (В. Abschneiden, Verkürzung der Nomina, Verkürzung; М. 81). **ح**, **ح** (син. араб. الجزم) сокращение, усечение глагола: 5, 8, 24 (В. Verkürzung der Verben, Verkürzung, Abschneiden, Ausstossung; М. 81). **ح** название ударения: 13, 29 (В. Der Satz ein enuntiativer — 13, Pâsûqâ); повествовательное (предложение): 7 (В. Enunciativ; М. 81). **ح** ограниченный: 18 (В. Beschnitten ist; М. 81

- abgekürzt — без ссылки на И. Т.). **ḥḥḥḥ** сокращенный вид: 8 (B. Verkürzt); краткость: 8 (B. Kürze).
- ḥḥḥḥ** название ударения: 25, 29 (B. Paqûdâ); повелительное предложение: 7 (B. Imperativ; M. 82, 1, 3). **ḥḥḥḥ** повелительное наклонение: 5, 15, 25 (B. Imperativ; M. 82, 2). **ḥḥḥḥ** в повелительном наклонении: 5, 15, 23—25 (B. Imperativ, Imperativform, im Imperativ; M. 82). **ḥḥḥḥ**, **ḥḥḥḥ** повелительное наклонение: 5, 15, 23, 26 (B. Imperativ; M. 82 **ḥḥḥḥ**).
- ḥḥḥḥ** взрывное произношение (буквы): 27 (B. Hervorgestossen).
- ḥḥḥḥ** заключительная часть (периода предложения): 18, 19 (B. Nachsatz; M. 82). **ḥḥḥḥ ḥḥḥḥ** вторая часть периода предложения: 29 (B. Nachsatz).
- ḥḥḥḥ** лицо (в местоимениях и глаголах: 1-е, 2-е, 3-е): 5, 10, 15, 25, 27, 28, 30 (B. Person; M. 83).
- ḥḥḥḥ** (причастие, Ethpeel, Ethpaal) отличать, различать, разделять, обозначать, устанавливать: 15, 17, 24, 27, 29 (B. Unterscheiden, auszeichnen, trennen, bestimmen). **ḥḥḥḥ** (диакритические) знаки: 17 (B. Diakritische Zeichen); различие, отличие, разделение, разница: 15, 23—25, 28, 30 (B. Unterscheidung, Unterschied; M. 84). **ḥḥḥḥ** (знак), различающий (произношение букв), разделяющий (слова при чтении предложения): 27, 28 (B. Unterscheidende, Trennung; M. 85). **ḥḥḥḥ** написанный раздельно: 30 (B. Getrennt).
- ḥḥḥḥ** фразовый член: предисловие, 13, 14 (B. Satzglied, Glied, Pethgâmâ — 14); слово: 1, 20, 30 (B. Wort, Glied — 20); предложение: 1, 12, 19, 28, 29 (B. Wort — 1, Satzglied — 12, Satz; M. 86).
- ḥḥḥḥ** название гласной а: 12, 17, 27, 28 (B. Pthâhâ; M. 86). **ḥḥḥḥ** название гласной петâḥâ: 24 (B. Pthâhâ; M. 86). **ḥḥḥḥ** (согласная буква), снабженная гласной **ḥḥḥḥ**: 27, 30 (B. Pthâhâ, mit Pthâhâ versehen ist; M. 86). **ḥḥḥḥḥḥ** (буква) произносится с **ḥḥḥḥ**: 17, 26, 29 (B. Mit Pthâhâ ausgesprochen wird).
- ḥḥḥḥ** желательное предложение: 7 (B. Predicativen); название ударения: 29 (B. Msaljânâ; M. 86). **ḥḥḥḥḥḥ** (син. **ḥḥḥḥḥḥ**, **ḥḥḥḥḥḥ**) падеж: 2, 18 (B. Flexionsform, Flexion); изменение флексии (глагола): 27 (B. Flexion; M. 86).
- ḥḥḥḥ** форма: 30 (B. Zeichnung).
- ḥḥḥḥ ḥḥḥḥḥḥ** (син. сир. **ḥḥḥḥ ḥḥḥḥḥḥ**, араб. ظروف الزمان والمكان) наречие: 10 (B. Adverbien; M. 87 — ссылка только на И. Т.). **ḥḥḥḥ ḥḥḥḥḥḥ** предлог: 10, 30 (B. Präposition; M. 87).
- ḥḥḥḥ** голос: 17 (B. Stimme; M. 87, 1) Laut, Laut der Buchstaben; Tonfall, Stimmodulation; 2) Selbstlaut der Vokale). **ḥḥḥḥ ḥḥḥḥḥḥ** — см. **ḥḥḥḥḥḥ**.

- كلمة, كالملة, كالملة كالملة гласная (буква): 6, 7, 17, 24, 25, 27 (B. Vokalbuchstab, vokalisch — 17, Vokal — 27, für sich lautbar sind — 27; M. 88). كالملة كالملة см. كالملة; كالملة كالملة см. كالملة (كالملة.ك) كالملة уничтожение (буквы при сокращении глаголов): 5 (B. Unterdrückt wird).
- كالملة (син. араб. نعت) определяющее прилагательное: 13, 19 (B. Qualificativ; M. 89 Prädicat). كالملة كالملة определение определения: 13, 19 (B. Qualificativ des Qualificativ; M. 89 — не дает перевода термина, ссылка только на И. Т.). كالملة كالملة общее сказуемое: 7 (B. Ganze Kategorie).
- كالملة краткая (гласная): 17 (B. Leichten (d. i. Kurzen Vokal); M. 89). كالملة легкость (произношения слов): 28 (B. Leichtigkeit; M. 89). كالملة легкая (гласная): 17 (B. Leicht (d. i. Kurz)).
- كالملة название ударения: 29 (B. Mqalsânâ; M. 89 — без ссылки на И. Т.).
- كالملة звательное (предложение): 7 (B. Vokativen); название ударения: 29 (B. Qârûjâ; M. 91 — без ссылки на И. Т.). كالملة звательный падеж: 16 (B. Vokativ; M. 91, 2 — ссылка только на И. Т.).
- كالملة произносить (букву): 26 (B. Hörbar machen; M. 91).
- كالملة, كالملة сильный (о произношении): 30 (B. Hart; M. 92, 1) Hart, mit Quššâjâ gesprochen (Buchstabe)). كالملة твердо произносимая (буква): 12, 27 (B. Hart; M. 92). كالملة твердо (произнесенная буква): 30 (B. Mit Härte). كالملة твердое произношение (буквы), знак, указывающий на это произношение: 27, 28 (B. Quššâjâ; M. 92). كالملة, كالملة твердое произношение буквы (с كالملة): 27, 30 (B. Hart (ausgesprochen)). كالملة произносится твердо (о букве): 30 (B. Hart ausgesprochen).
- كالملة, كالملة произносится с كالملة (о букве): 24, 26 (B. Ausgesprochen wird mit Rbhâšâ; M. 93 — ссылка только на И. Т.). كالملة название гласной: 12, 17, 25—27 (B. Rbhâšâ; M. 93). كالملة разновидность гласной w: 25 (B. Vau rbhištâ; M. 93); знак гласной كالملة: 27 (B. Rbhâšâ).
- كالملة كالملة название ударения: 29 (B. Raḥtâ dphâseq; M. 93 — без ссылки на И. Т.). كالملة كالملة كالملة название ударения: 29 (B. Raḥtâ dlâ Phâseq; M. 94 — без ссылки на И. Т.). كالملة كالملة название знака чтения: 28 (B. Marḥtânâ; M. 94, 2).
- كالملة название гласной (разновидности w): 27 (B. Rwaḥtâ; M. 94). كالملة a, كالملة a a, произнесенный с гласной كالملة: 25 (B. Vau rwiḥtâ; M. 94).
- كالملة (причастие, Ethreel, причастие, Arhel) отбрасывать, сокращать (букву): 5, 6, 12, 13, 15, 17, 24, 25, 28 (B. Fortnehmen — 5, 13, 15, 25; ver-

- loren — 5, wegnehmen — 5, elidieren — 6, entfernen — 12, 17, 24, weglassen — 17, fortlassen — 25, unterdrücken — 28; **М.** 94). **𐎠𐎡** отбрасывание (буквы): 5, 28 (**В.** Wegnehmen, Aufhebung; **М.** 94 — *ссылка только на И. Т.*). **𐎠𐎡𐎠𐎢** отбрасывание (гласной): 5 (**В.** Fortnehmen).
- 𐎠𐎡𐎠** образование (имен и глаголов): 27 (**В.** Zusammensetzung); построение (слов): 30 (**В.** Syntax, Zusammensetzung; **М.** 96).
- 𐎠𐎡𐎠** мягкое (произношение): 12 (**В.** Weich; **М.** 96). **𐎠𐎡𐎠** смягчение (буквы при произношении), знак, обозначающий смягчение: 12, 27, 28 (**В.** Erweichung, Rukâkhâ; **М.** 96). **𐎠𐎡𐎠𐎢** (произносится) мягко: 30 (**В.** Weich ausgesprochen; **М.** 96). **𐎠𐎡𐎠** мягко (произносимая буква): 27, 30 (**В.** Weich (aspirirt)). **𐎠𐎡𐎠𐎢** смягченное (произношение буквы): 27 (**В.** Weich). **𐎠𐎡𐎠𐎢** смягченная (буква, т. е. произнесенная с **𐎠𐎡𐎠**): 28 (**В.** Weich auszusprechen sei).
- 𐎠𐎡𐎠** название ударения: предисловие (**В.** Rethma; **М.** 98 — *без ссылки на И. Т.*).
- 𐎠𐎡𐎠** название ударения: 29 (**В.** Mšajlânâ); вопросительное предложение: 7 (**В.** Interrogativen; **М.** 98).
- 𐎠𐎡𐎠** изменение: 2, 3, 16 (**В.** Veränderung). **𐎠𐎡𐎠𐎢𐎣** изменение вокализации, гласной: 13, 18 (**В.** Veränderung der Vokale). **𐎠𐎡𐎠𐎢𐎣** не изменяемые (буквы, т. е. не претерпевающие **𐎠𐎡𐎠** или **𐎠𐎡𐎠**): 12 (**В.** Nicht veränderlichen). **𐎠𐎡𐎠𐎢** измененная (гласная): 18 (**В.** Geändert wurden).
- 𐎠𐎡𐎠𐎢** общая (форма): 27 (**В.** Gemeinsam); соприкосновение (народов и языков): предисловие (**В.** Berührung; **М.** 98 gr. μετοχή — *без ссылки на И. Т.*). **𐎠𐎡𐎠𐎢** (син. **𐎠𐎡𐎠𐎢**) предикативное прилагательное; 16 (**В.** Adjektivum; **М.** 98 (gr. μετοχή) von dem **𐎠𐎡𐎠𐎢**). **𐎠𐎡𐎠𐎢** прилагательное: 30 (**В.** Adjectiv; **М.** 99 (gr. μετοχή) — *ссылка только на И. Т.*).
- 𐎠𐎡** быть в покое: 17 (**В.** Ruhen; **М.** 99). **𐎠𐎡**, **𐎠𐎡** безгласная (неподвижная) буква, находящаяся в покое: 16, 17 (**В.** Ruhend, Ruht, vokalloser Buchstabe, ruhender Konsonant, ruhen, ruhender sei); покой: 17, 27 (**В.** Ruhe; **М.** 99). **𐎠𐎡** **𐎠𐎡** см. **𐎠𐎡**. **𐎠𐎡** находящаяся в покое: 17 (**В.** Ruhen (d. h. vokallos)).
- 𐎠𐎡** слово: 1, 17 (**В.** Nominibus, wort); имя (как часть речи): предисловие, 1—4, 6, 7, 10, 11, 13, 14, 16—22, 25—30 (**В.** Nomina, Nomen, Nominibus, Wort—30); ударение: 17 (**В.** Betonung); название: 30 (**В.** Name, Benennung; **М.** 100). **𐎠𐎡** (**𐎠𐎡**) (имена) места: 3 (**В.** Ort.). **𐎠𐎡** **𐎠𐎡** несклоняемые имена: 1 (**В.** Indeklinabel).
- 𐎠𐎡** **𐎠𐎡** имя, подвергающееся действию: 1 (**В.** Patiens). **𐎠𐎡** **𐎠𐎡** (син. араб. معرفة) определенное имя: 11 (**В.** Bestimmte... Nomen). **𐎠𐎡** **𐎠𐎡** (син. араб. نكرة) неопределенное имя:

- 11 (В. Unbestimmte... Nomen). **ῥηοίασων ῥηοίαι** имена действия: 27 (В. Nominibus Aktionis; М. 73). **ῥηοίωσιν ῥηοίαι** объект действия: 3 (В. Patiens). **ῥηοίωσιν ῥηοίαι** имена получающие (т. е. объекты действия): 2 (В. Empfangenden Nominibus). **ῥηοίαι** название: 30 (В. Benennung; М. 102 (ar. صفة) Qualifikativ — без ссылки на И. Т.).
- ῥηοίωσιν** (син. сир. **ܪܗܘܝܘܢ**, араб. **الحرير**) сказуемое: 13, 18, 19 (В. Enuntiativus, Prädicat); изъявительное наклонение: 15, 23, 25 (В. Praeteritum, Form von Praeteritum, Perfekt); высказывание: 18, 29 (В. Nachsatz (**ῥηοίωσιν ῥηοίαι**) — 18, Aussage — 29); повествование: 13, 14 (В. Erzählung (d. i. Darstellung); М. 102). **ῥηοίωσιν** изъявительное наклонение: 15, 25 (В. Praeteritum; М. 102). **ῥηοίωσιν** в изъявительном наклонении: 5, 15, 23—25 (В. Praeteritum — 5, 15, 23, 24, Perfektum — 24, Perfektform — 25; М. 103).
- ῥηοίαι** звук: 17 (В. Laut); форма (слова): 18, 25—28 (В. Paradigma — 18, 25, 27, Form — 26, 28, Conjugation — 26; М. 103, 1) Silbe; 2) Form. Во втором значении ссылка только на И. Т.).
- ῥηοίαι** название ударения: 29 (В. Schräjä; М. 104, 2 — без ссылки на И. Т.). **ῥηοίαι** подлежащее: 18 (В. Vordersatz); возникновение, начало (слова): 2, 18, 25, 30 (В. Anfang; М. 104). **ῥηοίαι** буквы **ϝ**, **ϗ**, **ϛ**: 1, 2 (В. Artikel); (син. **ῥηοίαι**, **ῥηοίαι**) частицы (**ϝ**, **ϗ**, **ϛ**): 4, 16 (В. Casus); падеж: 16 (В. Casus; М. 104). **ῥηοίαι** начальные буквы: 12 (В. Anfangbuchstaben; М. 105 — ссылка только на И. Т.).
- ῥηοίαι** выразительность, ударение: предисловие (В. Festen Regeln; М. 105 (ar. **تأكيد**) Verstärkung — без ссылки на И. Т.). **ῥηοίαι** **ῥηοίαι** основа предложения: 30 (В. Grundlage des Satzes).
- ῥηοίαι** (= **ῥηοίαι**) название гласной: 25—27 (В. Schislä; М. 105).
- ῥηοίαι** (син. **ῥηοίαι**) определенный (об имени): 1, 11 (В. Determinirt, bestimmt); постоянный (в значении твердо установленный): 2, 18 (В. Fest, feststehend; М. 106).
- ῥηοίαι** название ударения: предисловие, 12, 13, 16, 28, 29 (В. Tahtájä; М. 106 — без ссылки на И. Т.).
- ῥηοίαι** название ударения: 29 (В. Tkasa; М. 106 — без ссылки на И. Т.).
- ῥηοίαι** (син. **ῥηοίαι**) наука об усовершенствовании языка: 18 (В. Sprachverbesserung). **ῥηοίαι** **ῥηοίαι** правильность речи: предисловие (В. Orthoepie; М. 109 **ῥηοίαι** (**ῥηοίαι**) Sprachrichtigkeit).
-

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Грамматика Ильи Тирханского — древнейшая дошедшая до нас грамматика сирийского языка. До нее мы не располагаем произведениями, посвященными изложению всех вопросов грамматической системы сирийского языка. Возможно, это объясняется не только тем, что подобные труды не сохранились до наших дней и мы не имеем о них сведений в более поздних сочинениях; по-видимому, у сирийцев на самом деле не существовало всеобъемлющего труда по вопросам грамматики.

В предисловии и в тексте своей грамматики Илья Тирханский высказывает соображения относительно истории развития сирийской грамматики и как бы подводит итоги предшествующему изучению сирийского языка. Он пишет: „Обычно этот язык считается исключительно бедным и незначительным по [количеству] правил, которые ограничиваются объяснением знаков языка. Я же, если ты будешь судить по работе, осветил силу, скрытую в нем, и написал книгу. И я предоставляю любителям истины, которые существуют ныне и войдут в этот скоропреходящий мир в будущем, рассеянные и распыленные мысли, которые я соединил и собрал воедино, с тем чтобы мы со всей полнотой могли судить о правилах сирийского языка, о большой выразительности его имен и глаголов, которые даны с древнейших времен. Обдуманно и последовательно добивались и добиваются знания категорий своего языка как древние, так и современные ученые“ (предисловие).

В описании Ильи Тирханского труды по грамматике сирийского языка до него не имели законченного характера, так как каждый из грамматиков, сосредоточиваясь на каком-либо вопросе, не упоминал своих предшественников, не использовал их сведения. Вследствие этого все вопросы грамматики не были соединены „в одну ткань“ и грамматика сирийского языка не имела законченного, заверщенного характера, не „приобрела совершенства“ (гл. 18).

Далее, в этой же главе, сирийский ученый называет имена известных сирийских грамматиков и рассказывает кратко об их вкладе в развитие сирийской грамматики: „Иаков Эдесский и другие упоминали о частях речи, о их связи, говорили о формах [слов]. Хонейн бар Исхак [писал] относительно сказуемого и подлежащего, предложения, которое является заключительной частью высказывания; Иосиф Хузайа, Рамишо и остальные восточные [грамматики] — о видах пунктуации, о различных

[ее] значениях и о всех ее подразделениях. В восточных школах по традиции получают и передают друг другу [все правила] об ударении, а именно: *Qal, Kal, Kasabab, Kaḥ*, — правила, [касающиеся] глаголов и их спряжений, имен, их корней, согласных букв, которые сокращаются без ущерба, и тех, которые не сокращаются, предшествуют [словам]. Ясно, что если бы все это было объединено в одну ткань, грамматика сирийского языка стала бы большим искусством“.

Короче говоря, Илья Тирханский отмечает, что: 1) грамматика сирийского языка разрабатывалась с древнейших времен; 2) на основе глубокого и всестороннего изучения языка еще древними учеными были установлены правила по всем вопросам грамматической системы; 3) ученые-грамматики посвящали свои труды главным образом уточнению и объяснению чтения и произношения и разработке отдельных вопросов, а не категориям грамматической системы языка в целом, в результате чего 4) ко времени Ильи Тирханского не существовало грамматического сочинения, которое содержало бы полный свод всех грамматических правил сирийского языка.

По-видимому, Илья Тирханский объясняет такое состояние грамматической науки сирийцев отчасти тем, что они неправильно понимали значение грамматики, поэтому в предисловии дает следующее ее определение: „...грамматика является, кратко, наукой об изменениях имен, глаголов и фразовых членов какого-нибудь одного языка или [наукой об изменениях], касающихся многих языков, т. е. наукой о правилах различных изменений имен, глаголов и фразовых членов, обозначающих понятия, скрытые в душе человека“.

Это определение поднимает изучение грамматики сирийского языка на новую ступень.

К решению задачи составления грамматики сирийского языка автор подошел очень серьезно. Он пишет в своем предисловии, что прежде чем начать писать свою книгу, он занялся изучением языков. Основное внимание было им обращено на исследование и изучение сирийского и арамейского языков, и, „не попросту“, а в „доме изучения наук“, затем на арабский язык, в грамматике которого он „провел некоторое исследование“. Греческого же языка Илья Тирханский не знал, но все же изучил „Органон“ Аристотеля, который считает необходимым „орудием“ для изучения всех наук, а особенно для изучения „явлений речи и языка“. „Поэтому, — пишет он, — я счел необходимым написать руководство для начинающих изучение сирийского языка, следуя тем правильным мыслям, которые я установил. Более всего я согласовывал [свои исследования] с [грамматикой] арабского языка, богатого этим искусством“.

Илья Тирханский сообщает, что он не знал греческого языка, факт, который был бы совершенно невозможен для грамматика более раннего периода. Но в XI в., когда эпоха греческого влияния на развитие сирийской грамматической науки отошла уже в прошлое, это было обычным явлением. В грамматике нашего автора следы греческой науки

о языке можно отметить, с одной стороны, как результат предыдущего развития сирийской грамматики, а с другой стороны — как черты, характерные для всей средневековой науки о языке, которая во многом следовала античным грамматикам.

Древнейшее учение<sup>1</sup> греков о делении звуков на согласные, гласные и полугласные было освоено сирийскими учеными и имеется в грамматике Ильи Тирханского без особых пояснений. Он понимал значение этих терминов, только под влиянием теории арабских грамматиков о гласных и знаках гласных предлагал обозначать термином полугласная (ܟܘܠܘܠܐ ܕܥܘܠܐ) знак гласного.

Выделение двух частей речи — имени и глагола и объяснение различия между ними посредством логических рассуждений, с привлечением их функции в предложении как субъекта и предиката, которое впервые было сделано Платоном в Кратиле,<sup>2</sup> подобно определению имени и глагола у Ильи Тирханского.

Можно предположить, что рассуждения Ильи Тирханского о превосходстве мужского рода над женским, связанные с анализом форм глаголов в мужском и женском роде, объясняются не только знакомством с трудами арабских грамматиков, но являются следствием „путаницы рода в отношении естественного пола и грамматической формы“,<sup>3</sup> которая присуща древнейшим рассуждениям греков о языке. А конец гл. 30 его грамматики, который содержит объяснение значения отдельных форм и слов, можно объяснить стремлением автора соблюсти каноны античной науки о языке, для которой были характерны рассуждения на грамматические темы и развито искусство правильного употребления слов.<sup>4</sup> Следует отметить, что все упомянутые вопросы учения греков о языке являются результатом доаристотелевского, т. е. древнейшего, периода развития греческой грамматики.<sup>5</sup>

Следующее важное отличие изучаемой нами грамматики от предшествующих заключается в том, что Илья Тирханский — первый сирийский грамматик, который поставил себе целью изложить грамматику сирийского языка по арабскому образцу. Но он не стремился перевернуть все основы, а опирался на достижения предыдущих поколений сирийских грамматиков, себе он приписывает роль только „собирателя правил“, которые известны издавна, но не были компактно и последовательно изложены. Содержание его грамматики тесно связано с сирийской грамматической традицией. Так, вопросы усовершенствования сирийского алфавита и обозначения произношений букв ܕܘܠܘܬܐ раз-

---

<sup>1</sup> Fischer. The origin of tripartite division of speech in semitic grammar, p. 131.

<sup>2</sup> Там же, стр. 138.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Также еще до Аристотеля в учении греков отмечаются рассуждения о подлежащем и сказуемом, о числах, наклонениях и временах. См. там же.

рабатывались почти всеми сирийскими грамматиками. Илья Тирханский подчеркивает в своей грамматике первоначальную грамматическую направленность несторианской системы пунктуации. Выделяя в сирийском языке семь частей речи, он следует сирийской грамматической традиции. Категории имени существительного (и прилагательного, изложенные на примерах слов, относящихся к имени существительному), вся система глагола, имеющиеся в грамматике Ильи Тирханского, представляют результат многовекового изучения языка сирийскими учеными. Однако в изложении и объяснении образования почти всех форм имени и глагола он применил правила арабской грамматики об усечении некоторых имен (в звательной форме — *الترخيم*) и глаголов (в условном наклонении — *الجزم*) и считал усечение одним из основных грамматических особенностей как имен, так и глаголов. Практически для развития сирийской грамматики это не имело никакого значения, кроме того, может быть, что дополнительно обращало внимание на формо- и словообразование в сирийском языке.

Много места Илья Тирханский посвятил сопоставлению некоторых арабских грамматических понятий и их терминов с сирийскими. Не всегда эти сопоставления были удачными и полезными, но они имели и положительные результаты. Так, например, определение грамматики, данное в предисловии, также является отчасти результатом его работы по сравнению арабского и сирийского языков в основном с терминологической стороны.

Илья Тирханский старался использовать в своем труде многие положения арабской грамматики, но, к сожалению, основные достижения арабской грамматической мысли: „Грамматические категории, отражающие взаимосвязи морфологических явлений в разных синтаксических единицах, а также глубокий анализ и четкое определение отдельных, взятых вне синтаксических связей, явлений словоизменения и словообразования и, наконец, разработка понятий корня и флексии“<sup>6</sup>, так же как „методические основы их исследований“<sup>7</sup> — остались не до конца понятыми. Как справедливо заметил еще П. К. Коковцов, Илья Тирханский „не додумался до, казалось бы, простой мысли использовать основной принцип арабской системы — закон трехбуквенности корней для разработки сирийской грамматики“<sup>8</sup>.

В эпоху Ильи Тирханского в связи с изменением исторической судьбы сирийцев после арабского завоевания наблюдается упадок изучения и употребления сирийского языка. Это отразилось как на теоретическом и научном уровне грамматики, так и на композиции,

<sup>6</sup> Г. М. Габучан. К вопросу об арабских грамматических учениях. В сб.: Семитские языки, М., 1963, стр. 50—51.

<sup>7</sup> Там же.

<sup>8</sup> П. К. Коковцов. Новые материалы для характеристики Иехуды Хайюджа, Самуила Нагйда и некоторых других представителей еврейской филологической науки в X, XI и XII веках. Пгр., 1916, стр. 73.

и на отборе материала или тем, включенных в изучаемую нами грамматику.

Во всех разделах грамматики чувствуется ее практическая направленность. Цель автора — дать практические советы для быстрого усвоения правил и изучения языка. Например, он не дает классификации звуков, хотя она уже существовала в сирийской грамматике, а знакомит читателя только с тремя группами букв, знание свойств которых важно для знания и понимания форм имен и глаголов. Изложение системы глагола также напоминает урок, который учитель дает ученику, обостряя его внимание на самых важных моментах.

Практический характер грамматики Ильи Тирханского ни в коей мере не умаляет ее значения, так как это первая грамматика сирийского языка, которая донесла до нас не только результат работы поколений сирийских грамматиков, но и бесценные сведения о многих из них, об истории развития сирийской грамматической науки.

Почти каждый вопрос, который освещается в грамматике Ильи Тирханского, представляет глубокий интерес и заслуживает тщательного исследования с привлечением материалов сирийского, арабского и греческого языков.

---

## ОГЛАВЛЕНИЕ

|  | Стр. |
|--|------|
| Введение . . . . .   | 3    |
| Определение термина „грамматика“ . . . . .                             | 12   |
| Буквы, звуки, знаки . . . . .  | 16   |
| Определение частей речи . . . . .                                      | 31   |
| Имя (существительное) . . . . .  | 36   |
| Глагол . . . . .   | 48   |
| Употребление арабских терминов в грамматике Ильи Тирханского . . . . . | 76   |
| Перевод . . . . .  | 94   |
| Индекс грамматических терминов, употребляемых в грамматике . . . . .   | 140  |
| Заключение . . . . .   | 154  |

---

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК. ВЫП. 14 (77)  
*Рима Гатовна Рылова. Грамматика сирийского языка  
Ильи Тирханского XI в.*

*Утверждено к печати  
Российским Палестинским обществом  
Академии наук СССР*

Редактор Издательства *А. М. Решетов*  
Технический редактор *А. В. Смирнова*  
Корректор *Ф. Я. Петрова*

Сдано в набор 6/1 1965 г. Подписано к печати 17/IV  
1965 г. РИСО АН СССР № 2-131 В. Формат бумаги  
70×108<sup>1/16</sup>. Бум. л. 5. Печ. л. 10=13.7 усл. печ. л.  
Уч.-изд. л. 11.32. Изд. № 2570. Тип. зак. № 4.  
Тираж 1200. ТП 1965 г. № 119 дополнительно.  
*Цена 68 к.*

Ленинградское отделение издательства „Наука“  
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

---

1-я тип. издательства „Наука“, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

| Страница | Строка    | Напечатано     | Должно быть    |
|----------|-----------|----------------|----------------|
| 95       | 4 снизу   | (ܩܘܠܘܘ)        | (ܩܘܘܠܘܘ)       |
| 108      | 10 сверху | ܩܘܘܠܘܘܘ —<br>. | ܩܘܘܠܘܘܘ —<br>. |
| 124      | 2 снизу   | ܩܘܘܠܘܘ         | ܩܘܘܠܘܘ         |

Р. Г. Рылова. Грамматика сирийского языка.

